

Рассел Макклауд

ЧЕРНОЕ СОЛНЦЕ ТАШИ ЛУНПО

Аннотация

Мир вскоре после наступления нового тысячелетия - убит президент Европейского центрального банка, на лбу у него обнаружено необычное клеймо.

Австрийский журналист Ганс Вайгерт в ходе своих расследований наталкивается на тайную империю, которую он сначала не может понять. Окутанное тайной копье судьбы, жаждущие власти масоны и таинственный орден «Туле» вплетаются в тысячелетнюю легенду об Агарты и Шамбале. Расселу Макклауду удалось политический триллер, к которому стоит прислушаться.

Тем не менее, эта книга больше, чем просто роман. Для тех, кто сумеет ее понять, все будет уже не таким, каким было раньше. За это ручаются интенсивные исследования автора в области действующих в политике эзотерических тайных обществ.

Вена, 14 марта 1938

Он вернулся домой, в тот город, который покинул почти двадцать пять лет назад. Он никогда не любил его, нет, он даже его ненавидел. И, все же, он когда-то провел здесь почти шесть лет, время, которое он позже обозначал как «самую тяжелую, пусть даже и самую солидную школу» его жизни, время, в которое он загнал себя, и которое гнало его.

Было очень холодно. Из рта людей вырывались маленькие облачка пара. Воротники пальто прохожих были высоко подняты, руки глубоко засунуты в карманы. Дождь, часами ливший из темных туч, перемежался со снегом. Сильный ветер несея по улицам, заставляя людей идти быстрее обычного. Было ли дело в погоде или только в фигурах, стоявших перед приютом для бездомных в длинной очереди, переминаясь с ноги на ногу? Ему тоже приходилось стоять в таких очередях. Он почувствовал ненависть, ненависть к людям, отворачивающих взгляд, как только он натолкнулся на эти изможденные фигуры. Он чувствовал, что буржуазное общество одновременно отталкивало и привлекало его. Но чем больше он смывал презрение, тем сильнее становилось у него стремление стать частью этого самого общества.

Последствиям этого предстояло сказываться еще долгие годы. Он защищал этот порядок, который он в то же время отвергал. И так, когда он, отвергнутый, встал на сторону отвергающих, он попытался устранить внешне видимое перенесенное унижение. Он хотел бросить миру свои упреки, чтобы объяснить несовершенством мира собственную судьбу.

Тогда, когда он стоял в длинном ряду перед приютом, чтобы получить тарелку супа, среди собравшегося сброда мегаполиса, тогда он был еще очень далек от этого. Это было в ноябре 1909 года. Все же, до 24 мая 1913 года, когда он по-вернулся к этому городу спиной, он должен был получить для себя то, что поз-же один из его биографов назвал «гранитным фундаментом», не догадываясь, насколько на самом деле правильным было это определение.

Теперь, когда тогдашние события в уме промелькнули перед его глазами, он снова стоял там, где он в 1910 году стоял первый раз. До 1913 года он бывал здесь десятки раз, но все же никогда не пользовался привилегией быть тут только в одиночку, один на один с копьем судьбы, один на один с историей.

Сегодня его провожатые выполнили это его желание. Уже прошло около получаса с тех пор, как они закрыли дверь за собой. Теперь он погрузился в мысли, производил впечатление медитирующего, ведущего диалог со своим Богом. Голову он вытянул вперед, колючий взгляд уставился на копьё, которое лежало на красном бархате перед ним.

Внезапно верхняя часть его туловища начинала дрожать, сначала очень легко, потом все сильнее. Наконец, дрожь охватила его руки, голову, ноги. На лице появились капли пота, которые, стекая вниз, оставляли соленые следы на коже и мочили воло-

сы его тонких усов. Дрожь переходила в настоящий озноб, но взгляд его оставался направленным неподвижно на острие копья. Но транс, который напал на него, чтобы овладеть его духом, не позволял больше ничего воспринимать его органам чувств.

Рот раскрылся и наружу вырвался крик, в котором не было ничего человеческого. Его руки рванулись вперед, схватили копье, вырвали его в воздух. Голова одним толчком поднялась кверху, его темные глаза буквально приклеились к части истории, которую он держал в вытянутых, дрожащих руках. Его фуражка соскользнула вниз и упала на землю. Прядь волос упала на покрытый потом лоб.

Он стал единым целым с магическими силами, которые излучало копье, флюиды которого распространялись по нему, наполняли его и порождали возвышенное чувство, которого он не испытал еще никогда.

Он ждал четырежды по семь лет - 28 лет в целом - этого момента. Теперь, в ночь с 14 на 15 марта 1938 года, он, наконец, держал это копье в своих руках. Он стал единым с судьбой, он сам стал судьбой. Крик утих, перешел в хрип, верхняя часть туловища упала вперед и ударилась с грохотом о маленький столик. Его пальцы судорожно сжимали кусок металла, так, как будто они клялись никогда больше не отпускать его.

Всего несколькими часами раньше он вошел в город. Тот город, который он в 1913 году покинул тихо и тайком, теперь он брал его для себя с триумфом. Восторженные толпы, море цветов, лес знамен, бушующее ликование, громкие фанфары, украшенные дома - все это для него, когда-то отвергнутого.

Когда немецкие войска вступили в город, австрийский президент дал приказ герметично перекрыть центр Вены и охранять, прежде всего, правительственные здания около дворца Хофбург. Но когда отряды полиции прибыли туда, они натолкнулись на вооруженные отряды СС. Эрнст Кальтенбруннер лично наблюдал за передачей ключей от сокровищницы, так как это помещение было важнее, чем все правительственные здания вместе взятые, важнее, чем все остальное. Оно и было как таковое целью. Не просто так занятие дворца было приоритетным заданием, и переворот был спланирован в стиле генерального штаба.

Гитлер вышел через дверь из сокровищницы. Снаружи ждали Вольфрам фон Зиверс, майор Вальтер Бух, Эрнст Кальтенбруннер, а также Генрих Гиммлер. Прошло больше часа, с тех пор как они оставили там его в одиночестве. Все же, одного часа хватило, чтобы что-то изменить в нем. Хозяин Германии превратился в кандидата на получение переходящего кубка под названием Земля.

В 1932 году он говорил Герману Раушнинггу: «Мы не дадим миру уснуть. Мы поставим перед собой задачи, о которых сегодняшний мир даже не мечтает. Германия это только начало. Кто завоеует ее, тот определит судьбу следующего века».

Теперь он был уверен: в этом ему уже никто не смог бы помешать.

Нюрнберг, 30 апреля 1945

«Полученные до сегодняшнего момента сведения указывают, что приказ перевезти императорские регалии в безопасное место хранения исходил от Гиммлера. Кроме Гиммлера и чиновников нюрнбергского муниципалитета, уполномоченных организовать транспорт, о настоящем пребывании регалий были проинформированы только Кальтенбруннер, шеф немецкой службы безопасности, и Мюллер, руководитель Гестапо. Во время совещания начальников отделов в Главном управлении имперской безопасности, которое проходило 1 апреля в Берлине, то есть через один день после вывоза регалий, Мюллер сообщил Кальтенбруннеру: «Императорские регалии были затоплены надежными агентами в озере». Кальтенбруннер в ответ произнес только: «Хорошо!». Эту информацию сообщил оберфюрер Шпациль, который как руководитель 2-го отдела Главного управления имперской безопасности принимал участие в этом совещании. Из этого диалога Шпациль сделал вывод, что Кальтенбруннер хорошо был осведомлен о деталях операции, в противном случае он задавал бы дальнейшие вопросы. Но из замечания Мюллера можно напротив сделать и вывод, что идея замести следы с помощью вымышленной истории о затоплении регалий в каком то озере родилась в высших кругах немецкой полиции безопасности, и что приказ инсценировать фальшивый вывоз регалий из Нюрнберга пришел из Берлина. Тот факт, что даже руководители Главного управления имперской безопасности не были признаны достаточно достойными, чтобы быть посвященными в эту тайну, доказывает, какое политическое значение придавалось этой операции.

На основе этих фактов и в соответствии с беседами между пленными членами СС, о которых сообщило разведуправление 3-й армии, все свидетельствует о том, что по представлениям немецкой службы безопасности императорские регалии должны были стать символом будущего немецкого движения сопротивления»^[1].

Джип подпрыгивал на обломках, лежавших по всей улице. Водитель, как только мог, старался объезжать их. Американская артиллерия и бомбардировщики выполнили всю работу. Руины, куда ни посмотри. В стальной грозе из тысяч тонн взрывчатки было сломлено последнее немецкое сопротивление.

Капитан Уолтер Томпсон приказал водителю остановиться. Выходя, он оставил винтовку в машине. Несколько часов назад его солдаты обнаружили в маленьком переулке Нюрнберга кое-что, что он хотел теперь рассмотреть точнее. Под кучей хлама и обломков появился вход в туннель. Томпсон приблизился к нему. Два охранявших вход солдата доложили.

- Это старый подвал, сэр. Там внутри нет света. Но мы уже организовали факелы.

Солдат, сержант, на которого более высокое звание Томпсона явно не произвело особого впечатления, жевал свою жевательную резинку. Ухмыляясь, он поднял вверх два факела.

- Хорошо, сержант. Вы пойдете со мной.

Томпсон взял себе один факел и зажег его своей защищенной от ветра зажигалкой. Он шел впереди, сержант следовал за ним. На первых метрах они должны были еще вскарабкаться через остатки каменных стен, которые когда-то образовывали дом над подвалом, но потом идти стало легче.

Свет факелов таинственно освещал стены подвала. Древний, подумал Томпсон. После нескольких метров он увидел, что стены больше не обложены камнем. Теперь проход был выдолблен просто в скале.

Сержант шел сразу за ним. Внезапно он громко выругался.

- Что случилось, сержант?

Томпсон обернулся.

- Ничего, сэр. Я просто стукнулся головой об эту проклятую скалу. Здесь уж слишком тесно.

- А вы, собственно, уже проверили заранее проход на предмет мин и мин-ловушек? Иначе может случиться кое-что гораздо неприятнее.

- Да, конечно. То, что мы нашли, мы убрали. И если там еще что-то есть, то вы найдете их первым...

Томпсон был сейчас слишком взволнован, чтобы указать сержанту на его место. Найдет ли он здесь на самом деле то, что он надеялся найти?

Уже много месяцев, еще задолго до того как первый американский солдат вступил на немецкую землю, Томпсону дали этот приказ и подчинили ему специально для этой цели образованное спецподразделение. Чем дальше продвигались вперед американские войска, тем больше сведений собиралось у него. Последние недели он полностью посвятил поиску предполагаемых тайников с регалиями династии Габсбургов - и безуспешно.

Но все же, здесь, в Нюрнберге, было «горячо». Достаточно долго хранилось копье в этом городе, который когда-то стал фоном для инсценированных в духе гигантомании имперских партийных съездов НСДАП. Почему бы, спрашивал себя Томпсон, ему все еще не оставаться здесь?

Вот! Свет факелов вырвал из темноты остатки массивной стальной двери. Солдаты выломали ее. За ней это и должно было быть! Томпсон больше не обращал внимания на солдата за ним. Он хотел узнать это, прямо сейчас! Он быстро перепрыгивал через разбросанный повсюду мусор и обломки, двигаясь вперед. Затем он прошел через стальную дверь.

За нею лежал целый ряд деревянных ящиков, оставленный, по-видимому, в большой спешке в нетипичной для немцев неразберихе.

- Ну, дружище, подержите-ка!

Томпсон передал свой факел сержанту. Одновременно он вытянул из ножен боевой нож. Он схватился за ящики, открывал один за другим. Все они содержали бесценные художественные ценности, награбленные из всех частей Европы. В любой другой ситуации Томпсон позволил бы себе долго рассматривать их, но сейчас с каждым новым ящиком, который он открывал и не находил в нем то, что искал, его лихорадочное возбуждение только лишь увеличивалось. Сержант непонимающе смотрел на трудящегося в диком темпе капитана.

И вот, наконец, в тринадцатом ящике, он нашел то, что искал. Чувство облегчения пронеслось по нему. Он нашел то, что хотел, для него война закончилась, по меньшей мере, его война.

Иногда временное совпадение событий бывает поразительным, также или именно тогда, когда они случаются в местах, отделенных сотнями километров друг от друга. Нить, кажется, связывает оба события, сплетает их, делает их частями общего целого. Если потянуть за один конец нити, что-то двинется на другом. Однако часто это не прямая линия, которая связывает две вещи друг с другом. Нить отклоняется, описывает изгибы, завязывается в узлы. И только немногим людям достается возможность эти узлы распутать.

Гитлер обедал в 14.00, в глубине берлинского «фюрербункера», в окружении его секретарш и поварихи. В то время как он принимал свою последнюю трапезу, два советских солдата поднимали на куполе Рейхстага красное знамя. После еды Гитлер созвал своих самых близких сотрудников. Он пожал руки Геббельсу, Борману, генералам Бургдорфу и Кребсу, своим секретаршам - госпоже Юнг и госпоже Кристиан - а также нескольким ординарцам. Затем он удалился вместе со своей многолетней спутницей Евой Браун, с которой он сочетался браком незадолго до этого, в свою комнату.

Часы показывали 15. 30. В тот момент, когда капитан Уолтер Томпсон открывал тринадцатый ящик в нюрнбергском подвале, в берлинском «фюрербункере» прозвучал выстрел. Адольф Гитлер был мертв, его жена приняла яд.

В то время как в Нюрнберге несколько американских солдат с трудом вытаскивали ящики из подвала, в Берлине солдаты охранного полка СС вытащили трупы Гитлера и Евы Браун наверх во двор. Их облили бензином, адъютант Гитлера Отто Гюнше бросил на тела горящую тряпку.

Семь лет Гитлер владел копьем. Из мужчины, когда-то стоявшего в Вене в очереди за горячим супом среди всякого сброда, он стал хозяином Германии и, наконец, всей

Европы. В апогее его власть простиралась от ледяного Нордкапа до раскаленной пустыни Северной Африки, от волн Атлантики до бескрайних широт России.

Если бы кто-то сказал, что путь Гитлера начался в 1910 году в Венской сокровищнице, его посчитали бы сумасшедшим. Но мудрецы посмотрели бы друг на друга и понимающе улыбнулись. Не бывает случайностей, самое большее есть вещи, которые обычные люди объясняют обычными причинами.

Теперь огонь пожирал плоть человека, ставшего символом ледяного уничтожения. Огонь и лед, в вечной игре магических сил. Казалось, что пламя требовало дань за миллионы оставшихся мертвецов. Но огонь породил бы пепел, а пепел стал бы семенем для нового феникса, который в далеком будущем поднялся бы из него с сильным взмахом крыльев.

Вена, 18 ноября

Только на семнадцатый раз писк будильника проник в мозг Ганса Вайгерта. Самому будильнику это было безразлично. Он пищал бы так долго, пока в его электронных внутренностях протекал бы электрический ток. Может быть, вплоть до конца всех дней. Или пока хозяин прикажет его схеме прекратить - и нажмет кнопку с обозначением «Off».

После 22-ого звука пора было уже дать ему эту команду. Вайгерт валялся и на ощупь искал правой рукой нарушителя спокойствия, или, точнее: ту белую пластмассовую кнопку, через которую хозяин мог передавать свои распоряжения машине.

Первые обе попытки не удались, что зависело, пожалуй, от того, что Вайгерт закопал свою голову в подушку и рука пыталась справиться с будильником вслепую, полагаясь лишь на осязание своих пальцев. Все же, наконец, ей это удалось. Короткое нажатие и зуммер прекратился. Хозяин приказал.

Вайгерт не обижался на будильник. Для него он был как паромщик, который каждое утро переводил его из одного мира в другой. Из царства сна в действительность жизни. По утрам организм Вайгерта действовал медленнее, чем обычно. Как будто жизнь решила, снизив свой темп, растянуть время и про-длить саму себя. Но трюк этот не мог удалиться. Ведь мир снаружи пульсировал в привычном ритме, требовал людей, которые занимали свое место в нем и приспособлялись к этому темпу. И потому телу Вайгерта приходилось каждый день снова синхронизировать свои процессы с процессами в мире.

Как раз сейчас пришло время для этого. То, что нельзя изменить, нужно принимать. Когда он поднимался, то чувствовал стук молотков в голове. Прошлая ночь требовала своей дани. Медленно пробивались воспоминания. Какое же кафе это было? «Фогги Дью» с его превосходными импортами из Ирландии, причем все не меньше 43

процентов объема? Или если это был «Бирфлут», где дюжина кранов для пива торчала из стенки и не хотели заканчиваться. Нет, все же нет. Пожалуй, это было действительно «Фогги Дью». Молотки в голове застучали сильнее.

Только немного света проникало через закрытые жалюзи окна спальни. Но этого вполне хватало для ориентации. На ночной тумбочке переполненная пепельница, рядом пустая упаковка сигарет и зажигалка. Два стакана, в одном из которых все еще были остатки виски, довершали натюрморт. 2 стакана!?

Вайгерт повернул голову направо. Необычная для этого времени дня быстрота движений вызвала боль. Она все еще лежала там. Нога высунулась из-под одеяла – и что за нога! Над ее голыми плечами лежали волны длинных, белокурых волос. Глаза – они вчера были еще темно-синими, если Вайгерт мог вспомнить – были закрыты. Тени для век немного стерлись. Это наверняка произошло, когда их горячие тела так близко соединились, чтобы штурмовать вершину вожделения.

Вайгерт познакомился с нею вчера, в «Фогги Дью», вероятно. Ее имя... Ева? Нет, это бы он запомнил. Но буква «е» точно была в имени. Даниела, вероятно? Вероятно. А может быть, и нет.

Как бы то ни было. Прежде чем уйти, он должен был ее разбудить. Но до этого еще было время. А, собственно, который час? Будильник. У него же есть и другие задания, не только пиццать. Один лишь взгляд проинформировал Вайгерта, что уже через двадцать минут десятого. Как раз время дню принимать свой темп.

Он осторожно встал с кровати. Он еще не хотел будить ее. Беседы утром после этого в большинстве случаев протекали неудобно. Уже часто Вайгерт обдумывал, как можно было бы избежать этой ситуации. Но он пока еще не нашел решение. И потому старался свести общение до необходимого минимума.

В спальне царил хаос. Всюду лежали разбросанные предметы одежды. Сейчас он как раз стоял на своих джинсах. В открытой двери лежала ее юбка. Двумя шагами дальше, еще в передней, черные трусики, который он там стянул с нее. Если бы их сложить, они вряд ли были бы больше почтовой марки. На полпути к двери на ковровом покрытии лежала его вчера еще белая рубашка. Вчера кто-то случайно разлил на нее красное вино, да еще одного из этих ужасных урожаев. Сегодня ему точно не придется ее надеть. Из-под рубашки высовывался один его носок. И совсем рядом ее черные чулки без пояса, швы которых так соблазнительно подчеркивали ее длинные ноги. Собственно, Вайгерт искал свои трусы. Но их нигде не было видно. И он решил остаться таким как есть: голым.

Когда он в ванной увидел в зеркале свое лицо, то был приятно удивлен. Он ожидал худшего. То, что он стриг свои черные волосы действительно коротко, вновь оказалось полезным. Они были не слишком растрепаны. Щетина придавали ему несколько дерзкий вид, и потому он решил отказаться от бритья. Зеленые глаза выглядели

несколько заспанными, но после хорошего душа и таблетки от головной боли это тоже уладилось бы.

Вайгерт открыл воду - ледяную - и стал под струей. Это был его стиль привести себя в нужный темп и синхронизироваться с движением мира. На его теле были еще следы загара прошлого лета. Было прекрасное, горячее лето, каким Вайгерт его любил. Всякий раз, когда позволяло время, он ехал на выходные на одно из озер, которые создавали действительно многочисленные ландшафты Зальцкаммергута или Каринтии.

Он не брал настоящего отпуска, он решил перенести его на следующий год. Пять недель в Шотландии. Высокогорье. Туманные долины. Тихие вечера перед камином. Прокуренные пабы. Волынки. Виски из солода. В следующем году.

Холодная вода струилась по его телу и пробуждала в нем жизнь. По Вайгерту было видно, что он - пусть даже и много лет назад - усердно занимался спор-том. Но его профессия оставляла ему для этого все меньше времени. И, наконец, он совсем бросил спорт. Вместо этого он стал еще больше курить - это, пожалуй, профессиональная болезнь журналистов.

Вайгерт выключил воду и потянулся за полотенцем. Вытирая себя насухо, он решил отказаться от завтрака. Времени все равно не хватило бы. Лучше он перекусит уже в редакции.

Когда он зашел в спальню, чтобы взять себе свежие вещи из шкафа, белокурый ангел, который подсластил ему ночь, проснулся. Когда она открывала глаза, Вайгерт увидел, что его память его не подвела. Они были действительно темно-синие.

- Доброе утро!

- Привет!

- А который час? Судя по голосу, она действительно проснулась. По-видимому, она не только по вечерам все делает быстро.

- Половина десятого. Я, к сожалению, должен уходить. Работа зовет.

- Ты всегда начинаешь так поздно?

- Большею частью. У жизни журналиста тоже есть свои преимущества.

- У студенческой жизни тоже.

Теперь снова ему вспомнилось: французский язык и история, рассказывала она вчера. Французским она владела, никакого сомнения. До истории они уже не дошли.

- То есть, я должна уже уходить?

- Точно, мое сокровище.

- Ну, тогда... Она сбросила одеяло и встала с кровати. Если бы было немного пораньше, Вайгерт не смог бы сопротивляться. Но было уже половина десятого. И жизнь снаружи давно шла в полном темпе. Он не хотел заставлять ее ждать.

Она подбирала свои вещи с пола.

- Ты не видел случайно мои трусики?

- Они лежат там снаружи, в передней.

Она засмеялась.

- Ах, да, точно.

Собственно, она была симпатичной.

Она наклонилась за своими трусиками. Грация движения показывала, что она осознавала ее действие. Она любила свое тело, она продемонстрировала это ему уже прошедшей ночью.

- Как мне тебя найти?

- Я запишу тебе мой номер телефона.

Она натянула трусики. Прозрачная передняя часть как раз была достаточно, чтобы прикрыть самое необходимое. Сзади вообще ничего не было, если не считать тонкой ленточки. Вайгерт множество раз видел подобные картины.

Она потянулась к сумочке и вытащила из нее шариковую ручку и листок. Пока она записывала свой номер, Вайгерт застегивал рубашку. Он надеялся, что хотя бы сегодня на ней не появятся, по крайней мере, пятна от красного вина.

- Вот!

Она протянула ему листок. Когда он взял его, она его поцеловала.

- Не выбрасывай.

- Я буду его беречь как зеницу ока. Мне как раз уже пора...

- Все ясно. Она поняла прозрачный намек и быстро оделась.

- До скорого, колючая борода.

Еще один поцелуй, и она исчезла. Она не записала ему своего имени.

Когда Вайгерт поднял жалюзи, чтобы впустить в спальню уже не такое свежее утро, он заметил, что снаружи начинался прекрасный день. Только солнце, как показалось ему, висело немного ниже, чем обычно в это время.

Вена, 18 ноября

Франц Хавличек, один из редакционных курьеров, первым попался на пути Вайгерту.

- Привет, Ганс! Ты что-то сегодня не очень-то в форме. Опять пьянствовал, или как?

Вайгерту нравился Хавличек, но неужели это нужно было говорить так громко?

- У каждой ночи есть своя цена. Как я слышал, твоя два дня назад стоила очень дорого. Если бы у нас было не несколько курьеров в редакции, то нам пришлось бы распределять почту самим.

Хавличек прижал палец к губам, как заговорщик, который опасается, что его тайный план мог бы быть раскрыт.

- Но, но... У меня была ужасная мигрень. Что тогда можно сделать, кроме как остаться дома?

- Ну, вот смотри. С такой же мигренью я тащусь на всех четырех ногах в редакцию, чтобы работать. И как меня тут встречают?

- Хорошо, хорошо. Но все же я за то, что нам следовало бы ввести границу в ноль промилле для редакторов у компьютера. Тогда у газеты был бы, наконец, шанс стать действительно хорошей. Но меня никто не слушает.

У Хавличека была в редакции определенная свобода, которой у него по его должности как бы не должно было быть. Он, курьер редакции, был одновременно кем-то вроде придворного шута газеты. Он мог говорить такие вещи, которые другие предпочитали держать при себе. При этом он обычно не обращал внимание на должность или влияние. Все знали это, и большинство также принимали это. Если бы он был редактором, ему это было бы не так легко. Все же, таким образом он часто становился рупором, трубившим о том, с чем другие смирились, и тем самым - ледоколом, ломавшим давно застывшие фронты. Это было его настоящей функцией в том социотопе из редакторов, которые образовывали команду «Листка». Редакционным курьером он тоже был, между прочим.

Семь лет назад Ганс Вайгерт впервые вступил в святые залы «Листка». Как и сегодня, первым человеком, которого он тогда встретил в редакции, был тоже Хавличек.

Оба столкнулись прямо во входной двери. Огромная стопка почты, которую принес курьер, равномерно разлетелась по полу.

- Смотри, смотри. Новый галстуконоситель появился. - Приветствие Хавличека было не особенно почтительным. Он указал на письма на земле: - Для вас тут еще ничего не могло бы быть, конечно.

Вайгерт тогда только что прибыл в «Листок» из университета Джона Хопкинса в Болонье, где он получил свою степень доктора экономики по аспирантской программе. До этого он никогда не имел дела с журналистикой. Все же, представление о работе в средствах массовой информации всегда волновало его. Он претендовал, собственно, на должность в административном отделе. Но случай захотел, чтобы он начал как редактор. Он до сих пор не сожалел об этом.

Пока он болтал с Хавличеком, Вайгерт снова вспомнил о своих первых минутах в «Листке», тогда, когда они вдвоем подбирали разбросанную почту. Голос Хавличека прервал его воспоминания.

- Сегодня будь осторожен, Ганс. Коротышка уже порядком сердит.

«Коротышка» - таким ласкательным прозвищем журналисты «Листка» наградили своего главного редактора. Если присмотреться поближе к доктору Карлу Бергманну, нужно было бы согласиться, что прозвище было выбрано правильно.

- Сначала он бегал по коридорам и рычал. Вчера кто-то написал имя нашего дорогого канцлера с ошибкой. Этого никто не заметил, и сегодня оно так и появилось в газете, да еще и прямо в заголовке. Когда он нашел виновного, то все и началось. Смерч по сравнению с этим просто легкий ветерок.

- И кто же был виноват?

- Джо Гайслер из отдела внутренней политики. У него наверняка снова был один из его дневных снов.

Вайгерт засмеялся. Он очень хорошо мог представить себе своего коллегу Гайслера, как он сидел перед компьютером, тогда как в мечтах он был на своей парусной яхте, штурвал крепко в руках, плыл навстречу морским волнам. Как можно такое сравнить с каким-то там канцлером?

Вайгерт взял последний номер «Листка» из большой стопки, которая лежала наготове в приемном помещении, и собрался войти в офис.

- Не попадайся шефу на глаза, Ганс. Если он увидит твою помятую рожу, у нас будет новый смерч.

- Не бойся, я спрячусь в туалете.

- Там теперь уже больше нет места!

Пока Вайгерт неторопливо шел по коридору, он бросил взгляд на первую страницу газеты. Сначала он прочел обе заглавные строки передовой: «Россия в ЕПТС? Новые переговоры в Москве».

ЕПТС или Европейский Политический Союз возник четыре года назад как последняя ступень Европейского Сообщества. Австрия тоже входила в ЕПТС, после того, как после продолжительных переговоров в 1995 году она присоединялась к тогдашнему ЕЭС. За прошедшее время интеграция Европы дошла до того, что Совет ЕПТС как практически европейское правительство во многих сферах заменил национальное законодательство. Теперь Брюссель был подлинным сердцем Европы, у других столиц, собственно, остались лишь роли статистов.

Революции в восточноевропейских государствах в конце восьмидесятых и в начале девяностых годов привели к крушению того, что до этого объединяли в общее понятие «Восточный блок». За самое короткое время все больше этих стран свернули на демократическо-рыночный курс.

Ортодоксальные коммунисты пытались в распадающемся СССР в 1991 году еще раз повернуть колесо времени назад. Но после того, как им удалось сместить инициатора советской политики реформ Михаила Горбачева, их путч провалился всего через пару дней. Как последствие этого старая гвардия была удалена с ее последних командных позиций. Советский Союз не пережил этого процесса. Он распался на составлявшие его республики, которые сегодня лишь частично удерживались свободными узами федерации.

Все еще длившаяся стремительная гонка экономического наверстывания последовала за этим. То, что еще в начале восьмидесятых годов никто не посчитал бы возможным, произошло: Россия и большинство других республик стали демократическими государствами, живущими по капиталистическим принципам. Карл Маркс, пожалуй, все еще вертелся в своей могиле.

Экономика Запада, если понятие «Запад» вообще еще было уместным, собиралась захватить теперь ставший доступным огромный рынок. Потому не было ничего удивительного, что вышедшие из СССР республики, прежде всего Россия, проявляли все более сильный интерес сначала к ЕЭС, а позже и к ЕПТС. Заявления о присоединении были поданы уже несколько лет назад. Но только за несколько последних месяцев они превратились в настоящие переговоры о вступлении. Мир становился все более единым.

Вайгерт открыл дверь в свой офис, который делил с тремя другими коллегами. Один из них уже был на месте.

- Доброе утро всем!

- Доброе ли это утро, еще нужно посмотреть.

У Хайнца Тольмайна было, по меньшей мере, одно качество, которое отличало настоящего образованного австрийца: ворчливость. Он всегда находил что-то, что его не устраивало. Вайгерт никогда еще не видел его действительно расслабленным и довольным. Это было видно уже по его лицу: на нем лежал след горечи, который был, однако, слишком слаб, чтобы действительно бороться против того, что угнетало. Да он, скорее всего, и сам не хотел этого. Австриец в Тольмайне нуждался в этом внутреннем противоречии страдания и одновременно жалоб на это. Такова была мазохистская суть его жизни.

Вайгерт не особенно любил его, но уважал как хорошего журналиста. Он уселся напротив Тольмайна за его письменным столом.

- А где же прочие члены экипажа?

- Эрих на пресс-конференции министра иностранных дел Магрибской республики, а Вольфганг отправился сегодня в командировку в Японию. Это, по крайней мере, ты мог бы запомнить. Я сижу здесь один и разыгрываю из себя телефонистку для вас троих. Ты вполне мог бы прийти пораньше.

Тольмайн остановился, посмотрел на Вайгерта и заметил: - Я вижу по твоему лицу, что процесс протрезвления не мог закончиться раньше.

Постепенно это ему надоело. Когда он утром смотрелся в зеркало, все вовсе не казалось ему таким плохим. Теперь Вайгерт был едва ли десять минут в редакции, а уже два человека говорили ему об этом.

- А я по твоему лицу вижу, что когда ты встаешь с кровати, твоя левая нога пользуется абсолютным приоритетом.

Вайгерт потянулся к карману брюк, чтобы достать сигареты.

- Лучше сразу брось их.

- Почему же? Вы за ночь издали приказ о запрете курения? Тогда я прямо сейчас могу уволиться.

- Никакого запрета курения. Хилльгрубер хочет тебя видеть.

Начальник отдела был известен как ярый противник курения. В коридоре перед его кабинетом стояла пепельница с табличкой, на которой была изображена сигарета, перечеркнутая наполовину толстой красной чертой. Сверху было написано: «Я должна оставаться снаружи». Однажды они все купили себе сигары и вошли с ними. Ведь на табличке была нарисована только сигарета. С тех пор там висели три таблички: одна для сигарет, одна для сигар и одна для трубок. Вероятно, они скоро приобрели бы себе кальяны.

- Так чего же хочет Хилльгрубер?

- Понятия не имею, да я ведь, наконец, и не твоя секретарша. Спроси его само-го.

- Хорошо.

Вайгерт снова спрятал сигареты и отправился в путь.

- Добрый день, господин Вайгерт. Следующая проблема...

Доктор Вернер Хилльгрубер всегда сразу переходил к делу. Длинные предисловия были не в его манере. Хилльгрубер был журналистом самой чистой воды и к тому же одним из самых известных и самых лучших в стране. Если он иногда и обращался жестко со своими сотрудниками, то, все же, ему нельзя было отказать в определенной заботливости. Если доходило до споров с главным редактором, он полностью становился на сторону «своих» редакторов. Он защищал их, где только мог. Он сам разбирался с ними за их ошибки. И потому он был популярен в своем отделе, вопреки чрезмерным требованиям, которые он непреклонно снова и снова выставлял к своим коллегам.

Редакторы принимали его, однако, на основе простого факта: не какое-либо неизвестное решение большинства привело его на место главы отдела международной политики, а то обстоятельство, что он всегда превосходно подходил для этого: он просто был самым лучшим из них. Никто не сомневался в этом.

- Госпожа Риттмайер из экономического отдела на сегодня договорилась об интервью с Бернхардом Фолькером, президентом Европейского центрального банка. Как вы знаете, он на два дня пребывает в Вене для переговоров.

Вайгерт этого не знал. Да и кто читает этот экономический раздел?

- Да, естественно.

- Теперь ей, к сожалению, пришлось взять на себя другое интервью. Какой то симпозиум в ООН-Сити. Так как в отделе экономики совсем не хватает людей, мы должны взять Фолькера на себя.

Если Хилльгрубер говорил о «нас», он мог подразумевать под этим только его, Вайгерта. Так уже бывало.

- Могли бы вы сделать это? Время назначено на шесть вечера, в отеле «Империял», где живет Фолькер. Его номер...

Хилльгрубер копался на своем безнадежно заваленном бумагами письменном столе. Наконец, он с торжествующим видом держал листок в руке.

- А, вот: номер комнаты 1717. Легко запомнить.

- Все ясно. Мы еще успеем вставить историю в вечерний выпуск?

- Если вы поторопитесь. Я позабочусь о том, чтобы у нас в утреннем выпуске был такой себе заполняющий материал, который может потом вылететь оттуда и уступить место вашей работе. Если вы не успеете, тогда как раз завтра. У нас эксклюзивное интервью, так что это не слишком срочно.

Вайгерт собрался уходить. Когда он был у двери, услышал за собой голос Хилльгрубера.

- Вы плохо себя чувствуете, господин Вайгерт? Вы выглядите немного уставшим.

Когда Вайгерт обернулся, он увидел, что Хилльгрубер улыбался.

- Вы сегодня уже третий человек, который об этом беспокоится. Вероятно, мне нужно посетить пластического хирурга.

- Смогут ли дамы нашей газеты оценить это? Шутки в сторону, Вайгерт, вероятно, вы могли бы завязать галстук, когда пойдете к президенту Еврофеда. Иначе шеф снова будет меня доставать.

Вена, 18 ноября

Пока Ганс Вайгерт рылся в глубинах своего письменного стола в поисках галстука, Бернхард Фолькер как раз повязывал свой. Он стоял в ванной своего гостиничного люкса. Всегда, когда он бывал в Вене, он обычно останавливался в «Имперiale». Там его уже знали, и торопились следовать его желаниям.

В конце концов, Фолькер был одним из самых важных людей Европы. Как президент Европейского центрального банка он был господином над ЭКЮ, который несколько лет назад заменил национальные европейские валюты. Теперь это первоначальное искусственное творение было самой сильной валютой мира, даже более важной, чем американский доллар. И потому от политики Еврофеда, как называли банк по аналогии с его американским образцом, зависело многое - государства, предприятия, люди, судьбы.

Власть маленького человека из Германии, голова которого была лишь очень скудно покрыта волосами, базировалась не на реальной стоимости, а исключительно на искусственном производстве, которое как вуаль - подобно паутине - было наброшено на экономику современности: на деньгах. Все запутывалось в этой сети. Это был фокус жизни и стремлений, мотор современного общества. И Бернхард Фолькер был машинистом.

Опытными пальцами он обвивал концы галстука друг вокруг друга, чтобы связать их в узел. В зеркале он критически рассматривал результат. Он был перфекционистом до детали. Он не простил бы себе плохо сидящего узла галстука.

Короткий взгляд на «Сантос» от «Картье» на его запястье сказал ему, что постепенно подходило время: уже одиннадцать минут двенадцатого. Через три четверти часа он встречался с австрийским министром финансов. Он ненавидел этого маленького казначея провинции, который не хотел понимать, что валютная политика Европы делалась в Люксембурге, там, где размещалось правление Еврофеда. У этих австрийцев всегда были какие-то жалобы и особые желания. Не могли ли они просто подчиняться? Слишком уж они все еще мыслили в категориях национального государства. Все же, эти категории давно стали устаревшими. В Австрии как раз часы всегда немного отставали. Таково было мнение Фолькера, и сегодня он дал бы это почувствовать тому, кто его здесь принимал.

Он вышел из ванной в одну из двух жилых комнат «люкса». Там его уже ждали оба телохранителя, как он поручил это им вечером раньше.

- Добрый день, господин президент.

Фолькер не ответил на их приветствие.

- Где Хельмштедт? Он же точно знает, как я ненавижу непунктуальность.

Фолькер был рассержен. Для него дело было не столько в опоздании, сколько в том, что его секретарю хватило наглости заставлять ждать себя.

Один из телохранителей почувствовал в себе желание утихомирить поднимающиеся волны.

- Я как раз видел его на завтраке. Он должен быть здесь в любой момент.

В дверь постучали.

Фолькер кивнул мужчине, чтобы тот открыл. Сейчас Хельмштедта ждет головомойка.

Телохранитель повернул дверную ручку и открыл. Еще до того как неожиданность успела отразиться на его лице, наступила смерть. Быстро, точно и непреклонно.

- Что ты, собственно, ищешь?

Тольмайн мог своим унынием замучить кого угодно.

- Мой галстук.

- Зачем? Повеситься хочешь?

- Дурак. Вечером я должен интервьюировать Фолькера.
- Конечно. У Риттмайер опять оказалось что-то лучшее. И мы снова должны за-тыкать дырку.
- Теперь ты снова начинаешь с «мы». Это на меня повесили эту работу, не на тебя!
- В прошлый раз это был как раз я. Ты уже знаешь, как...

Вайгерт прервал его.

- Может у тебя есть галстук для меня?
- Только тот, который на мне. И он мне самому нужен.
- Зачем? Хочешь повеситься, например?
- Ах, я бы с удовольствием!

Вайгерт справился бы и без галстука. По крайней мере, он при поисках нашел диктофон. Он не мог найти его уже пару недель. Чтобы пленки не оставались пустыми, он должен был составить несколько вопросов. Фолькер среди журналистов считался трудным собеседником для интервью. Это граничило с чудом, что он вообще дал себя уговорить на интервью.

Вайгерт сел у компьютера и начал просматривать на мониторе сообщения телеграфных агентств. Главное слово «Фолькер», главное слово «Еврофед», главное слово «ЭКЮ». Список становился все длиннее, и тогда он ограничил его периодом последних четырех недель.

24 часа, круглые сутки, информационные агентства гнались по линиям связи за своими сообщениями. «Ассошиэтед Пресс», «Рейтер», «Ажанс Франс Пресс» или появившееся из «Юнайтед Пресс Интернейшнл» «Уорлд Ньюс Эйдженси» - все они пробовали себя в охоте на информацию. Даже если информация иногда была совсем незначительной, все же, царила постоянная, жесткая конкуренция. Время от времени Вайгерт сомневался в смысле этой охоты, результаты которой часто оказывались снова устаревшими на следующий же день или даже через пару часов. Но, в конце концов, он сам был посреди этого и потому обычно про-гонял эти мысли так же быстро, как они приходили к нему.

Агентства поставляли основу для каждого СМН, все новости, пригодные для печати», как это называли в их сфере. Но солью в супе была обширная сеть корреспондентов «Листка». В целом 42 мужчины и женщины сидели в самых важных метрополиях мира, чтобы посылать оттуда их собственные истории в компьютерную систему редакции. Обо всех областях, которые не могли покрыть корреспонденты или событиях, которые были слишком обширны для одного, заботилась главная редакция в Вене.

Вайгерт в среднем от десяти до двенадцати раз в год путешествовал по всему земному шару. Именно это он ценил больше всего: расследования далеко от редакторского письменного стола, непосредственно в месте развития событий. Он воспринимал эти поездки как одну из самых приятных сторон его профессии.

Когда он снова слишком сильно настаивал на новой международной командировке, то иногда попадал в спор со своими коллегами. Хотя не все были такими любителями поездок как он, но на тих тогда сваливалась вся ежедневная нудная работа: переписывать информационные сообщения, делать макеты страниц, придумывать комментарии, отправлять корреспондентов. В конце концов, именно люди в Вене, координировали все нити и производили, наконец, изо дня в день, конечную продукцию, их газету, «Листок».

Прогресс электронных средств массовой информации сильно оттеснил бульварные газеты в течение последних лет. Но электронная информационная революция – некоторые говорили также о дезинформационной революции – абсолютно бесследно прошла мимо высококачественных серьезных газет. Они смогли защитить свое место, даже многократно увеличить его. «Листок» был одной из таких газет.

Перед вступлением Австрии в Европейское Сообщество это была одна из двух серьезных и воспринимаемых всерьез газет страны. Целевой аудиторией «Листка» были не массы, а ведущие специалисты. И потому его влияние было, в конце концов, большим, чем позволял предположить его тираж.

К новой ситуации в объединенной Европе в «Листке» переориентировались даже лучше, чем можно было ожидать: Вместо того, чтобы потерять долю рынка, даже захватили кусок пирога, пусть и относительно скромный в Германии и позже в Швейцарии. В мировом масштабе «Листок», однако, занимал место лишь среди второстепенных изданий.

Вайгерт распечатал примерно три дюжины сообщений. Он как раз собирался приступить к их упорядочиванию, как открылась дверь, и вбежал Хилльгрубер. Начальник отдела встал перед письменным столом Вайгерта. Тольмайн прекратил стучать по клавишам его компьютера.

- Вам не понадобится галстук, господин Вайгерт.

- Как мило. Что, изменились предписания о форме одежды для интервью? Или господин президент Еврофед соизволит принимать меня в пижаме?

- Не мелите чепуху. Фолькер уже не сможет принять вас. Его застрелили в «Империяле».

Тольмайн не мог смолчать: – Как раз то, что я тебе говорил. На нас всегда что-то подцепят.

Застреленные жертвы покушений, разорванные взрывчаткой тела, горы жестоко искалеченных трупов: Для журналистов отдела международной политики не было ни дня без таких сообщений. Иногда они сами были на месте событий.

Смерть была постоянным провожатым политических событий. И цинизм относился к основным необходимым качествам в этой профессии.

Также и Хилльгрубер был так взволнован отнюдь не потому, что застрелили Фолькера. Он был взволнован, так как чуял возможность написать суперстатью.

- Отдел хроники подслушал полицейскую радиосвязь. Это случилось примерно двадцать минут назад. Хватайте себе такси и сразу поезжайте в этот «Империял». Узнайте как можно больше! А я пока поговорю с шефом, чтобы мы получили место на первой странице.

- А разве это не дело местной редакции?

У Вайгера не было никакого желания ссориться там еще и с парой полицейских.

- Я сказал шефу отдела хроники, что мы принимаемся за расследование. Они и без того радовались, так как большинство ее людей все еще копаются в большом скандале вокруг ядовитых отходов.

Это было типично для Хилльгрубера: чем больше статей обработает его отдел, тем больше будет уважение к нему и тем самым - его влияние. В конце концов, он собирался сменить Бергмана на посту главного редактора. Даже если уже две попытки не удались, однажды он, конечно, добьется этого. Бергману уже не много осталось до ухода на пенсию.

- Поторопитесь. Вероятно, вы можете быть там, до того как примчится вся свора. Вы же, господин Тольмайн, пока займитесь некрологом на Фолькера.

Вайгер знаком подозвал к себе такси, распахнул дверь и хлопнулся на место рядом с водителем.

- Отель «Империял», но как можно быстрее!

Водитель недовольно взглянул на него и двинул свою машину без особенной поспешности. Вайгер помахал ему перед носом купюрой.

- Хотите заработать немного сверх счетчика? Тогда жмите на газ!

- А вы возместите полицейские штрафы тоже?

- За это не волнуйтесь. Полиция в данный момент полностью занята большой облавой.

Вайгерт не знал, что больше убедило таксиста. Во всяком случае, он делал все, что мог. Было немного позже половины двенадцатого. В половине пятого было время подписания в печать. У него было достаточно времени, чтобы составить вполне приличную статью. Вайгерт по опыту знал, что политическое убийство – если это было политическим убийством – человека уровня Фолькера займет его, по меньшей мере, на следующие дни или даже недели. И для Вайгерта это значило, что его имя можно будет читать ежедневно все это время на первой странице «Листка». Собственно, вовсе не плохие перспективы, чтобы вновь немного добиться признания.

Издали уже можно было узнавать мигающий синий свет полицейских машин. Когда его таксист попытался свернуть в объезд от Рингштрассе, на которой находился «Империал», машину остановили двое полицейских. У обоих были пистолеты-пулеметы. Их взгляд не предвещал ни малейшей приветливости. Во-дитель опустил стекло.

- Что тут случилось?

- Вы что, не видите, что вы не можете подъехать к отелю? Отъезды назад и ежайте себе мимо.

Вайгерт уже выпрыгнул из машины и сунул водителю несколько купюр. Обещанные чаевые не были забыты.

- Так правильно.

- Но пешком вам здесь точно так же нельзя пройти!

Теперь высказался второй полицейский, меньший из двоих. У Вайгерта был опыт общения с такими полицейскими, меньше в Австрии, больше за границей. Но, в принципе, тип был всегда одним и тем же.

- Вам это знакомо.

Вайгерт вынул свое удостоверение журналиста и сунул его обоим людям в форме под нос.

- Я из газеты «Листок», у прессы, надо надеяться, есть доступ? В конце концов, общественность хочет получить информацию.

Голос полицейского внезапно стал на два уровня приветливее.

- Вы господин Вайгерт. Я читаю ваши статьи очень...

- Я рад этому. Но если вы хотите и завтра снова кое-что прочитать, то пропустите меня, пожалуйста. Я должен торопиться.

- Само собой разумеется. Капитан Варда отвечает за прессу и телевидение. Вы найдете его в отеле.

Вайгерт протиснулся мимо и поспешил к входу.

Краем глаза он увидел, как машина с трансляционной установкой телецентра подъезжала к отелю. Свора была на охоте.

Вайгерт показал свой документ также чиновникам уголовной полиции в штатском платье, которые стояли у входа. Он вошел в лифт и поехал наверх. Дверь лифта открылась. Вайгерт понял, что он ни в коем случае не был первым представителем своего цеха. В других местах, очевидно, тоже подслушивали полицейскую связь. Офицер полиции, очевидно, руководитель операции, был окружен уже пятью журналистами - тремя мужчинами и двумя женщинами. Вайгерт знал двух из коллег.

- Привет, Маргарета! Тоже уже на месте?

- Ну, ясно, или ты думаешь, что мы спим?

Его коллега обнажила карандаш, в правой руке она держала блокнот, диктофон высовывался из ее сумочки.

- Он уже что-то сказал?

Вайгерт указал на полицейского.

- Нет, пока нет. К самому розыску он имеет мало отношения. Он должен только сообщать людям снаружи о каждом новом изменении в ходе расследования. Для этого он наверняка будет уходить в одну из комнат, чтобы мы ничего лишнего не услышали. И полицейские из отдела убийств только что прибыли.

- Ганс, старина!

Это был Тим Джейкобс с корпункта радио Би-би-си в Вене. Несколько месяцев назад Вайгерт с ним и несколькими другими журналистами по приглашению Объединенных Наций ездил по Африке. Его огненно-красные волосы нельзя было не заметить. Как маяк, подумал Вайгерт.

- What's new, Тим?

- Через десять минут здесь ад начнется.

Немецкий язык Джейкобса был почти без акцента.

- Тут ты без сомнения прав.

Вайгерт огляделся. Это уже начиналось. Два фотографа щелкали все, что видели. Телевизионная группа, приезд которой Вайгерт еще раньше успел заметить, как раз выходила из лифта: оператор, звукоинженер, два репортера. Оператор уже держал камеру наготове и снимал обоих полицейских, стоявших в карауле в паре метров от двери номера. Вероятно, вход в «люкс» Фолькера, подумал Вайгерт. Поперек коридора был натянут взятый, вероятно, из гостиничных за-пасов шпагат. Он должен был удерживать журналистов от того, чтобы они слишком близко приближались к месту происшествия. Несколько людей в форме, стоявших перед ним, еще четче подчеркивали это.

Случайность иногда оказывается очень неплохим режиссером. Нужно только уметь ею пользоваться. Вайгерт знал одного из полицейских. Вальтер Мюллер и он вместе сидели за партой. После экзамена на аттестат зрелости их дороги разошлись. В то время как Мюллер пробовал свое счастье в полицейской школе, Вайгерт отправился в университет. Через пару недель после того, как он вернулся из Болоньи, чтобы начать работу в «Листке», он снова случайно встретил Мюллера. За одним бокалом пива последовал другой, и они с первого раза стали понимать друг друга снова так же хорошо как в старые школьные времена. С тех пор оба встречались несколько раз в году, чтобы поболтать и поиграть в бильярд.

- Вальтер!

Тот, к кому он обратился, повернулся.

- Вот только тебя мне тут и не хватало!

Вайгерт оттянул Мюллера немного в сторону.

- Как оно там выглядит внутри?

Он показал на дверь с номером 1717.

- Ты хочешь, пожалуй, какую-то специальную информацию?

- Конечно, зачем же мы тогда знакомы?

- Я не могу сказать тебе больше, чем этот Варда уже сказал. Варда был тем человеком, которого Вайгерт считал руководителем операции.

- Меня тут еще не было, когда он угощал своими первыми премудростями.

- Ну, у нас там внутри три трупа. Очевидно, это верховный банкир Бернхард Фолькер и оба его телохранителя. Нашел трупы Фолькера его секретарь, некий Хельмштедт. Все трое были застрелены, это установлено.

- И?

- Никакого «и». Это пока и все.
- Как обстоят дела с преследованием преступников?
- Насколько я знаю, плохо. Но прошло только полчаса. У нас есть, вероятно, еще шанс поймать их.
- Можешь ты мне разрешить хоть на минутку посмотреть на мертвецов?
- Ты же знаешь, что это не разрешается.
- Как я вижу, ты в данный момент еще самый высокий здесь по званию, вместе с этим Вардой там. Итак, дружище Мюллер. Ты же знаешь, что мне нужно не-много цвета для моей истории.
- Начальник полиции будет здесь в любой момент, Ганс!
- Прекрасный стимул. Но ты еще мог бы использовать шанс.
- Я не знаю...
- За это я позволю тебе в следующий раз обыграть меня в бильярд. Ну, разве это плохое предложение?
- Хорошо. Давай уже, заходи и смотри, чтобы твои коллеги ничего не заподозрили. Иначе все захотят туда.
- Они полностью заняты этим Вардой.
- У тебя есть фотоаппарат с собой?
- Нет, я забыл.
- Тогда хорошо. Иначе я бы у тебя его отобрал.
- Ты что, не доверяешь мне?
- Кто же поверит журналисту?

Мюллер поднял шпагат и Вайгерт проскользнул вниз. Один из фоторепортеров увидел это, тут же подбежал и хотел тоже попасть внутрь. Мюллер удерживал его.

- Простите, но туда нельзя.

Хорошо, что фотограф не знал его, подумал Вайгерт. Он принял его, пожалуй, за полицейского в штатском. Если бы он знал, что Вайгерт работает для «Листка», началось бы восстание.

Мюллер открыл дверь комнаты и отошел в сторону, чтобы Вайгерт смог бросить короткий взгляд в комнату. Эксперты службы фиксации следов были уже в работе. Они на минутку взглянули вверх. Когда они увидели, что никто не намеревается войти в комнату, то продолжили работу.

Первый телохранитель лежал в непосредственной близости от двери. Выстрел попал ему точно между глаз. Его, судя по всему, застрелили первым, не дав ни малейшего шанса дотянуться к пистолету, который сейчас, так как пиджак ото-двинулся назад, выглядывал над его левым плечом.

Второй телохранитель сидел осевший в кресле в задней части помещения. Пуля попала ему прямо в сердце. Она резко затормозила движение, которым бодигард хотел схватить пистолет-пулемет, лежащий на маленьком боковом столике возле него.

Сам Фолькер лежал в проходе к ванной. Вайгерт сразу узнал его. Он довольно часто видел его на фотографиях или по телевизору. Преступник или преступники застрелили его сзади, когда он пытался убежать в смежную ванную. Фолькер лежал на спине. Полицейский как раз проводил мелом белую линию вокруг контуров его странно искривленного тела.

Тем не менее, самым заметным на трупe Фолькера был его лоб. Вайгерт присмотрелся внимательнее.

- Этого же не может быть!

Теперь Мюллер, который до сих пор держал коридор под наблюдением, тоже смотрел внутрь. - Что там?

- Ты видишь это?

-Что?

- Там! На лбу Фолькера! Они, похоже, просто выжгли ему это на лбу!

- Может быть.

Мюллер снова сконцентрировал внимание на коридоре.

Вайгерт пристально смотрел на труп Фолькера. Что-то должно было сжечь его лоб, чтобы оставить этот безобразный, выжженный черным отпечаток. Это было что-то вроде солнца с двенадцатью скошенными на их концах лучами, которые образовывали нечто вроде колеса.

Вайгерт точно запомнил себе этот знак. Если бы он знал, что этому моменту суждено было радикально изменить всю его жизнь, он тут же постарался бы за-быть об этом. Но теперь все для него должно было стать не таким, каким было прежде.

Вена, 18 ноября

Это было вскоре после половины девятого утра. Кафе было наполнено примерно на две трети, однако постоянно заходили новые люди. Было жарко. Клубы дыма наполняли воздух и образовывали покров тумана, напоминавший о джунглях после ливня. Проветривание было плохим, что можно было чувствовать при каждом вдохе.

Музыка исходила из двух динамиков, которые были установлены прямо поверх барной стойки. Глухо гремющий ритм басов наполнял помещение и позволял человеку и помещению ощущать легкую, почти неуловимую вибрацию. К этому еще и голос, который, несомненно, принадлежал негритянке – глубокий, грубоватый и полный.

Кафе было одним из тех, которые как грибы из земли постоянно снова и снова вырастали в городе. Хотя они иногда заметно отличались внешним видом, музыкой и публикой, все же, они черпали свое право на существование из одного и того же источника: Они были псевдородиной и пунктом питания для многих. Немногие только очень редко переступали одной ногой за их порог и при этом только убеждались в правильности своего отношения к ним.

Вайгерт прислонился спиной к барной стойке и рассматривал людей. Они были молоды. В большинстве уже не тинейджеры, а преимущественно в возрасте от двадцати до тридцати лет. Он оценил, что почти половина были женщинами или девушками. Несколько из них необычно красивы, некоторые отталкивающе безобразны, большинство же на среднем уровне. С мужчинами тоже не могло бы быть иначе. Впрочем, в этом деле у Вайгерта не было уверенного взгляда.

Люди стояли или сидели вместе в меньших или больших группах. Некоторые беседовали, что еще позволяла громкость музыки, в противоположность большинству других кафе такого рода.

Зомби – живые мертвецы. Друг Вайгерта Петер Филлигер, которого он ждал сейчас здесь, применил как-то это выражение к людям кругом, когда они оба однажды были здесь. Сначала оба нашли это веселым и смеялись над удачным словом. Все же, тогда их мысль двинулась дальше, и их смех уступил серьезности. Филлигер попал в суть дела.

Естественно, это касалось не всех. Но вид зомби распространялся непрерывно. Их оболочки казались живыми, но души там были мертвы.

И все же они демонстрировали наружу замечательную живость, но живость, конечно, которая походила на бегание хищников в клетках туда-сюда. Это было слепым реагированием на внешнее раздражение, которому никакая собственная личность не могла поставить преграду.

Зомби качались между своими постоянными кафе и барами, элегантными бутиками и переполненными фитнес-студиями. Они слепо следовали тенденциям, которые подавал им дух времени через СМИ. Все же, тенденции эти были ничем

иным как искусными маркетинговыми стратегиями. Они изменялись постоянно и способствовали, таким образом, иллюзии прогресса, где на самом деле господствовал застой. Тому, кто отставал в гонке за модой, грозило то, что с ним станут обращаться как с прокаженным. Но в глазах зомби все же стоило идти на старт. Приз был ценным, так как он придавал им что-то, что они уже не могли дать сами себе, так как их внутренняя сила давно иссякла: содержание жизни и идентификация.

Какими бы живыми они ни казались, зомби были всего лишь мертвой оболочкой для товаров, которые в них запикивали. Это была искусственная жизнь, которую они могли вдыхать, чтобы якобы вырваться из агонии своей посредственности.

Зомби не нравились Вайгерту. И, все же, он боялся заразиться тягой к распространению этого вида. Соблазны были многочисленны. До сих пор он еще сопротивлялся им.

Иногда, когда Вайгерт их видел, он смеялся над ними. Иногда негодование подстергало его. И иногда проблескивала искра ненависти, не столько на самих зомби, сколько на систему за ними, которая отобрала у них настоящую жизнь, чтобы обменять это на искусственное прописываемое для успокоения больного лекарство.

Хотя зомби были только подогнанными колесиками в пестрой блестящей машине, они давно взяли на себя главную роль на сцене общества. Все же, в противоположность прежнему времени, в этой пьесе больше не было одиноких героев, а только лишь хор из многих.

Петер Филлигер редко приходил вовремя, Вайгерт это знал и потому он заказал себе еще пиво, чтобы сократить время ожидания. Он был довольно усталым, но довольным. После того, как он вернулся в редакцию, он напечатал свою статью на компьютере. Теперь она красовалась как первая статья на первой полосе «Листка». Преступник или преступники все еще не были пойманы. Впрочем, этого и следовало ожидать. В телепередачах всех каналов убийство президента Еврофеда и его телохранителей подавалось как самая важная новость, и другие газеты тоже писали о ней очень много, в чем убедился Вайгерт по их вечерним выпускам.

Все же Вайгерт немного опередил их всех. Взгляд через дверь дал ему информационное превосходство, которое другие смогли бы получить только завтра, когда полиция сделала свои первые официальные заявления. Он был единственным журналистом, который видел труп Фолькера и вместе с тем знал так-же и то, что с ним сделали.

Снова и снова появлялся в мыслях Вайгерта знак, изуродовавший лоб убитого: круг в середине, из него исходят двенадцатых скошенные на их концах лучей, которые снова

окружены кругом – солнце? Теперь, когда Вайгерт вспоминал, ему еще запомнилось, что в номере чем-то странно пахло. До черноты сожженным мясом. Вот чем. Черное солнце? Все же, к чему это? Если речь шла о политическом убийстве – и обстоятельства, а также личность Фолькера определенно свидетельствовали в пользу этой версии – тогда послание тех, кто заявил бы о своей ответственности, пожалуй, было бы проще.

Он знал, что сейчас не мог решить это. Завтра полиция должна была бы удовлетворять ненасытную информационную потребность прессы. Тогда он выяснил бы. Все же, сегодня он был здесь, чтобы встретить своего друга. Вайгерт по-смотрел на часы: опаздывает на пятнадцать минут, это еще терпимо.

Он блуждал своим взглядом по кафе. Зомби снова привлекли его внимание. И еще что-то: беженцы, подумал он, да, зомби это беженцы. Они боятся сдать свои преследователям: уединенности, монотонности, пустоте. И если зомби – беженцы, то это кафе – это лагерь беженцев, один из многих.

Так, как сильные расходятся в разные стороны, слабые стремятся друг к другу. Они не могут вынести тишины уединенности, царящую на вершинах, на которые могут взобраться только немногие. Зомби теснятся друг к другу, так же как стадо от страха перед волком.

Вайгерт сделал большой глоток пива из своего бокала, почти упрямо, так, как если бы он этим мог что-то изменить.

Повторный взгляд на часы показал ему, что опоздание Филлигера тем временем возросло до 20 минут.

В баре слева от него стояли две девушки и один мужчина. Одна из девушек, блондинка, была элегантно одета. Она напоминала ему немного ту, которую он сегодня утром нашел в своей кровати. Ее белая, закрытая рубашка показывала, что под ней скрывались две груди красивой формы. Их контуры выделялись легким материалом более чем отчетливо. Ее черная, кожаная мини-юбка прямо-таки облегалась ее тело. Там, где она заканчивалась, и это было – немного задрано кверху – совсем почти прямо под поясом, можно было увидеть край ее чулка на правой ноге.

Вайгерт любил что-то в этом роде. И одновременно он не любил это. В его самой глубокой внутренней части был ров, который разделял две души в нем. На одной стороне рва был мир многих, мир с широкими равнинами и без преград. На другой стороне рва было царство немногих, с высокими, покрытыми снегом вершинами, с которых превосходно можно было взирать на ландшафт на другой стороне рва. И, все же, этот ров не был абсолютной границей. Он только упорядочивал то, что было в Вайгерте как двойственность. Он был разграничительной линией между обеими сторонами. Голова Вайгерта еще ничего не знала об этом. Сердце же знало очень хорошо.

Все же, игра была всегда одинаковой, думал Вайгерт, когда он осматривал девушку. Формы и ритуалы ночи тоже.

Ее лицо, хотя и не было очень красивым, все же, она пыталась улучшить его косметикой, тенями для век и румянами. Это и ее тщательно уложенные волосы показывали, что она провела, пожалуй, минимум полчаса перед зеркалом, прежде чем убежать в темноту этой ночи.

Блондинка и ее подруга внимательно слушали, иногда улыбаясь, мужчину, который стоял возле них. Он рассказывал как раз о своем последнем отпуске на каком-то острове, описывал курс по серфингу, который он там прошел, и отель с его ежеутренними часами аэробики. Это был не какой-то воодушевляющий рассказ, не какие-то настоящие события, а больше перечень того, что он потребил.

Вайгерт рассматривал мужчину с возрастающим развлечением. Пока тот рассказывал, он почти судорожно старался придать своему телу возможно более небрежную позу. То он засунул правую руку в карман брюк и оперся левой рукой на стойку. Потом он опять вытянул ключи от автомобиля из кармана, чтобы поиграть с ними. Стиль был как раз всем, даже если оставался здесь только на уровне попытки. Мужчина напоминал человека, который хочет отвыкнуть от курения и - при отсутствии сигареты в руке - ищет себе запасной объект. К связке ключей был прицеплен брелок. На нем блистала, очень заметно, фирменная эмблема известной марки престижных автомобилей.

Вайгерт видел этого мужчину еще раньше, снаружи на улице, когда тот парковал свою машину. Насколько Вайгерт мог вспомнить, это был старый малолитражный автомобиль. Блондинка еще, кажется, не знала этого, иначе ее улыбка, возможно, ослабела бы.

Сам не замечая того, Вайгерт перешел через ров внутри себя и смотрел с вершины немногих на долину многих. И там он видел людей вроде этого мужчины с ключом от автомобиля. Эти люди, которые полагали, что они победители в большой игре жизни, на самом деле были проигравшими. Так как они потеряли свою душу, продав ее за пеструю мишуру глупца. И при этом в своей надменности они даже еще верили, что сделали хорошее дело.

Наступило время самых презренных людей, тех, которые больше не могли презирать себя самих. Но они не были плохими людьми. Они полагали, что живут, но от них уже исходил запах смерти. Вопреки всему, они оставались теми, кем были.

Бармен, постучав его по плечу, оторвал Вайгерта от его мыслей. Он показал на опустевший за это время пустой бокал Вайгерта.

- Еще один?

Вайгерт молча кивнул. Пока мужчина за стойкой цедил пиво, он рассматривал его ближе. Он был несколько старше, чем большинство его гостей. На лице было что-то

от солнца Южной Америки, кое-что из степей Азии и чуть-чуть прохлады осенней Европы.

Его длинные, черные волосы были связаны за головой в хвост. На нем были черные брюки, которые заканчивались немного ниже коленей. К этому еще лиловая рубашка и галстук-бабочка, богатство красок которого едва ли можно было описать. В левой мочке уха у него было тонкое золотое кольцо.

Вайгерт должен был улыбнуться, и он сделал это с покрытой снегом вершины. Все нонконформисты показывали, по меньшей мере, в одном свой конформизм, думал он: в выставлении на показ их внешней индивидуальности, которое было, все же, только формой, но не содержанием. Между тем бармен поставил ему пиво.

Вайгерт становился постепенно гневным, как всегда, когда Петер Филлигер слишком опаздывал. Все же, гнев снова скоро проходил, когда он вспоминал, что сегодняшняя встреча на долгое время будет последней встречей с ним.

Петеру все чертовски надоело, он хотел сбежать из этой страны, по крайней мере, так он говорил. На самом деле он хотел сбежать прочь от этого общества.

Бесчисленные бессонные ночи оба друга провели вместе - выпивая, мечтая, ругаясь или просто беседуя.

Филлигер всегда был беспокойным характером, «всегда готовым к прыжку», как он называл это сам. Все же, без настоящей цели, как Вайгерт его иногда упрекал.

Они оба познакомились в армии, во влажной грязи полигонов, на жестком асфальте учебных плацев, в затхлых помещениях казармы, в которую их засунули. Прошло уже десять лет с тех пор, как они отправились - среди первых добровольцев после ликвидации в Австрии всеобщей воинской повинности - все же на один год в армию. Все же, несмотря на все, - это было всегда их словом, их очень личным сопротивлением против того, что как раз входило в моду, их плаванием против течения, их поиском источника, которого они, вероятно, никогда не достигли бы.

Феномен войны, которую когда-то однажды назвали отцом всех вещей, уже давно больше, как кажется, не был настоящей угрозой. Армии сокращались, оружие превращалось в металлолом, казармы сносились. Начало мира больше нельзя было задерживать, с тех пор как в начале девяностых годов Варшавский пакт развалился, а советский медведь оказался беззубым.

Но война прошла метаморфозу, правда, совсем не новую, конечно. Тропитанная кровью и изрытая воронками земля полей сражения уступила место гладкому паркету биржевых залов; спартанский командный пункт в землянке, откуда управляли боем, стал стильным офисом центра концерна, и мелкая душонка брокера вытеснила моральный облик воина.

Вайгерт и Филлигер все же записались добровольцами в австрийскую армию, которая с девяностых годов сильно сократилась и теперь состояла только лишь из совсем маленького кадрового состава и нескольких тысяч добровольцев, которые вербовались соответственно на один год. Там началась та старомодная мужская дружба, при которой один взгляд или рукопожатие говорит больше чем тысяча слов.

Справа от Вайгерта один мужчина, который курил одну сигарету за другой, настойчиво уговаривал женщину. Он: незаметный тип чиновника; она: тип секретарши. Беседа была серьезнее, чем та, которую он подслушивал раньше. Мужчина, очевидно, пытался как раз излить свою душу. Какие-то проблемы на работе, трудности с шефом, насколько можно было понять. Она, кажется, скучала, пила глотками время от времени свой напиток и бросала время от времени взгляд вокруг. Только когда он сменил тему, попытался положить свою руку на ее, которую она, однако, тут же снова и снова убирала, и он начал говорить что-то вроде «**поехать со мной домой**», скука на ее лице сменилась прохладным отказом.

Вайгерт отвернулся. Вот так они и стояли. Бокал в руке, и пытались утопить последние остатки своей дремлющей в глубине их тоски. Они искали защищенности и находили секс. Они искали дружбу и находили измену. Они полагали, что свободны. Все же, ее свобода была ничем иным, как дешевым правом блуждать в пустоте.

Тем временем кафе заполнилось. Группа из семи или восьми человек уже достаточно набралась. Они как раз заказали всем по новой кружке и расслабленно смеялись, уже даже слишком резко, чтобы это еще можно было бы назвать веселым. Двое из них пытались чокнуться, часть содержимого их бокалов при этом вылилась на стол. Другой из группы пытался заговорить с девушкой, идущей мимо него в туалет. Она отвернулась и пробежала мимо, под смех остальных.

За ней через толпу двигался Филлигер. Его нельзя было не узнать: рост 1,90 м, сильный, длинные белокурые волосы, почти до плеч. Без приветствия он указал на группу, за которой наблюдал Вайгерт, и при этом ухмылялся.

- Большинство люди только чисто вылизывают тарелки и не оставляют ничего кроме кучи отходов. Но, вероятно, их отходы служат удобрением для полей, на которых растут настоящие люди.

- Одна из твоих двадцати пяти выученных наизусть цитат! Сэмюэль Батлер, если я не ошибаюсь.

- Совершенно верно, старина. Извини, что я снова немного опоздал. Но ты же меня знаешь. Зато ты смог, по крайней мере, выпить один бокал пива до меня.

- Неправильно. Даже два!

- Черт побери!

Филлигер махал газетой в его руке. Это был «Листок».

- Ты сегодня сильно ударил. И сразу на первой странице!

Друг заказал у «клоуна» в баре, как он называл его из-за его одежды, пиво и принялся слушать историю Вайгерта во всех подробностях.

- Звучит порядком странно, с этим черным солнцем, как ты говоришь. Есть ли у тебя уже след, кто мог бы стоять за убийством?

- Понятия не имею. Завтра утром продолжится. Там уже будут мучить своими рассказами полиция и министр внутренних дел.

- Сразу сам министр внутренних дел?

- Фолькер не был обычным смертным. Там присутствует общественный интерес, как так прекрасно выражаются. Но оставим это. Ты уже точно знаешь, когда это начнется у тебя?

- Да, в будущее воскресенье. Сегодня я получил билет.

- Тогда это, пожалуй, на некоторое время будет последним пивом, которое мы пьем вместе?

- Только не будь теперь сентиментальным. Ты приедешь ко мне в гости самое позднее следующей весной.

Вайгерт рассматривал своего друга. Филлигер был беспокойного характера и уже много раз в своей жизни он начинал что-то новое, что так и не доводил до конца. Но на этот раз, кажется, для него это было серьезно.

До недавнего времени он был руководителем отдела по связям с общественностью большого предприятия. Там он за самое короткое время поднялся вверх. Все же, чем выше он спотыкался на карьерной лестнице, потому что он никогда ради этого не старался, тем большие сомнения возникали у него. Люди в этой стране, как Филлигер их видел, были ему уже давно подозрительны. Иногда у Вайгерта было впечатление, что его друг ненавидел почти всех, иногда, однако, он также думал, что тот неспособен к социальным отношениям.

Несколько месяцев назад Филлигер принял решение начать новую жизнь. Вайгерт в это сначала не захотел поверить. Филлигер уже слишком долго только критиковал, чтобы его еще считали способным действительно сделать выводы из своей критики. Все же, в день, когда друг открыл ему, что он купил рубленый дом посреди норвежской дикой пустоши, сомнения потеряли силу. Он хотел сохранить квартиру в Вене еще на один год, чтобы оставить себе открытой последнюю лазейку для возвращения. Вайгерт должен был время от времени присматривать за ней. Филлигер больше не

оставлял ничего. Ни женщину, вряд ли друзей, а также ни родину, так как она должна была бы быть больше чем только местом, где он родился. Он накопил достаточно денег, чтобы скромно про-жить на этом несколько лет. Помимо этого он дальше бы немного работал, ровно столько, сколько необходимо. В будущее воскресенье наступал этот момент.

- Ну, и как чувствует себя скорый аутсайдер?

- Наилучшим образом. Все же, ты знаешь, что всегда говорил Эггер? Никогда не поворачивайтесь. Если вы уже сидите в самолете, то вы тоже и прыгните.

Эггер был один из их инструкторов в армии, а именно он проводил инструктаж парашютистов, на который Вайгерт и Филлигер записались добровольно.

- Здесь у тебя есть запасной ключ для моего парашюта.

Петер передал ему ключи от своей квартиры.

- Но никаких оргий там!

- Я надеюсь, ты оставляешь минимум один полный домашний бар.

- Я специально оставил для тебя еще бутылку солодового виски.

- Трогательно. Тут я, конечно, не смогу сказать «нет». Есть ли у тебя уже телефон в твоём пряничном домике?

- Да. На этой неделе мне сообщили номер. Вот.

Он вытащил из кармана клочок бумаги, который вырвал из какого-то блокнота. Вайгерт засунул его себе в карман.

Они выпили еще несколько бокалов пива. Около двух часов утра, наконец, оба махнули клоуну, чтобы расплатиться. Потом они оба стояли на улице, друг против друга, прохладной осенней ночью. Все, о чем они могли поговорить между собой, было уже сказано за прошедшие года их дружбы. Не оставалось ничего, кроме как проститься.

- Ну, удачи тебе, Ганс.

Филлигер сильно хлопнул его по плечу.

- Всего хорошего! До весны.

Вайгерт стукнул его кулаком в ребра.

Еще одно крепкое рукопожатие и их пути разошлись.

Сан-Франциско, 19 ноября

Утреннее солнце посылало свои сильные лучи на стеклянный фасад огромного небоскреба. Свет, который проникал через окно, разбивался о жалюзи на много маленьких, остро отграниченных солнечных лучей, которые пронизывали помещение своим узором.

Там, где они рассекали воздух, можно было узнавать парящие частицы пыли, которые танцевали наперегонки, как будто им нужно было только добиться расположения света.

Помещение было настолько велико, что даже чудовищные размеры письменного стола в его центре выглядели почти маленькими. Немногие предметы на столе почти терялись на красно-коричневой равнине из красного дерева: хрупкая лампа в стиле модерн, цена которой, вероятно, превышала ее размер во много раз; узкий черный видеотелефон; маленький каменный куб из гранита, который служил как пресс-папье, и одна половина которого была абсолютно гладко отшлифована, тогда как вторая половина сохранила свою естественную шероховатость; простая золотая шариковая ручка; коричневая кожаная папка, содержание которой состояло из документов на подпись; несколько писем и две маленькие стопки компьютерных распечаток.

За письменным столом стояло черное кожаное кресло с высокой спинкой и подлокотниками, размер которого давал представление о значении его владельца. Это кресло было обращено, однако, как раз не к письменному столу, а повернуто таким образом, что оно указывало в направлении окна. Взгляд мужчины, который сидел там, был задумчиво обращен туда.

Тишина, которая господствовала в помещении, несла в себе что-то сакральное, пронизанное и даже подчеркнутое только спокойным дыханием мужчины.

Богатство Томаса Бекетта выросло в той же степени, в какой упало богатство Соединенных Штатов Америки. Страна, которая десятилетиями считалась воплощением экономического процветания, с середины восьмидесятых годов начала делать гигантские дефициты в торговле. Из самого большого кредитора Америка стала самым большим государством-должником мира. Давно ее предприятия, когда-то самые большие и самые могущественные на Земле, потеряли свое лучшее положение, и перешли, наконец, в руки японцев, немцев и других.

Уолл-стрит еще раз пережил взлет, но это был бум, который ни в коем случае больше не опирался на реальные ценности, а только на потемкинские деревни курсов акций, которые больше никакого отношения не имели к настоящей силе предприятия.

Девяностые годы показали, что американская мечта о безграничном росте была кошмаром.

И случилось то, что и должно было случиться. Незадолго до наступления нового тысячелетия крах, в сравнении с которым «черная пятница» 1929 года и последующая депрессия выглядели почти мелочью, потряс основы американской экономики и вместе с ними последние остатки американских иллюзий. И, как в каждом кризисе, и на этот раз тоже были некоторые немногочисленные спекулянты, которые заработали на этом огромные суммы.

Томас Бекетт был одним из них. Хоть он и был гражданином США, но ему было безразлично, что должны были пережить страна и ее население. Для него границы были ничем иным, как, в лучшем случае, демаркационными линиями между конкурирующими концернами. Он играл в игру, полем которой был глобус, фигурами – люди, предприятия, виды сырья, товары и народы. Призом было тоже богатство, но все же, кое-что еще большее, чем богатство – власть. И он играл в эту игру в то время, когда короли золота давно вытеснили герцогов войны.

Но Бекетт не был одним из тех фамильярных типов, которые поднялись вверх от мойщика тарелок к миллиардеру. Он происходил из знатной и уже много поколений в высшей степени состоятельной семьи на Восточном побережье. Он закончил Гарвард как лучший студент своего курса, благодаря своему незаурядному интеллекту. И хотя его состояние было гигантским для обычных отношений, имя его не значилось в опубликованном каждый год «списке хитов» 500 самых богатых людей мира. Все же, его власть была большей, чем смогло бы выразить это место там. Но у этого были причины, которые как раз не зависели от его состояния.

В данный момент мысли Бекетта были в другом месте. Несколько часов назад на удалении тысяч километров в Вене был застрелен человек, который был его другом; даже больше чем другом: человек, который был связан с ним по-братски. Но Бекетт жалел не только о потере друга, его переживания занимала идея, которая была гораздо могущественнее их обоих, за которую он теперь боялся.

Встроенная в видеотелефон система двусторонней связи загудела. Бекетт отвернул взгляд от окна и повернулся в направлении письменного стола.

Прозвучал голос его секретарши.

- Мистер Киплинг только что пришел, сэр.
- Спасибо, Ванесса. Пригласите его наверх.

В кабинете Бекетта не было видимой двери. По винтовой лестнице, которая вела из комнаты рядом с кабинетом его секретарши наверх, вы попадали непосредственно в помещение.

Лестница находилась в передней четверти комнаты напротив письменного стола Бекетта, так что посетитель – еще наполовину на лестнице – в большинстве случаев смотрел сначала в зеленые глаза Бекеттов. Справа и слева от этой лестничной клетки

стояли, абсолютно свободно в помещении, как у входа в храм, две каменные колонны высотой примерно 2,5 метра грациозной простоты.

Массивное тело Джо Киплинга, весившее целых 110 килограммов, пыхтело по лестнице вверх. Еще до того, как показалось его вспотевшее лицо, Бекетт смог узнать его черные, плотные локоны на лестнице. Какое-либо физическое усилие означало для Киплинга надоедливый и с трудом выполнимый долг.

Мужчина, который руководил самой большой адвокатской конторой в Сан-Франциско, был первым кандидатом на инфаркт сердца, не в последнюю очередь из-за примерно пятидесяти сигарет, которые он обычно выкуривал ежедневно.

- Привет, Томас.

Киплинг вытер пот со лба шелковым носовым платком.

- Привет, Джо. Пожалуйста, садитесь.

Он сделал движение рукой в направлении нескольких кожаных кресел, которые стояла в углу кабинета. После того, как Киплинг опустил в одно из кресел, Бекетт тоже сел.

- Я полагаю, вы уже слышали об этом.

Киплинг переходил к делу без предисловий. При этом он закурил сигарету.

- Если вы имеете в виду смерть Фолькера, то да.

- Смерть? Его хладнокровно убили! После убийства Гаракина он - номер два. И я говорю вам, убийства продолжатся.

Слова били из Киплинга ключом, что, впрочем, было вполне обычным для него. Что бы он не делал, он постоянно производил впечатление человека, который всегда торопится.

- Вы уверены в этом?

- Да, Томас. Никаких сомнений. Гаракин был российским министром экономики, Фолькер президентом Европейского центрального банка. Это не те цели, которые может брать на мушку первый встречный. Для этого требуются профессионалы, за которыми должна стоять хорошо функционирующая организация. Оба принадлежали к нам, оба мертвы, и у обоих выжгли этот проклятый знак на лбу.

Киплинг глотнул воздуха и глубоко затянулся своей сигаретой.

Бекетт посмотрел на него задумчиво.

- Вы настаиваете на вашей теории, Джо?

- Почему вы называете это теорией? Сколько из нас должны еще умереть, что-бы вы, наконец, поверили в это?

Бекетту не нравился его собеседник, хотя он признавал его способности в определенных вещах. Все же, его самодисциплина никогда еще не позволила ему показать это. Наконец, было кое-что более важное, чем личное раздражение.

- Томас, вы знаете так же хорошо, как я, что мы десятилетиями считались с тем, что эти люди снова выползут из своих дыр. У нас почти что ничего и не было, кроме маленьких знаков там и сям. Нам никогда не приходилось с этим сталкиваться и многие из нас полагали, что этот призрак никогда больше не появится. Если они еще раз хотят участвовать в игре, то они должны сделать это теперь. Это их последний шанс. Поэтому они бьют. И поэтому на двух трупах дело не остановится. Неужели вы этого не понимаете?

Бекетт на мгновение посмотрел в окно. Он, казалось, был со своими мыслями в совсем другом месте. Потом он сконцентрировался и снова поглядел на Киплинга, зажигалка которого как раз зажигала следующую сигарету.

- Почему вы так в этом уверены?

- Между Гаракиным и Фолькером нет общего, что указывало бы на то, что за убийствами стоит одна и та же террористическая группа. Если бы это был только один человек, то было бы достаточно причин. Гаракин как жертва каких-нибудь националистических группировок в России. Фолькер как мишень для левых экстремистов, которые не хотят простить ему последствия его валютной политики. Например. Но нет ничего, что касалось бы их обоих. Кроме лишь то-го, что они принадлежали к нам. Но кто еще мог знать это, и, прежде всего, кто придал бы этому какое-либо значение, если бы даже и знал это? И выжгли черное солнце на лбу у обоих.

- Видите ли вы кроме обоих убийств еще какие-нибудь признаки, которые подтверждают вашу теорию?

- Я согласен, что это - слабый пункт. Мы знаем некоторых из их спящих, Вы знаете это. Теперь они в большинстве поднялись на перспективные позиции. Но это только примерно одна дюжина, слишком мало, чтобы действительно что-то организовать. Никаких организационных структур, которые указывали бы на то, что это снова начинается, никто не может обнаружить при всем желании. Либо мы слепые, что я сразу исключил бы при наших возможностях, либо они находятся еще на младенческой стадии. Но мы все же должны кое-что предпринять, Томас!

Если бы он только знал что, думал Бекетт. Но Киплинг был прав. Что-то должно было произойти.

- Хорошо, Джо. Мы созовем совет. Но это продлится одну, две недели, как вы знаете.

- Все равно. В любом случае это нужно.

- Но тут есть еще кое-что, чего вы, вероятно, не знаете. В случае с Гаракиным мы представили это как убийство его женой из ревности. Жаль ее, но она сей-час из-за этого за решеткой. Но с Фолькером есть одна мелочь, которая, воз-можно, может стать проблемой.

Бекетт подошел к его письменному столу и взял лист бумаги, который передал Кипплингу. Адвокат взял его и понял, что это был телефакс. Показывал он первую страницу «Листка».

- Я не знаю, как это могло произойти, но журналист в Вене видел труп. Он описывает знак, который выжгли у Фолькера на лбу. Естественно, он захочет узнать больше о его значении и о возможной подоплеке для убийства. Такова уж эта свора. Ему должно чертовски повезти, чтобы прийти хотя бы к нескольким правильным выводам. Но все же, вероятно, вы могли бы заботиться о том, чтобы его не упускали из виду. Все же, у вас самые лучшие контакты в Австрии, не так ли?

Кипплинг быстро просмотрел статью Вайгерта. Немецкий язык его был достаточно хорош, чтобы понять содержание.

- Я думаю, это можно будет устроить.

- Этого недостаточно. В официальном отчете полиции не должно быть ни слова про знак. То есть, вы должны действовать быстро.

- Но это значит, что нужно заставить всех, кто видел труп, молчать об этом.

- Таких людей не может быть много. Секретарь Фолькера нашел труп. Насколько я знаю, он также один из нас. Он - не проблема. Тогда там еще полицейские из отдела по расследованию убийств, те, кто убирали мертвецов, и судебный медик. Так что это должно быть возможно. Потому что если более подробные обстоятельства убийства распространятся, не только один журналист станет охотиться за дальнейшими сведениями, а вся свора. Это не в наших интересах.

Кипплинг недолго подумал.

- Я думаю, у меня есть решение.

- Каким бы оно ни было, я знаю, что могу полагаться на вас.

Бекетт знал, что такие поглаживания иногда необходимы. В случае с Кипплингом они даже были правильны, пусть он и не любил его.

- Вы на самом деле можете. Я вам сообщу.

Когда Киплинг вышел, Бекетт включил речевое устройство, чтобы сказать секретарше, что он не хочет, чтобы ему мешали в следующий час. Он подошел к задней стене помещения и нажал на определенное место. Шкаф повернулся в сторону и освободил вход в лежащую за ним комнату. В середине черного мраморного пола был вделан красный круг из другого камня. В его центре лежала маленькая подушка.

Когда Бекетт вошел, тайная дверь за ним снова закрылась. Он опустился на подушку, скрестил ноги, положил руки на бедра и закрыл глаза.

Вена, 20 ноября

Знак не выходил у него из головы. Вайгерт пытался вчера до глубокой ночи и сегодня утром узнать, что значило клеймо, которое выжгли убитому президенту Еврофеда на лбу. Ни одна организация все еще не взяла на себя ответственность за убийство.

Вайгерт много часов копался в архиве «Листка», просматривал старые газетные статьи и пролистывал книги. Он провел бесчисленные телефонные разговоры, с полицией, с экспертами по терроризму, с ближневосточными специалистами, со специалистами по левому экстремизму и правому экстремизму. Результат был нулевым. Примерно десять лет назад было покушение на американского посла в Алжире, которому тоже выжгли что-то на лбу. Но этот след ушел в песок, так как сам знак был совсем другим, и через несколько месяцев после покушения выяснилось, что речь шла при этом о личной мести.

Потом Вайгерт опять засомневался в том, что он на правильном пути. Может быть, это и не было политическим убийством? Может и в случае Фолькера тоже были только личные причины? Но, наконец, оба его телохранителя тоже были застрелены. Это были профессионалы, любитель, конечно, не застал бы их обо-их врасплох.

Но больше всего раздражало Вайгерта то, что его расследования в полиции натолкнулись на непроницаемую стену. Это вполне обычное явление, что при покушениях на таких высокопоставленных лиц как Фолькер официальные службы в высшей степени сдержанны, пока у них нет конкретных следов в руках. Но большей частью, однако, был какой-то осведомитель в органах власти, который что-то сообщал бы о ходе расследования. Конечно, только при условии, что его не будут цитировать в газете. Но на этот раз не нашлось никого.

И как казалось, никакая другая газета, телеканал или радиостанция, да и ни один журналист информационного агентства тоже не нашли такого информатора. Все в маленькой, но важной детали покушения опирались только на «Листок», то есть, на то, что Вайгерт разглядел через открытую дверь гостиничного номера. На этот раз

информационное заграждение, кажется, как ни странно, действительно функционировало.

За несколько минут ему доведется узнать больше. Министр внутренних дел сообщил о пресс-конференции вместе с представителем Европейской полиции в Вене. Вайгерт прибыл уже за двадцать минут до объявленного начала в пресс-центр Европейской полиции, центральное бюро которой в Австрии размещалось совсем рядом с ООН-Сити. Зал был уже почти полон. Примерно от восьмидесяти до девяноста журналистов, а также многочисленные съемочные группы собрались там. Вайгерт знал многих коллег по подобным поводам. Уже давно не было такого сконцентрированного интереса средств массовой информации.

- Добрый день, господин Вайгерт.

Это был Дитер Штайнберг с австрийского телевидения. Он был редактором и ведущим в большой передаче вечерних новостей. У зрителей он был популярен. Все же, в отрасли он из-за его надменности считался «ужасным ребенком».

- Я прочитал вашу статью о покушении с интересом, и я думаю, что был не единственным. Так как Айхлер, которого мы послали в «Империал», вновь проспал, мы были, к сожалению, вынуждены процитировать вас - или лучше: «Листок». Вы знаете, насколько неудобным что-то в этом роде иногда может быть.

- Мне просто повезло. Такое уж наше ремесло: сегодня я, завтра вы.

- Да, естественно. Но, вы говорите...

Штайнберг стал говорить тише.

- Никто не хотел подтвердить мне при моих поисках то, что они видели. Очень необычно, так как нам телевизионщикам, как правило, не мешают, не думаете ли вы?

Я бы тебе отказал в любое время, подумал Вайгерт. Штайнберг и большинство его телевизионных коллег считали себя какой-то высшей расой и на газетных журналистов смотрели только снисходительно.

- И? - Вайгерт посмотрел на него вопросительно.

- Ну, вероятно, вам сказали чуть больше...

Естественно, Штайнберг хотел выйти на это. Было совершенно обычным, что журналисты немного обменивались между собой информацией и поддерживали друг друга. Прежде всего, тогда, когда речь не шла как раз о непосредственной конкуренции. Рука руку моет. В конце концов, не всегда ведь можно узнать обо всем самому. Но с другой стороны, телевизионщики вроде Штайнберга никогда бы ничего не сказал. Ни за какую цену, даже если бы он что-то и знал.

- Мне жаль, господин Штайнберг. Вы можете прочесть все, что я знаю, в нашем «Листке».

- Вы не очень хотите кооперироваться.

Вайгерт искал возможность закончить беседу по возможности вежливо. События пришли ему на помощь.

Внезапно в зале стихло. Министр внутренних дел, далее два высокопоставленных полицейских, и представитель «Еврокопов», как называли людей Европейской полиции, целеустремленно направлялись к установленным спереди столам.

Штайнберг побежал к своему оператору, чтобы дать ему инструкции. Все же, он и без того уже снимал, как и многочисленные другие. Вокруг бушевала гроза осветительных вспышек фотографов.

Четверо сели. Министр внутренних дел Лёзер первым взял слово. После обыкновенного короткого приветствия он сразу перешел к делу:

- Уважаемые дамы и господа, мы решили дать вам сегодня обзор состояния расследования покушения на президента Европейского центрального банка, Бернхарда Фолькера. Фолькер вместе с его обоими телохранителями был застрелен 18 ноября в венском отеле «Империял». Все три человека были убиты одним оружием. При этом речь с самой большой вероятностью идет о пистолете марки Heckler & Koch, калибр 9 мм Parabellum. Использовались распространенные патроны без гильз. Нет непосредственных свидетелей для убийства, выстрелов тоже никто не слышал. Это, а также баллистические анализы говорят о применении глушителя. Преступника или преступников до сих пор не удалось поймать, несмотря на немедленно начатый крупномасштабный розыск. Перепроверка проживающих в гостинице до сих пор тоже, к сожалению, практически не дала отправных точек. Единственный результат - это наблюдение служащего «Империяла» который видел мужчину, который где-то в 11.15 очень спешно покинул отель во время совершения преступления. Мужчина описывается, как указано ниже: рост примерно 1,80 м, белокурые волосы. По показаниям гостиничного служащего на нем было светлое пальто. Трупы немного минут позже были найдены секретарем Фолькера, господином Фридрихом Хельмштедтом.

Министр внутренних дел Лёзер любил такие выходы к общественности, особенно перед средствами массовой информации. Его слова были точно избраны, интонация свидетельствовала о компетенции и кругозоре. Журналисты записывали, фотографы щелкали, операторы снимали.

Самое главное Лёзер придержал до конца своей речи.

- Несколько часов назад к нам поступило письмо тех, кто взял на себя ответственность за убийство. Оно подписано Исламским народным фронтом, фундаменталистской террористической группой, которая, как вы знаете, уже неоднократно появлялась в

Европе. Насколько нам удалось установить за прошедшие несколько часов, нет никакого сомнения в подлинности письма на основании сравнения его с прежними письмами сторонников этой группировки. Следовательно, наше расследование концентрируется в данный момент на этих кругах. Представитель Европейской полиции в Вене, месье Франсуа Бенуа, а также оба мои коллеги и я теперь готовы ответить на Ваши следующие вопросы.

Вайгерт был озадачен. Лёзер ни слова не сказал о том знаке, который выжгли Фолькеру на лбу, ни слова о том, что так сильно беспокоило Вайгерта за прошедшие два дня. И он заметил еще кое-что: естественно, он в своих поисках тоже подумал про Исламский народный фронт, но их символ выглядел абсолютно иначе, чем тот, который Вайгерт запомнил, когда глядел на труп банкира через открытую дверь гостиничного номера.

Он видел, как головы нескольких его коллег повернулись к нему. Они ожидали, что он нанесет первый удар. Вайгерт поднял руку, чтобы дать понять, что он хотел бы задать вопрос министру. Несколько других журналистов тоже подняли руки. Лёзер, который короткое время шептался с Бенуа, взглянул вверх, как будто искал что-то в зале.

- Пожалуйста, Вы сначала. Да, там, в третьем ряду.

Он указывал на Вайгерта. Случайность? Все равно, теперь ему не об этом нужно было думать. Он должен был задать свой вопрос.

- Господин министр, на лбу убитого находился символ, который ему выжгли, вероятно, на нем. Этот символ представляет собой что-то вроде солнца с двенадцатью скошенными на их концах лучами. Могли ли Вы объяснить нам, пожалуйста, значение этого все же скорее необычного действия преступника или преступников? И, во-вторых: насколько связан этот знак с признанием в покушении Исламского народного фронта?

Все присутствующие, кажется, ждали этот вопрос.

- Вы же господин Вайгерт из «Листка», если я не ошибаюсь?

- Совершенно верно.

- Ну, я прочитал ваши статьи. Но при этом мне неясно, откуда вы взяли ваши сведения. Я могу сказать вам об этом только следующее: ни на ком из убитых, ни на Фолькере, ни на двух его телохранителях, за исключением огнестрельных ран не обнаружено никаких особенных признаков, связанных с покушением.

Вайгерт молчал. Его явно недоверчивое выражение лица заставило Лёзера еще добавить.

- Сообщения о выжженном знаке на лбу президента Еврофеда просто неверны.

Шепот прокатился по залу. Краем глаза Вайгерт увидел, как телевизионщик Штайнберг презрительно улыбался.

Вена, 20 ноября

Хайнц Тольмайн стучал по клавишам его компьютера. Если бы кто-то наблюдал за ним, то у него было бы впечатление, что у Тольмайна какие-то нарушенные отношения с его устройством. Было похоже, что он хочет наказать его, как хозяйка своих рабов. Чем более озорным он был и чем большему количеству команд он возражал, тем жестче Тольмайн нажимал на клавиатуру. Современный человек в нем знал, что это обращение не будет увенчано успехом. Архаичный гомо сапиенс напротив требовал подчинения силой. Он маршировал, как теперь, в глазах Тольмайна, вперед и назад и ликовал из-за своего существования.

Вайгерт распахнул дверь кабинета и упал в свое кресло. Тольмайн прервал борьбу человека против машины.

- И? Что выдал Лёзер?

- Полную фигню.

- Ну, в этом-то как раз ничего нового. Но судя по твоему выражению лица, это было не очень благоприятно.

Вайгерт вытаскивал свои записи из папки.

- Внимание: этот знак, который был на лбу у Фолькера...

- Ну и что с ним?

- Лёзер утверждает, что ничего такого вообще не было!

Тольмайн присвистнул сквозь зубы.

- Это может оказаться неприятным.

- Что ты имеешь в виду?

- Если Лёзер или полиция лжет и можно будет их в этом уличить, тогда у них будут серьезные проблемы. Если нет, тогда мы окажемся дураками.

- Тебе нужно было бы однажды подробнее объяснить значение словечка «**МЫ**». Это я окажусь в дураках!

- Косвенно. Но сначала наш «Листок». Тогда шеф закрутится. И потом он примется за тебя.

Логика Тольмайна была неподкупной.

- Что ты планируешь теперь?

- Сначала я разыщу кого-то, кто может подтвердить мои сведения. В конце концов, я не был единственным, кто видел труп Фолькера. И потом я должен узнать, в чем тут дело с этой штукой на лбу Фолькера.

- С первой задачей это будет очень нелегко. Если Лёзер знает об этом, то он примет все меры, чтобы никто не проболтался. В конце концов, он министр. Для него в полной мере открыты некоторые возможности. Но если его неправильно проинформировали его люди, то для тебя это несколько проще.

- Ты забываешь третью возможность.

- Какую?

- Вероятно, они не хотят, чтобы их расследованию мешали. Якобы они преследуют конкретный след.

- И какой же след?

- Лёзер заявил, что сегодня утром пришло заявление с признанием Исламского народного фронта. Он говорит, что письмо подлинное.

- Зачем ему тогда умалчивать об уродовании Фолькера?

- Понятия не имею.

Мучитель Тольмайн снова обратился к объекту своего желания. Всегда, когда он был в этом настроении, Вайгерт думал, что клавиатура развалится. Но до сих пор она выдержала Тольмайна.

- Я иду к Хилльгруберу, чтобы обсудить это дело с ним. Вероятно, он захочет написать свой комментарий.

- Хилльгрубера еще нет.

Когда Тольмайн говорил это, он не глядел вверх. Его черты лица были сдержаны. Пальцы последовательно лупили по клавишам.

Вайгерт зажег сигарету. Кто-то должен был подтвердить ему то, что он видел. Ему был нужен свидетель, которого он - даже не называя имени - мог бы процитировать.

Вальтер Мюллер позволил ему взглянуть на труп Фолькера. Мюллер тоже видел это. И он был его бывшим школьным приятелем и другом.

Вайгерт потянулся к своей электронной записной книжке, чтобы узнать телефонный номер. Сначала он попробовал найти Мюллера у него на службе. Там его не было. Он дежурил прошлой ночью, и поэтому сегодня у него выходной. Значит, он дома.

- Мюллер слушает...

Голос звучал заспанно.

- Это Ганс Вайгерт. Извини, что разбудил тебя. Но мне, к сожалению, нужно задать тебе несколько вопросов по делу Фолькера.

- И даже если ты позволишь обыграть себя на бильярде следующие сто раз, эта история табу.

Голос Мюллера стал внезапно бодр. - Но ты же это не всерьез!?

- Как раз всерьез.

- Можно спросить, почему?

- Нет, нельзя. Или ты хочешь, чтобы я потерял работу?

Это прозвучало довольно серьезно.

- Послушай внимательно, Вальтер. Я клянусь всеми святыми, что я никому не назову твое имя в этой связи. Оно не появится в газете, и я также не назову его никому в редакции. Ясно?

- Ты заведешь меня в дьявольскую кухню, Ганс.

- Но ты же знаешь, что мы оба видели. Я имею в виду этот странный знак на лбу Фолькера. Лёзер час назад утверждал, что его не было. Если он продолжит настаивать на этом, все будут думать, что я это придумал. Мой шеф разорвет меня на куски, так же как конкуренты сделают это с «Листком». Разве ты этого не понимаешь!?

- Я действительно ничего не могу сказать тебе, и тем более ничего, что случилось с трупом Фолькера.

- Вальтер, старина. Но ты же не оставишь просто так в беде своего старого школьного приятеля?

На другом конце линии было тихо.

- И? Что?

- О трупе Фолькера ты ничего не услышишь от меня.

Вайгерт был уже готов повесить трубку. Вот засранец! Но потом Мюллер заговорил.

- Я ничего не могу говорить. Вчера два парня из секретной службы ООН были у меня. Насколько мне известно, они тщательно допросили не только меня, а всех, кто видел труп Фолькера. И потом они потребовали от каждого обещание никому об этом не рассказывать. Ни о трупе, ни о допросе. Если нет, то будут очень серьезные последствия, говорили они.

- Посмотри-ка! Это уже много.

- Обещай мне, Ганс, что ты никакому не расскажешь об этом. И не пиши об этом в газете, даже и без моего имени. Круг людей, кто видел труп, слишком мал. Эти хвастливые Джеймсы Бонды из ООН легко узнают, от кого ты получил та-кую информацию.

Вайгерт знал, что Мюллер не любил говорить о секретной службе Объединенных Наций. Она была основана несколько лет назад. Ее создание было последствием большого роста значимости ООН, которая брала на себя все больше международных задач. Давно миновало время Холодной войны, когда сверх-державы в значительной мере блокировали всемирную организацию, используя свое право вето. Теперь Объединенные Нации все сильнее действовали по всему земному шару.

Секретная служба ООН все больше опережала во многих странах национальные спецслужбы, а также и полицию. Ее права были очень обширны. Так в Вене часто доходило до конфликтов между людьми ООН и австрийскими властями, а также Европейской полицией. И Мюллер уже несколько раз оказывался в центре этих разборок.

Но если Вайгерт пообещал бы теперь своему школьному другу, что он ничего не будет писать или рассказывать об этом, то что он бы выиграл этим?

- Ты должен пообещать мне это, Ганс!

Что ему оставалось? Во-первых, Вальтер Мюллер был его другом, а, во-вторых, каждый журналист, который выдавал своего информатора, потом не получал хороших консультаций. Потому что ему никогда больше не будут доверять.

- Хорошо, обещаю.

- Смотри, может быть, ты что-то сможешь узнать в другом месте. Я был бы очень рад, если бы этим надменным космополитам врезали по первое число. И Лёзеру тоже. Потому что, как известно, рыба гниет с головы.

- Я постараюсь. Спасибо тебе, Вальтер. Следующее пиво, когда будем играть в бильярд, за мой счет.

- Я это запомню.

Вайгерт повесил трубку.

- Ну, как?

Тольмайн вновь начал действовать ему на нервы.

- Ничего важного.

- Но звучало это совсем по другому.

- Может быть, ты бы лучше писал свою статью?

- Хорошо.

Коллега замолчал и продолжил свою борьбу против техники.

Мюллер был прав. Рыба воняла. То, что секретная служба ООН включилась в дело, само по себе не было удивительным. Бернхард Фолькер был весьма важной личностью международной экономической и политической жизни. Как за президента Европейского центрального банка, т.е. учреждения Политического союза, за него собственно должны были бы отвечать еврокопы. Но после признания Исламского народного фронта все это вышло за пределы Европы. И так, было только логично, что подключились Объединенные Нации.

Тем не менее, было явно не логично, что секретная служба ООН хотела утаить определенную деталь убийства Фолькера. Какой смысл был в этом?

И, прежде всего: как Вайгерт должен был защищаться от критики, которая без сомнения обрушится на него? Хилльгрубер и шеф потребовали бы доказательства его рассказа. Наконец, на карту была поставлена репутация «Листка» как серьезной газеты. Для него не было никаких хороших перспектив.

Вайгерт решал сначала продолжить свои поиски значения этого сомнительного знака. Вероятно, это продвинуло бы его вперед. Он начал копаться в нагроможденных на его письменном столе газетных вырезках. При этом он нашел книгу, которую получил вчера из архива: «Мировая империя аллаха - Исламский террор в Европе и США». Вайгерт перелистал ее.

Шум, который вызывали Тольмайн, его пальцы на клавиатуре, умолк.

- Вчера ты здесь сидел до полуночи и смотрел все эти материалы.

Коллега указал рукой в направлении заваленного письменного стола Вайгерта.

- И даже если я прочитаю все это еще десять раз, не все равно ли тебе!?

Не мог ли Тольмайн со своим ворчанием хотя бы на часок пощадить его?

- Ну, ну! Не волнуйся так. Ты ищешь значение знака, который ты видел на Фолькере.

- Спасибо, я сам знаю, что я делаю.

Тольмайн проигнорировал раздражение Вайгерта.

- И ты думаешь, что раз это было политическим покушением, ты должен пробовать свое счастье при поиске террористических групп. Правильно?

- В высшей степени остроумно.

- И при этом ты установил, что Исламский народный фронт, который должен стоять за покушением согласно словам Лёзера, никогда еще не использовал этот знак. Их знак выглядит абсолютно другим.

- Да.

Вайгерт вздохнул. Когда, наконец, этот Тольмайн оставит его в покое?

- Я могу вспомнить кое о чем, что могло бы помочь, вероятно, тебе и вместе с тем также «Листку»

- И что же это?

Он не был так уж заинтересован в болтовне своего коллеги.

- Несколько месяцев назад мы в одном приложении напечатали специальную страницу о политической символике. Для ее написания мы пригласили автора со стороны. Я думаю, это был профессор или доцент в Венском университете. Ты мог бы поискать эту страницу в архиве.

Все же, иногда и Тольмайн мог быть полезен.

- У тебя сегодня хороший день.

- Что значит «сегодня»?

- Я в архиве, если меня кто-то будет искать.

- Кто должен был бы искать тебя?

- Профессор Мечиар?

- Да, слушаю вас.

Вайгерт сразу нашел в архиве то, что искал. Вацлав Мечиар был профессором из Словакии, который преподавал историю в университете в Вене. Это он написал ту статью. Вайгерт сразу позвонил ему.

- Это Ганс Вайгерт из газеты «Листок».

- Что я могу сделать для вас, господин Вайгерт?

Голос с несомненным акцентом звенел любезно и участливо.

- Вы написали для нас несколько месяцев назад статью о политических символах. Теперь я как раз стою перед проблемой, в которой я думаю, вы могли бы мне, вероятно, помочь.

- Пожалуйста. О чем все же идет речь?

- Как вы, конечно, читали или слышали, президент Европейского центрального банка был убит в Вене. Теперь несколько человек утверждают, на его лбу вы-жгли какой-то знак.

- О, да. Я прочитал вашу статью, господин Вайгерт. Плохое дело.

- Совершенно верно. Теперь, я не продвинулся в моих поисках вперед, так как этот знак по моим сведениям не был до сих пор использован еще ни одной террористической группой или политической группировкой.

- Не могли ли б вы точно описать, пожалуйста, еще раз мне этот знак? Я прочитал вашу статью, но больше не могу достаточно хорошо вспомнить об этом.

Перед мысленным взором Вайгерта появилась картина, как лежал труп Фолькера в двери к ванной гостиничного номера.

- Итак, в середине был полный круг. От него исходят, на равных расстояниях, двенадцать лучей. Каждый из лучей скошен дважды на своем верхнем конце на 90 градусов. И все снова окружено кругом.

- Извините, господин Вайгерт. Могу ли я предложить вам, чтобы вы записали это и послали мне по факсу? Тогда мы сможем избежать возможных недоразумений.

- Это хорошая идея. Через несколько минут вы это получите.

Вайгерт попросил номер. Профессор обещал, что позвонит, как только что-то узнает.

Телефон Вайгерта зазвенел спустя три часа и пятьдесят две минуты. Вацлав Мечиар нашел то, что искал.

- Вот это.

Профессор протянул Вайгерту книгу, уже порядком потрепанную. На простой черно-белой фотографии навстречу ему блистало то, что отрицал Лёзер, и что с тех пор больше не выходило у Вайгерта из головы.

Фотография была сделана в большом зале. На заднем плане видна была дверь, обрамленная двумя колоннами. Черное солнце, как Вайгерт его назвал, было здесь как орнамент вделано в пол. Оно занимало больше половины картины, которая разместилась на всей книжной странице.

Вайгерт прочитал подпись под иллюстрацией: «Зал группенфюреров с художественной орнаментикой на полу. Эта картина наглядно поясняет круглое строение зала. Невьясненное до сегодняшнего дня значение числа двенадцать, которое повторяется в двенадцати спицах солнечного колеса, двенадцати колоннах и нишах зала группенфюреров, а также на двенадцати пьедесталах в Валгалле».

Никакого сомнения, это был именно тот знак, который выжгли у президента Еврофеда на лбу.

Это книга о школе СС в Вевельсбурге. Ей не меньше двадцати лет.

Вайгерт рассмотрел суперобложку. «Крепость Гиммлера» было написано на ней красными большими буквами. Автором был некий Тьер Мартен.

- Как вы пришли к такому выводу?

- Когда я увидел факс с вашим рисунком, я знал, что речь должна идти о солнечном колесе. Солнечное колесо – это тысячелетний символ. Его можно найти в самых различных формах в многочисленных культурах. Так, как вы описали его мне, это, показалось мне символом из более новой истории. Так как благодаря национал-социалистам солнечное колесо в его видоизменении как свастика стало печально известным, я начал искать там. Сначала я ничего не нашел, так как партийный знак НСДАП и более поздний символ Третьего Рейха выглядят совсем по-другому. Я хотел уже продолжить поиски в культурах южноамериканских индейцев, когда мой ассистент обратил мое внимание на эту книгу. Он прочитал ее совсем недавно.

Вайгерт был запутан. Гиммлер и СС, были, естественно, понятиями, с которыми он что-то мог бы начать. Наконец, уроки истории не прошли в школе бесследно мимо него. Но чем это и этот замок были связаны с убийством Фолькера?

- Может быть, вы что-то знаете об этом... Вевельсбурге?

- Мне жаль, господин Вайгерт, но, увы... Моя специальность – это средневековье. В таких деталях современной истории я едва ли могу помочь Вам.

- Вы не будете против, если я возьму у вас эту книгу на несколько дней?

- Пожалуйста, спокойно берите ее. Здесь она вряд ли кому-то понадобится.

- Большое спасибо, господин профессор. Вы очень помогли мне.

Да, профессор помог, но Вайгерт пока не мог точно сказать, как он мог бы воспользоваться этим.

Вернувшись в редакцию, он снова повис на телефоне. Спустя двадцать минут у него был адрес автора. Звонка в издательство, которое издало книгу и которое к счастью, все еще существовало, было достаточно. Пьер Мартен, француз, как объяснила ему секретарша издательства, жил непосредственно в Вевельсбурге. Маленький городок, давший имя «Крепости Гиммлера», лежал посреди Германии, примерно в 60 километрах к западу от Касселя и примерно в 15 километрах к югу от Тадеборна.

Это был очень запутанный след, который был у Вайгерта, но все же, его единственный. Ему ничего не оставалось, кроме как продолжать следовать за ним.

Вевельсбург, 21 ноября

- Хотите еще печенья, господин Вайгерт?

Жена Пьера Мартена посмотрела на него с ожиданием, и подала тарелку. Она была немного полновата, чуть за шестьдесят, излучала добро, что напомнило Вайгерту о его матери.

- Пожалуйста, с удовольствием.

Как только он получил адрес Пьера Мартена, Вайгерт тут же был у Хилльгрубера. Тот сначала колебался посылать его из-за такой «мелочи», как он выразился, в командировку в Вевельсбург. Вайгерт был разочарован, но потом он, умудрился сделать так, что Хилльгрубер дал ему два дня отпуска.

Он исчез из редакции раньше обычного, до глубокой ночи читал книгу Мартена и утром на первом же самолете вылетел из Вены во Франкфурт. Там он взял напрокат машину и поехал в Вевельсбург.

Стоило ему подумать о расходах на все предприятие, ему становилось плохо. Если ничего из этого не выйдет, ему придется оплачивать их из собственного кармана. Так звучала договоренность Вайгерта с Хилльгрубером. Все же, он был настроен оптимистично, по меньшей мере, он внушал себе это.

Приятное тепло разлилось по телу Вайгерта, когда он глотнул из чашки, стоявшей перед ним на столе. Теперь ему действительно нужен был кофе. В конечном счете, он спал только чуть больше четырех часов.

- Если я вас правильно понял, вы хотите чуть больше узнать о Вевельсбурге?

Тьер Мартен в совершенстве говорил по-немецки, хотя по его акценту можно было легко узнавать его французское происхождение. Ему было 77 лет, и он жил с 1972 года в Германии. Это узнал Вайгерт, в то время как мадам Мартен готовила кофе.

- Да, совершенно верно. Вчера я прочитал вашу книгу, или лучше сказать, быстро пролистал. Связь, на которую я натолкнулся, несколько необычна. Речь идет об убийстве президента Европейского центрального банка, Бернхарда Фолькера. Вы, конечно, читали об этом в газетах или слышали по телевизору?

Мартен был немного удивлен. Он провел правой рукой по редким волосам, которые еще покрывали его голову.

- Да, я немного слышал об этом. Но я совсем не могу понять, что тут общего с моей книгой и с Вевельсбургом.

- Есть информация, согласно которой Фолькеру выжгли знак на лбу.

Вайгерт предполагал, что Мартен не особенно точно следил за этим делом. Да он едва ли и знал бы, в особенности здесь, в Германии, что «Листок» был единственной газетой непосредственно сообщившей об этом, и все другие СМИ, когда писали на эту тему, только цитировали статью Вайгерта.

- Когда я разыскивал, что мог бы значить этот знак, профессор в университете Вены обратил мое внимание на Вашу книгу. Там фотография зала в Вевельсбурге, в полу которого вделан точно такой же знак. Поэтому я здесь.

Глаза Мартена застыли на Вайгерте.

- Насколько я знаю, только ваша газета сообщила об этом все же несколько необычном аспекте покушения. Все другие только ссылались на нее. Это верно?

Мартен, похоже, следил за случившимся больше чем «немного» - как он сам говорил.

- Да, это так.

- И теперь вы ожидаете, что я могу помочь вам?

- Я надеюсь на это, по меньшей мере.

- Давайте после кофе совершим маленькую прогулку. Если вы позволите, я покажу вам замок. При этом вы можете сами представить себе картину и задать ваши вопросы. Поможет ли это вам, однако, при ваших поисках, я не могу обещать.

Медленно они шагали через мост во двор замка. Мартен надел черный берет. При ходьбе француз опирался на трость. Старая рана колена, как он говорил, заставляла

его пользоваться ей. Вайгерт не хотел расспрашивать об этом дальше, так как не это интересовало его, но Мартен рассказал сам.

- Пуля зацепила меня, в Алжире.

- В Алжире?

Вайгерт вопросительно посмотрел на него.

- Да, прежде чем я приехал в Германию, я был офицером во французской армии. Это не особенно понравилось нескольким алжирцам. Мартен улыбнулся.

- Я думал, вы историк?

- Если вы под этим понимаете, что я прошел через университетские благословения, я должен разочаровать вас. Вы спокойно можете называть меня историком-любителем. После моего прощания с армией я начал писать книги. Сначала на этом не легко было прожить. Все же, мне повезло - я получил небольшое наследство. Это выручало меня до тех пор, пока мои книги не начали хорошо продаваться.

Француз поправил берет.

- Заходите, вот вход.

Вайгерт и Мартен через большие ворота вошли в одно из зданий замка. Оно было наилучшим образом отреставрировано, как Вайгерт смог убедиться еще снаружи.

Его треугольный план ограничивался с каждой стороны по башне: две меньшие на западной стороне и восточной стороне, одна большая на севере. Замок так же, как и маленький городок, названный его именем, и образовавшийся вокруг него, был построен на небольшом холме над долиной Альметаль. Его необычная треугольная форма следовала из естественных возможностей застройки: узкая горная полоса из известковой горной породы, которую, вероятно, уже в доисторическое время добывали для сооружения укреплений, выдвигалась в долину. Но точные следы окруженного валом замка можно было подтвердить только с девятого века. В современной форме замок был построен с 1604 по 1607 годы.

Все же, древняя история замка, о которой Вайгерт уже успел прочесть в книге Мартена, не особо интересовала его. Он хотел знать больше об его более близком прошлом.

- Как прибыл, собственно, Гиммлер в этот замок?

- Ну, у захвата власти национал-социалистами были последствия не только для Германии и в будущем и для всего мира, также на Вевельсбурге это уже очень скоро отразилось.

Мартен рассказывал, в то время как они гуляли по коридорам замка.

- В ноябре 1933 года Генрих Гиммлер осматривал здание. В то время он искал подходящее место для чего-то вроде духовного центра его СС. Он был в восторге от него и решил отреставрировать Вевельсбург, который к тому времени уже довольно сильно пришел в упадок. Рассказывают еще, что также один из ваших земляков участвовал в выборе Вевельсбурга, некий полковник Виллигут, который был известен в СС под именем Вайстор - весьма сомнительная фигура. Он якобы был чем-то вроде второго лица и порекомендовал Гиммлеру это место. Но насколько правдивы все эти истории? Был запланирован, наконец, огромный комплекс, город СС, где замок был бы только очень маленькой его частью, пусть даже и центральной. Часть комплекса должна была получить форму копья, самое острие которого образовала бы тогда северная башня замка. Но до исполнения этих планов из-за войны так никогда и не дошло, за исключением реставрации.

- Вы говорили о духовном центре СС. Что вы имели в виду?

Вайгерт хотел узнать больше. Страсть к охоте захватила его. Он хотел свою историю, и чувствовал, что он очень близко к ней.

- Как вы, вероятно, знаете, СС - по меньшей мере, по первоначальной идее - должно было стать чем-то вроде ордена. Вевельсбург должен был стать ее мировоззренческим центром как таковым. В 1935 году начали с создания библиотеки. В начале это было только несколько сот книг, однако скоро их становилось все больше: праистория, предыстория и ранняя история, отделы религии и мифологии, но также и истории искусств, истории литературы и истории права. В 1939 году некий Бернхард Франк возглавил библиотеку. Уже скоро после начала войны он снова покинул Вевельсбург, чтобы, наконец, в 1943 году стать командиром подразделений войск СС в Оберзальцберге у Гитлера. После того, как несколько других сотрудников тоже были призваны на военную службу, это стало практически концом работы над библиотекой. Помимо этого было еще со-здание музея праистории и древнейшей истории под руководством Вильгельма Йордана. В этой связи в окрестностях замка было проведено несколько археологических раскопок. Ах да, и еще там был исследователь родов Руди Бергманн. Он работал над созданием различных родословных.

Мартен остановился. Они вступили как раз в зал группенфюреров в верхнем этаже северной башни.

- Здесь то, что вы ищете.

Там это было: тот знак, из-за которого Вайгерт приехал сюда, был вделан, как он видел это уже на фотографии, в середине зала в пол. Вайгерт остановился и пристально смотрел на это.

- Что это, собственно, значит?

Вайгерт ждал от ответа на этот вопрос решения своей загадки. Но Мартену пришлось разочаровать его.

- Никто не знает точно, что именно это означало здесь в этом зале. Без сомнения это представляет, как и свастика тоже, солнечное колесо. Но, эта форма с двенадцатью спицами, больше нигде не встречалась в эпоху национал-социализма. И в замке тоже нет второго такого знака. Единственное, что я за-метил, это неоднократное повторение этого числа - 12 - в других местах замка.

Всё, приехали, подумал Вайгерт. Три дня назад застрелили президента Еврофеда. И теперь он рылся в вещах, которым уже было много десятилетий. Где был мост? Или его вообще не было?

- Считаете ли вы возможным, чтобы какие-нибудь ультраправые убили Фолькера и использовали при этом этот знак?

- Собственно, это я должен был бы спросить вас, месье Вайгерт. Все же, из нас двоих вы - журналист. Я же только непрофессиональный историк. То, что я хочу знать о политике, я узнаю из газет.

Мартен был прав: выяснять эти вещи, было делом Вайгерта. Все же, какая причина должна быть у нескольких чокнутых ультраправых, чтобы убить президента Европейского центрального банка? Для такого покушения требовалась эффективная организация. Вайгерт не знал ни одной группы такого политического и террористического спектра, которая была бы способна на что-то в этом роде. Поджог приюта для беженцев - это могло быть. Но убийство такой известной и значительной личности?

Мартен прервал его размышления.

- Пойдемте, теперь я покажу вам, так сказать, сердце Вевельсбурга, Валгаллу.

Вайгерт следовал за ним. Они вышли из здания, прошли двор замка, вокруг, наконец, через мост над старым защитным рвом покинули здание. Маленькая дорога вела вдоль внешней стороны замка к северной башне, вход в которую находился явно ниже уровня внутреннего двора.

Дверь была закрыта, но у Мартена был собственный ключ к тому, что доверила ему администрация. В конечном счете, он в течение десятилетий занимался Вевельсбургом и был на «ты» почти со всеми, кто в этом маленьком городке имел дело с замком.

После того, как Мартен открыл, они оба по тесной лестнице спустились вниз в подвальный этаж башни. Маленькие решетчатые ворота преграждали вход в лежащее за ними помещение. Все же, у француза был ключ и от них. Он вошел перед Вайгертом и включил лампы, которые были укреплены внутри на стенах. Журналист следовал за ним.

Огромный подвал, куполообразный, вероятно, 10 или 15 метров в диаметре и, примерно такой же высоты, представился его взгляду.

Мартен объяснил.

- Зал выдолблен прямо в высокой скале. Никто точно не знает, для чего он служил СС. После реконструкции этого помещения только лишь совсем маленькому кругу людей разрешалось входить в Валгаллу. Выражение «Валгалла», впрочем, не исходит от СС, как можно было бы предположить. Так этот зал называют только в народе здесь в Вельсбурге.

- Но, по меньшей мере, ведь должны быть хотя бы предположения, что здесь происходило?

Вайгерт с ожиданием посмотрел на Мартена. Тот смотрел на него так, как будто обдумывал, что он должен был бы теперь рассказать Вайгерту.

- Да, естественно. Предположения есть. Несколько человек говорят, что Гиммлер хотел быть похороненным. Но события сложились так, что до этого никогда не дошло. Другие, в свою очередь, говорят о каких-то культовых действиях. Но, как уже говорилось, это версии. Ничего, на что мог бы опираться серьезный историк.

Умалчивал ли Мартен что-то? Он давал точные исторические сведения, когда его спрашивали, но во всех вопросах, которые выходили за чистые факты, казалось, будто он их блокировал. Могло быть так, что версии не интересовали его, человека истории. Но зато они были интересны для Вайгерта, человека журналистики. Но, вероятно, у Мартена есть только свои шоры, думал Вайгерт, как у рассеянного профессора, который уперся только в свой объект исследований и все что выходило за пределы этого, просто не воспринимал.

- Есть здесь кто?

Голос исходил, приглушенный толстыми стенами, от двери на верхнем конце лестницы.

- Извините меня, пожалуйста. Конечно, несколько туристов, которые тоже хотят осмотреть Валгаллу.

Мартен хромал вверх, опираясь на свою трость.

Вайгерт огляделся. Помещение было круглым. На стене несколько площадок из камня, каждая на высоте примерно сорока сантиметров. Он начал считать: одна, две, три... двенадцать. Столько же, как спиц у солнечного колеса в зале группенфюреров. В середине было также круглое углубление, вроде колодца, по оценке Вайгерта, примерно семь метров в диаметре. Через край можно было как раз еще спуститься вниз, как через слишком большую ступеньку. В центре этого углубления что-то однажды

должно было стоять. Это можно было очень отчетливо заметить. Теперь это место было залито бетоном, а не каменными плитами, которыми был покрыт пол повсюду в помещении.

Вайгерт приблизился и наклонился, чтобы исследовать пол ближе. Но он не мог заметить ничего необычного. Там была только шершавая поверхность бетона. Когда он поднялся, он стоял точно в центре подвала. Тут это случилось.

Вайгерт вздохнул, частично из разочарования от того, что не нашел ничего важного, частично от усталости, которая только сейчас дала о себе знать по-настоящему. Внезапно он почувствовал звук у себя в голове. Мгновенно ему стало совсем легко. Ему показалось, что его тело превратилось в невесомость, ничего не значащую оболочку. Ему показалось, что его череп как бы невероятно вырос.

Испуганно Вайгерт остановился. Это ощущение становилось слабее, но не прекращалось полностью. Он издал для проверки еще звук. Там оно снова было! Шаг в сторону, еще звук. Ничего. Вайгерт снова стал точно в середине. Эффект был потрясающим, как только что.

Страх немного ослаб. Он уже сталкивался в церквях, которые он всегда охотно осматривал в своих поездках, с определенными акустическими феноменами сооружений. Но это превосходило все. Вайгерт ощутил недоброе чувство, не страх, скорее кое-что, что заставляло его ощутить свою малость и незначительность. Было ли это то, что здесь хотели продемонстрировать людям из СС? Акустический трюк? Или это было чем-то большим? Вайгерт не был уверен. Он предпочел покинуть подвал.

Снаружи перед входом в башню стоял Мартен и беседовал с женщиной, вероятно, тем, который кричал сначала. Мужчине было около 45 лет. В своем элегантном сером костюме он производил впечатление состоятельного бизнесмена.

Когда Вайгерт присоединился, Мартен как раз прощался.

- Как я и думал: турист, который хотел осмотреть подвал. Я порекомендовал ему следующую экскурсию. Она все равно начнется минут через пятнадцать.

Мартен сделал короткую паузу, чтобы поискать ключи в кармане брюк.

- Ну, вы нашли еще что-то?

Вайгерт медлил.

- Нет, ничего важного.

- Но маленькое отверстие, наверху на стене, точно на севере, вы же заметили?

Теперь Вайгерт вспомнил. В толстой стене башни пробили прямоугольную дыру. Когда он оглядывался, он видел, что через нее было видно небо. Все же, он не удостоил это отверстие дальнейшего внимания.

- Маленькая проделка архитектора.

Мартен усмехнулся.

- Каждые несколько лет, когда зимнее солнцестояние совпадает с полнолунием, луч лунного света падает точно в центр подвала. При условии, конечно, что нет облаков.

После того, как Мартен закрыл двери, оба пошли обратно. Когда они снова проходили мимо моста, который вел через защитный ров, старый француз показал налево.

- В этом здании размещена печальная сторона Вевельсбурга. Тогда им были нужны рабочие для реставрации. Для этого брали заключенных из концентрационного лагеря. Филиал этого лагеря находился вон там.

Мартен указал рукой в направлении.

- Теперь из этого ничего больше нельзя узнать. В доме там устроили музей, где более подробно освещается эта сторона Вевельсбурга.

Вот свиньи, подумал Вайгерт. Они даже могилу Гимmlера не смогли построить сами.

Вайгерт повернул машину и медленно выехал из городка. Солнце как раз начинало исчезать за грядой холмов. Его лучи окрасили их в грязный, темный оранжево-красный цвет. Слева от него лежал величественно, а также немного угрожающе замок, от которого он мог теперь видеть только контуры. Если он хранит тайну, связанную со статьей Вайгерта, то он сохранил ее. Однако Вайгерт едва ли верил в это. Наведение моста между прошлым и настоящим не удалось. Он настолько погрузился в мысли, что не заметил, что какая-то машина следовала за ним на надлежащем расстоянии.

Но Вайгерт так легко не сдастся. Он не был сумасшедшим, еще нет. На лбу Фолькера был выжжен знак, в этом не было сомнения. Он, Ганс Вайгерт, сам видел это. Вальтер Мюллер подтвердил это. И он также подтвердил, что есть люди, которые хотели бы это скрыть. Почему, черт побери?

Он должен был узнать это, не только ради репортажа. Статья медленно начинала втягивать его самого.

Сан-Франциско, 22 ноября

- Э тот венский журналист, кажется, готовит нам больше трудностей, чем мы предполагали.

Джо Киплинг посетил Томаса Бекетта, чтобы сообщить тому о продолжении своих усилий.

- Я связался с секретной службой ООН в Вене. Как Вы знаете, целый ряд голов [World Intelligence Service](#) связан с нами по братски.

Киплинг зажег себе следующую сигарету, третью, с тех пор как он вступил в офис Бекетта. Он потел, что с ним всегда случалось, когда он был взволнован. Бекетт рассматривал его, и на короткое мгновение неудовольствие отразилось в его глазах.

- Люди ООН проследили за этим Вайгертом в его поисках. Похоже, у него есть след. Мы не знаем, как ему это удалось, но он был в Вевельсбурге. Киплинг смотрел на Бекетта, но когда тот вопросительно поднял брови, адвокат продолжил свои объяснения.

- Вевельсбург находится в Германии и - теперь это становится интересным - он якобы был мировоззренческим центром СС во времена нацизма.

Глаза Бекетта продолжали смотреть спокойно, но мозг его работал на полную мощность. Дело, кажется, становилось горячим.

- Что Вайгерт там делал?

Голова Бекетта склонилась немного вперед, немного, но достаточно, чтобы показать его возрастающее волнение.

- Это самый животрепещущий вопрос.

Киплинг прямо таки кувыркался от усердия, что может доложить своему собеседнику.

- Он осмотрел замок, как самый обыкновенный турист. Но он делал это не один. Его сопровождал некий Пьер Мартен. Мартен это француз и живет в городке возле замка. Он историк-любитель и написал несколько книг, в том числе одну о Вевельсбурге.

Толстый адвокат вытянул носовой платок из брюк и промокнул пот со лба. При этом он продолжал. - Я сразу проверил, есть ли у нас что-то о Мартене в наших компьютерах. Там, естественно, что-то было. В конце концов, уже из-за одного своего хобби он должен был попасть в наши досье.

- Вевельсбург... Теперь я припоминаю. В то время он должен был быть одним из центров, конечно. Но какое значение у него сегодня?

- На 99 % никакого. Замок совершенно обычный объект для туристов. Совсем рядом находится музей концлагеря. Это все. Наши дорогие друзья были бы чертовски тупыми также дьявольски, если бы они занимались такими местами.

- Вы говорите на 99 %. Что с одним остающимся процентом?

- Это как раз и есть момент, который меня беспокоит. Я поручил поподробнее «просветить» Мартена, конечно, не заметно для него. Люди ООН приобрели его книги. Они осведомились в издательствах, которые их издавали. Они под разными предложениями немного послушали, что происходит в Вевельсбурге. Но там нет ничего, что имело бы значение для нас. И тогда они придумали поискать в центральном учетном компьютере для бронирования полетов, чтобы разыскать возможные поездки Мартена. Это не совсем просто и даже на основе распоряжений о полной регистрации не гарантирует абсолютную перепроверку. Но они вопреки всему кое-что нашли. И как раз это беспокоит меня. Мартен в июне примерно две недели был в Тибете.

Бекетт снова втянул назад свою вытянутую вперед голову.

- Тибет. Это значит...

- Да, и что это могло бы значить, мне, пожалуй, не нужно вам объяснять.

- Поручили ли вы провести расследования в Тибете?

- Само собой разумеется. Они уже начались. Но, честно говоря, я довольно скептичен, что они дадут какие-то полезные результаты. Ведь какие следы Мартен должен был там оставить? Он нанимает себе нескольких шерпа и отправляется. И разыскать этих шерпа теперь, спустя четыре месяца, фактически невозможно.

- Джо, не считаете ли вы возможным, что этот Мартен был только случайно в Тибете? Я имею в виду, просто как турист?

- Принципиально эта возможность, естественно, существует. Все же, что пожилой мужчина в семьдесят семь лет должен был там делать? Наконец, Тибет - это не Гавайи. И если еще предмет его исследований Вевельсбург...

Бекетт откинул голову назад и смотрел в потолок его офиса, как будто он мог там найти решение.

- Вы думаете, этот журналист нашел, возможно, след, который мог бы иметь значение также для нас?

- Да, я так думаю. Однако след - это не Вевельсбург, но он ведет через Мартена в Тибет. Француз, конечно, мог бы больше рассказать об этом.

- Вайгерт что-то об этом знает?

- Сложно сказать. Во всяком случае, он еще ничего до сих пор не написал об этом. Я бы очень удивился, впрочем, если бы Мартен рассказал ему что-то важное. И в книге,

которую он написал о Вевельсбурге, тоже нет абсолютно ничего важного. Даже если Мартен действительно знает больше, пожалуй, он не заинтересован опубликовать это.

- У вас есть какие-то предложения, как мы должны поступить дальше?

Киплинг рассчитывал на этот вопрос.

- Теперь, я думаю, нам приходится иметь дело, прежде всего, с двумя явными проблемами: с этим журналистом и с Мартенем. Журналист мог бы оказаться неприятным, но, в конце концов, он - мелкая сошка. Что бы он ни узнал, он все равно никогда не сможет понять, в какую игру играют тут на самом деле. Но чтобы избежать возможных трудностей, главный редактор мог бы привести все снова в порядок. Как показал телефонный разговор с Веней, он тоже звено цепи, пусть даже и незначительное.

- А Мартен?

- Если мы хотим знать побольше о нем, нам следовало бы его, скажем так, опросить теперь.... Смотри по тому, что он ответит, мы посмотрим.

- Не лучше ли будет, если мы еще подождем? Вероятно, Мартен приведет нас к цели?

Киплинг энергично покачал своей массивной головой.

- Гаракин мертв, Фолькер мертв. Если все обстоит так, как я предполагаю, у нас больше нет времени. Мы должны предпринять что-то, Томас!

Бекетт встал и посмотрел на Киплинга снисходительно.

- Хорошо. Но я хотел бы, чтобы вы лично этим занялись.

- Все ясно. Уже сегодня я вылечу в Европу. Я вам доложу.

Вена, 25 ноября

Главный редактор «Листка» как раз взял свое пальто, когда услышал за собой голос, назвавший его имя. Он повернулся в поисках обратившегося.

- Мне жаль, что я не мог поприветствовать вас еще раньше. Как ваши дела, господин доктор?

Длинная, худая фигура подходила большими шагами к нему, чтобы остановиться, наконец, почти перед ним. Ганс-Йорг Шнайдер подал ему руку. Бергманн схватил ее.

- О, спасибо, не могу жаловаться.

Бергманн выдавил из себя улыбку. Это давалось ему с трудом. Так как всякий раз, когда он встречал Шнайдера, он чувствовал себя несколько неприятно. Он был могущественным человеком в стране, более сильным, чем его функция директора правления самого большого австрийского банка заставляла предполагать.

- Как дела у вашей прелестной супруги?

- Лучше чем мне, как кажется. Она уже как раз прожужжала мне все уши своими желаниями. Вы знаете, самая новая осенняя мода.

Шнайдер смеялся.

- Да, да, у меня то же самое. Какими похожими вещи, все же, иногда бывают.

Бергманн должен был поднимать голову, чтобы смотреть на угловатое лицо своего собеседника с ростом в два метра. Оба мужчины были превосходным олицетворением противоположностей. Высокий, стройный директор банка черпал свой авторитет из своего излучения. Можно было без проблем использовать его для рекламы его банка. Динамично и успешно, звучал бы, вероятно, рекламный лозунг. Он был мужчиной, которому кое-что доверяли, который умел вызывать лояльность, так как он воплощал компетенцию и взлет.

Бергманн, человек небольшого роста, напротив, обычно окапывался за его функцией. Наконец, он был главным редактором одной из самых серьезных газет страны. И он обычно выступал именно в таком образе. Если это не помогало, он был беспомощен. Здесь, в этом месте, это ничем не помогало. Так как у иерархий, действующих снаружи, не было силы в этих залах. Здесь действовала другая иерархия, та, которая соответствовала настоящей власти. Шнайдер стоял выше Бергманна, и Бергманн был, лишившись защитного щита своей профессиональной функции, смущен.

- Ваша газета в репортажах об убийстве Бернхарда Фолькера вела несколько нетрадиционную линию, если я могу так сказать.

Смущение Бергманна росло. В течение последних дней с ним уже несколько раз говорили об этом. И с каждым разом раздражение на Ганса Вайгерта увеличивалось. Главный редактор попробовал улыбнуться.

- Вы не первый, кто говорит это мне. Но так оно и есть, к сожалению: ошибки иногда случаются даже с самым лучшим журналистом.

Бергманн ненавидел, что ему приходилось защищать Вайгерта. Но то, что печаталось в «Листке», было также тесно связано с именем его главного редактора.

- Я понимаю. Но я, пожалуй, могу предположить, что для такой серьезной газеты как «Листок» это не совсем приятно. Все же, газета определенным образом несет и некоторые государственные функции, не так ли?

Бергманн переминался с ноги на ногу, как школьник, которого застукали при краже вишен.

- Я уже устроил головомойку Гансу Вайгерту, который занимался этим случаем. Я думаю, он понял, что совершил ошибку.

Мозг главного редактора занимался поисками возможностей, чтобы окончить неутешительную беседу. Но Шнайдер перечеркнул эти соображения и доверительно отвел его в сторону.

- Вот как раз об этом я и хотел побеседовать с вами. Я говорил с несколькими братьями в США, а также в Объединенных Нациях здесь в Вене. Они считали, что было бы, пожалуй, лучше оставить это дело. Такой человек как Вайгерт, и я передаю тут только мнение моих друзей, мог бы со своими выдумками причинить очень большой вред.

Теперь Бергманн знал, откуда дул ветер. Нет ничего проще этого. Вайгерт и так был для него занозой. И, наконец, друзья его собеседника, даже если он не знал их всех лично, были и его друзья тоже. Иногда как раз таким образом передавались просьбы ему, человеку из прессы. Ему никогда не приходило в голову отвергать их, даже если он не понимал их смысла. И в отдельных случаях он также уже извлекал пользу из связей. Действие и вознаграждение, в конце концов, на благо всех, не только непосредственных участников. Бергманн часто размышлял над этим, но все же не мог найти в этом ничего плохого. Речь шла о большем, благородном деле. Там пути спокойно могли оставаться в темноте.

- Я поговорю еще раз с Вайгертом и надеюсь, что смогу найти удовлетворительное решение.

Бергманн смущенно провел рукой у себя над головой. Он надеялся, что смог удовлетворить собеседника.

- Я благодарю вас, господин доктор. Все же, было бы жаль, если бы такой хороший журналист как господин Вайгерт из-за своего несолидного репортажа больше не был бы приемлемым работником для «Листка». Вы не находите?

Означало ли это, например, что он должен будет уволить Вайгерта, если тот продолжит раскапывать это дело? Бергманн немного запутался. В конце концов, он не хотел сделать ошибку, если речь шла о желаниях Шнайдера.

- В каком случае вы не будете больше считать такого человека как Вайгерт приемлемым, господин Шнайдер?

- Трудный вопрос. Я ничего не понимаю в газетном деле и совсем не хочу вмешиваться в ваши дела, само собой разумеется. Но я мог бы представить, если определенные аспекты покушения на Фолькера будут подогревать снова и снова...

- Вы имеете в виду это дело со знаком, который у Фолькера, по меньшей мере, по словам Вайгерта, выжгли на лбу?

- Да, я имел в виду именно это.

- Я понимаю. Все же, я могу заверить вас, это не произойдет. Вайгерт здесь явно вышел за грань допустимого для «Листка». Как я уже говорил: я разъяснил ему, что мы не можем позволять себе такие бульварные статейки.

- Я рад видеть, что такая значительная газета для страны как «Листок» находится в таких хороших и ответственных руках как ваши.

Бергманн выпрямился. Улыбка далась ему немного легче, чем раньше.

Шнайдер подал руку главному редактору.

- До свидания, господин доктор. Было приятно поболтать с вами. Передайте мой самый большой привет вашей супруге.

- Спасибо, взаимно. До свидания.

Есть определенные желания, которым нельзя отказать, Бергманн знал об этом. А что касалось этого Вайгерта, то если он был целью этих желаний, ему, Бергманну, ни в малейшей степени не мешало. Существуют, в конце концов, пределы, и в журналистике, и в особенности для «Листка». Бергманн надел пальто и вышел через ворота на Рауэнштайнгассе.

Вевельсбург, 26 ноября

Цифровые часы машины указывали 19. 33. Ночь уже накинула на пейзаж свое темное покрывало. Только фары въедались в тьму своими яркими лучами и заставляли мокрую от дождя дорогу блестеть. Вайгерт включил обогреватель, потому что довольно сильно похолодало.

Новостей в расследовании покушения на Фолькера не было. Следовательно, репортажи об этом тоже «уснули» и соскользнули с первой страницы «Листка» назад, значительно сократившись в объеме. Да и не было ничего такого, о чем стоило бы писать. «Следствие продолжается», сообщала полиция, что значило всего лишь: «У нас нет следа».

Важным было только то, что назначили преемника убитого президента Еврофеда. Но об этом писал коллега Вайгерта из экономического отдела. Главный редактор поручил ему это.

Вайгерт использовал спокойствие, наступившее в этом деле, чтобы взять себе неделю отпуска. За это время он хотел вовсе не отдыхать, а расследовать дальше, на свой страх и риск. Он был возбужден, так как теперь речь больше не шла только о статье, а о его добром имени. И он хотел его восстановить. Проблема при этом была в том, что он никому ничего не рассказал о своих намерениях. Что-то подобное он уже делал, но тогда, конечно, без подталкивающей необходимости очистить свою репутацию от приписанных ему ошибок.

Несколько лет назад он умудрился, как единственный европейский журналист, проникнуть в потрясенный гражданской войной Китай. Все в «Листке» думали, что он загорает на греческом пляже. Они были порядком удивлены, когда он позвонил им по спутниковому телефону из Пекина. Тогда он возвратился почти как герой. Главный редактор перед собранной командой высказал ему похвалу и признание. Другие газеты переписывали его статьи или цитировали. Еще не-задолго до начала его мнимого отпуска Бергманн объяснил ему, что они никого не могут послать в Китай, это слишком опасно. Вновь он и его самый главный шеф вступили в спор. Но после возвращения Вайгерта все внезапно снова стало тщеславным наслаждением.

Вайгерту это очень понравилось. На несколько дней он стал знаменитым человеком. Он был в центре интереса, почти так, как если бы он сам участвовал в событиях. Он на короткий момент почувствовал пульс всемирной истории, который в течение тех дней и недель в Пекине бился быстрее, чем в иное время. Это стоило того.

Однако если он рассматривал это правдиво, и он как раз и делал это теперь, из него так пока еще не вышло действительно первоклассного журналиста. Сейчас ему было 35 и он принадлежал все еще к второстепенным людям в его ремесле. Он сознавал это. Но это зависело от него самого, в этом не было сомнения.

С одной стороны, он радовался, что у него была эта работа. Ему, конечно, это нравилось больше, чем влачить существование где-то на среднем уровне менеджмента какого-то предприятия. К счастью, он умудрился сразу после учебы еще своевременно ускользнуть от такой судьбы.

Все же, с другой стороны, он чувствовал, что его сегодняшняя профессия - и если он думал об этом точнее, также и его жизнь, становится все более скучной. Просто ничего не происходило. Перспектива до пенсии клепать свои статьи, за это время, вероятно, жениться и завести детей, и истратить все оставшееся время на то, чтобы потреть, имея сносную зарплату, заставляла его порой содрогаться.

Часто он говорил об этом с его другом Филлигером. И так же часто они снова расходились, не продвинувшись вперед ни на шаг. Пока Филлигер, наконец, не выбросил все, чтобы жить своей жизнью, как он это назвал. Вчера он позвонил ему, чтобы попрощаться. Сегодня Филлигер был, пожалуй, уже в Норвегии на пути к его избе. Беседа не была очень длинной и скорее была судорожно сжатой. Они вспомнили свои

старые маленькие шутки, чтобы, наконец, пообещать друг другу, что они увидятся вновь будущей весной с огромным количеством пива.

Вайгерт как раз не очень хорошо себя чувствовал, когда положил трубку. Самый близкий друг, вероятно, единственный, который действительно понимал его, уехал. Но дело было не только в этом.

Вайгерт чувствовал, что у него не вышло. Филлигер дал жизнь своей мечте, сделал шаг, на который у Вайгерта до сих пор не хватало мужества. Если бы он только знал, все же, где оставалась его мечта. Он тянул к ней руки, но они снова и снова хватали пустоту.

Еще примерно 80 километров до Вевельсбурга, прикинул он. Через час он будет там, чтобы еще раз задать Тьеру Мартену несколько вопросов. Это был единственный след, который у него был. И на этот раз он его не упустил бы.

Дождь становился все сильнее и образовывал теперь большие лужи на проезжей части. Вайгерт сбросил скорость. Как раз было восемь часов вечера. По привычке он сделал радио громче. Как у каждого журналиста у него тоже вошло в привычку регулярно слушать или смотреть новости. Там редко было что-то важное, но все же их не хотели пропускать. Это как страсть, которую профессия влекла за собой наряду с повышенным потреблением никотина и кофе. Вайгерт достаточно часто проклинал ее. До этой даты.

Из радио послышался гонг часов. Потом голос диктора.

- Время двадцать часов. Передаем международные новости. Нью-Йорк. В Нью-Йорке примерно час назад на открытой улице был застрелен Джон Аллен Гринспэн, член Совета Безопасности ООН. Преступникам, вероятно, двум мужчинам, удалось ускользнуть неопознанными. Немедленно предпринятое большое преследование до сих пор не принесло результата. Нет никаких указаний на мотив преступления. Очевидцы сообщили, что преступники вытатуировали на лбу Гринспэна что-то вроде клейма, прежде чем убежали. В следующий час мы прервем нашу программу для подробного репортажа нашего корреспондента из Нью-Йорка. Брюссель. Министр иностранных дел Европейского сообщества...

Вайгерта бросало то в жар, то в холод. Вот оно! Это была его реабилитация! Если это был тот же самый знак как у президента Еврофеда - а Вайгерт ни секунды не сомневался в этом - тогда его снова придется принимать всерьез! Гринспэн был застрелен перед свидетелями на открытой улице. На этот раз ни-кто больше не смог бы ничего скрыть!

Внезапно его мысли остановились. Чем этот проклятый замок, к которому он ехал, был тогда связан с этим делом? Министр внутренних дел утверждал, что в деле Фолькера якобы было подлинное письмо Исламского народного фронта, взявшего на себя

ответственность за покушение. То, что не имело большого смысла у президента Еврофреда, очень хорошо подходило к убийству Гринспэна. До сих пор его не раз уже давно атаковали исламские фундаменталисты, пусть даже только словами. Наконец, Совет Безопасности ООН за последнее время не совсем любезно обращался с мусульманами. Представители в Совете уже не-сколько лет больше не делегировались их государствами, перед которыми у них до тех пор были обязанности, а выбирались населением в отдельных регионах мира. Арабы могли выбирать только одного представителя, в то время как США, к примеру, ставили четырех членов. Эти мужчины и женщины из-за быстрого повышения роли ООН и расширения ее заданий с девяностых годов принадлежали к самым могущественным людям мира. И Гринспэн, американец, стал рупором против быстрого распространения ислама.

Триумфальное чувство Вайгерта несколько ослабло. Пусть ему теперь поверят, что в случае с убийством Фолькера у него не было галлюцинаций. Но след Вевельсбурга, кажется, уходил в песок. С Исламским народным фронтом, все же, это тоже могло быть связано. При условии, конечно, что речь идет о тех же преступниках, что убили Фолькера, и о таком же знаке.

Некоторое время Вайгерт подумывал повернуть назад. Зачем ему теперь нужны Мартен и замок? Пусть он сохраняет эти его позавчерашние истории об СС для себя. Но, в конечном счете, он специально для этого прилетел во Франкфурт и арендовал там машину. Если он уже доехал сюда, то почему бы не воспользоваться, по крайней мере, возможностью и не задать, всё же, несколько вопросов. Поездка была бы напрасной, но все же, не совсем зря. Да и, наконец, он уже оплатил билет и машину из собственного кошелька.

Вайгерт осторожно припарковал машину. До дома Мартена было метров сто. Теперь дождь лил потоками, а у него не было с собой зонтика. Но ближе к дому поставить машину было просто негде.

Двадцать минут назад они провели по радио особую передачу. Но и в ней не было ничего нового. Несколько заявлений политиков, которые те по обыкновению в озадаченности делали после таких событий, а также описание места происшествия и течения событий, если известно. На оживленной улице два чело-века якобы подошли к Гринспэну и его телохранителю и сразу выстрелили. Также на этот раз использовался, вероятно, глушитель, как сообщалось. Упоминались также очевидцы, которые видели, что оба преступника в одну секунду нанесли какую то татуировку на труп Гринспэна, точнее, на его лоб. Нанесли татуировку, таким образом, по меньшей мере, они выразились.

Вайгерт прервал бы свой отпуск и просмотрел бы все сообщения информационных агентств о покушении завтра в редакции. Потом он позвонил бы корреспондентке «Листка» в Нью-Йорке. Она, конечно, уже полным ходом занималась этой историей. От этого он ожидал большего. Наконец, он высказал бы Бергманну, этому невежде, открыто все, что о нем думает. И еще тут была политика сокрытия со стороны

австрийских властей, которую нужно разоблачить и атаковать. Масса работы ждала его.

Но пока речь шла сначала о Мартене и Вевельсбурге, хотя интерес Вайгерта к этому вопросу за прошедший час существенно упал.

Вайгерт закрыл дверь машины и побежал под дождем к входу в дом Мартена. Под маленьким навесом он нашел защиту от ливня. Он нажал пальцем на кнопку звонка. Секунды проходили, но, никто не открывал. Вайгерт позвонил во второй раз. Так как он не позвонил заранее, он считался с тем, что Мартен мог не быть дома. На этот случай он решил снять себе комнату в маленьком пансионе, который он обнаружил при его последнем посещении прямо рядом с зам-ком. Завтра ему тогда, конечно, повезло бы больше.

Глаза Вайгерта блуждали по фасаду дома. Он увидел, что в комнате горел свет. Насколько он мог вспомнить, это была кухня. И так, все же. Он позвонил в третий раз. Снова ничего. Вероятно, Мартен и его жена сидели перед телевизором. Так как оба достигли уже изрядного возраста, они, вероятно, не слышали его звонка.

Вайгерт решил обойти дом и попробовать с задней двери, через которую Мартен и он выходили на прогулку к замку во время его первого посещения.

Он быстро обошел темный сад. Скучный свет уличных фонарей не достигал сюда. Ветер стегал дождевыми каплями по лицу, они оставляли на нем мокрые следы. Вайгерт подумал о великолепном крепком кофе, которым его угощали здесь несколько дней назад. Эта мысль заставляла его лучше переносить дождь и холод.

Теперь он добрался до задней двери. Он поднял руку, чтобы постучать. Еще до того, как его кулак первый раз ударил по дереву, дверь внезапно раскрылась.

- Что...!?

Дальше он не прошел. Все случилось дьявольски быстро. Какая-то фигура хотела выбежать из двери, но со всей силой столкнулась с Вайгертом. Его отбросило, он споткнулся и упал. Другой человек появился из двери. Этот другой качнулся, но все же стоял. Лицо! Вайгерт узнал его. Это был мужчина, с которым говорил Мартен, в то время как Вайгерт осматривал Валгаллу.

Инстинктивно Вайгерт откатился в сторону, чтобы ускользнуть от нападения. Все же, когда он хотел подняться из вращательного движения, его сильно ударили ногой в спину и снова бросили на землю. Вайгерт когда-то хорошо изучал приемы рукопашного боя. Филлигер и он в течение некоторого времени каждую неделю три раза с железной дисциплиной занимались карате. Но с того времени прошло уже несколько лет. Вайгерт закричал.

Когда он с помутненным сознанием посмотрел с земли вверх, он увидел, как в десяти метрах от него две фигуры быстро перелезли через садовую изгородь и исчезли в темноте. Ну, вперед! Но, на приказ, который дал мозг Вайгерта, его тело ответило сильной болью в районе почек. Медленно, бесконечно медленно, Вайгерт поднялся. Он глотал воздух. Все, что он еще слышал, были становящиеся тише шаги, которые быстро удалялись и сливались с шумом дождя. Он шатался, держась за изгородь, но когда он попытался ее перелезть, то почувствовал острую боль в боку. Он решил воздержаться от этого.

Только сейчас наступил шок внезапного нападения. Страх медленно полз вверх из живота в сознание Вайгерта. Его ноги начали дрожать. Он хотел сесть, но его взгляд упал на открытую заднюю дверь. Мартен! Был ли там внутри француз? Или взломщики осознанно выбрали для своего нападения время, когда он отсутствовал?

Он проковылял через дверь, закрыл ее за собой и задвинул засов. Короткий отдых, поиск кнопки выключателя. Вот он. Когда зажегся свет, первое, что увидел Вайгерт, был неопиcуемый хаос. В коридоре кто-то опрокинул комод. Ящики были вырваны, содержимое их лежало дико разбросанным на полу. Толка рядом с ним хотя еще стояла на своем месте, но обе вазы, которые стояли на ней, лежали теперь разбитыми перед ней. Но где же Мартен?

Острая боль в почках заставила Вайгерта вздрогнуть. Он прижал руку к боку и подавил стон. Там! В жилую комнату!

Когда Вайгерт проплелся через дверь, он испуганно отшатнулся. Мадам Мартен висела на тонком канате, который обвили через одну из деревянных потолочных балок. Между ее ногами и полом было примерно полметра. Ее лицо налилось синим, глазные яблоки вылезли из глазниц.

Вайгерт как парализованный оцепенело смотрел на труп. Вот свиньи! Но что это? Что-то высовывалось из карманов ее домашнего платья справа и слева. Выглядело как кирпичи. Ноги связаны особенной манерой, так что они образовывали прямой угол. Зато на руках не было ни оков, ни веревок.

Сам Мартен неподвижно лежал посреди комнаты. Рубашка лоскутами свисала с тела, так что грудь была обнажена. Они жестоко отделали его. Лицо было похоже на трудно определяемую массу из мяса и крови. Длинные порезы, из которых все еще пробивалась кровь, тянулись по его груди.

Вот дерьмо, нет! Вайгерт был прямо на грани паники. Крайним усилием воли он принудил себя к спокойствию. Он потащился к повешенной. Его рука наощупь искала в кармане брюк перочинный нож, который он всегда носил с собой. Он вытащил его. Дрожащими пальцами он открыл лезвие и перерезал канат. Он перехватил тело и дал ему соскользнуть к земле. Палец к шее. Уже никакого пульса. Она была мертва.

Теперь француз. Когда Вайгерт нагнулся к нему, он увидел, что Мартен раскрыл глаза, или скорее то, что еще от них осталось.

- Что... Что произошло?

Вайгерт заикался, он уже почти не мог контролировать себя. Он попытался осторожно положить голову мужчины на подушку.

Мартену было ощутимо тяжело говорить. Снова и снова он выплевывал кровь.

- Они... они ничего не нашли...

Вайгерту пришлось подносить ухо очень близко ко рту Мартена, чтобы понимать его.

- Что они не нашли?

- Возьмите это...

Сердце Вайгерта готово было выпрыгнуть их груди, мозг не был способен понимать ясную мысль.

- Но что? Что я должен взять?

- Там... вон там...

Мартен сделал слабое движение рукой в направлении угла комнаты. Все, что там мог увидеть Вайгерт, было значительной коллекцией зеленых растений, стоявших в больших горшках.

- В дереве там... Возьмите это.... Пожалуйста!

- Только спокойно. Сначала я вызову машину скорой помощи. У вас есть какие то бинты в доме!?

Голос Вайгерта почти срывался от паники.

- Нет... нет! Глаза Мартена смотрели умоляюще. Он снова закашлялся. Кровь пробивалась из его рта.

- Возьмите что-то... чтобы написать, пожалуйста!

Руки Вайгерта скользнули в карманы его пальто. Он вытащил блокнот и шариковую ручку. Дрожь его рук стала сильнее. Надо надеяться, он смог бы писать. Мартен хотел сообщить ему что-то важное, теперь он понял это.

- Карл Штайнер... он... в... Тибете... Спросите... о Штайнере...

Мартен делал паузу. Потом он заговорил дальше, все более слабым голосом.

- В монастыре... Ташилунпо...

С трудом француз произносил имя по буквам. Все дольше были паузы, которые он должен был делать. Вайгерту никогда еще не приходилось присутствовать так непосредственно при агонии человека. Все же, он предвидел, чем это закончится для Мартена.

- Идите... идите к Штайнеру... Француз смотрел на него и пытался сделать что-то вроде улыбки.

- Желаю... удачи...

Еще раз Мартен хотел что-то сказать, но ему это уже не удалось. Его глаза застыли.

Вайгерт опустил блокнот. Как в трансе он огляделся в комнате. Его глаза искали телефон. Затем взгляд снова упал на зеленые растения в углу. Вайгерт вскочил. Беспokoйными движениями он исследовал маленькое дерево, на которое указал Мартен. Ничего. До тошноты нормальное дерево в до тошноты нормальном горшке, думал Вайгерт. Он знал, что ему не понадобится звать врача. Мартен и его жена были мертвы. Там, телефон!

Когда Вайгерт хотел поставить горшок с растением на его полку, он уже повернулся в направлении аппарата. Он был настолько взволнован, что поставил дерево неправильно. Оно упало с полки на твердый паркетный пол. Горшок разбился, земля рассыпалась в стороны. Вайгерт повернул голову, испугавшись звона разбившегося горшка.

Тут он и увидел то, на что Мартен хотел обратить его внимание: между корнями дерева сверкало что-то серебристое. Вайгерт покопался в земле, и это что-то оказалось двумя лазерными дисками, которые уже давно заменили для использования в компьютерах старые добрые жесткие диски.

Вот что это было! Но что же было на них? Должно было быть что-то важное, раз из-за них убили двух человек. Он знал, что теперь он должен вызвать полицию и скорую помощь. Но если полицейские обнаружат компакт диски, он, скорее всего, никогда не узнает, что находится на них. Связано ли это как-то с замком Вевельсбург? Или это было бы даже важным для его статьи?

Он решил сохранить оба серебристых диска и ничего не рассказывать о них полиции. Он и без того больше не мог помочь Мартену и его жене. Если на носителях данных будет что-то, что не имело бы значения для него, но могло бы помочь расследованию убийства, он мог бы анонимно отправить их полицейским, ведущим следствие. Но если на компакт-дисках было что-то важное, то он тогда существенно опередил своих коллег. В общем, он мог так думать вопреки ужасному виду, который в высшей степени взволновал его. Иногда журналистика буквально шагала по трупам. Но с

другой стороны, даже если он бы передал полиции диски, от этого никто бы уже не ожил.

Вайгерт теперь снова почувствовал боль. Он схватился за телефон и набрал телефонный номер экстренного вызова полиции. Все его тело дрожало

Вена, 27 ноября

- **З**а кого вы себя собственно принимаете!

Бергманн рычал уже все время, теперь его голос срывался.

- Вы без всякого поручения ведете журналистское расследование истории, где вы и без того уже наворотили достаточно дел!

Главный редактор вскочил, и его маленькое тело засеменило из-за письменного стола. Он встал прямо перед Вайгертом, чтобы еще больше подчеркнуть действие своей громкой атаки.

- Я уже объяснил вам, что после ваших последних провалов требуется особенная осмотрительность! И что же вы делаете!? Вы просто едете во время вашего отпуска еще раз в этот странный замок... естественно! И впутываетесь там, кроме того, в двойное убийство!

Лицо Вайгерта лицо от лица его шефа отделяло сейчас всего несколько сантиметров. На этот раз, так Вайгерт поклялся сам себе, он больше не сдастся так же дешево как в последний раз. Он использовал паузу, которую сделал Бергманн, чтобы отдышаться.

- Вы знаете сами так же хорошо, как я, что вчера, в то время как я находился на дороге к этому странному замку, как вы обычно его называете, был убит Джон Гринспэн! И вы также знаете, что у него на лбу выжгли тот же знак, что и у Фолькера. И....

Вайгерт не продвинулся дальше. Бергманн несколько раз глубоко вдохнул воздух и снова начал кричать. При этом он упирался руками в бедра. Все его тело вибрировало.

- К чертям все это, Вайгерт! Что касается Фолькера, то вы единственный человек, который утверждает это. Даже если это правда, во что я ни в коем случае не поверю, мы все равно должны принять к сведению, что могут быть несколько сумасшедших, которые имитируют что-то в этом роде! Что связывало Гринспэна с Фолькером? Оба они не были знакомы, они принадлежали к разным политическим лагерям. Также их функции были совсем разными. Вы видите призраков!

Вайгерт, который с огромным удовольствием зарычал бы со своей стороны в паузе, насторожился. Ему было ясно, что он не мог представить своему главному редактору убедительное объяснение связи между обоими убийствами, кроме как раз этого знака.

И для этого у него все еще не было, по меньшей мере, в деле Фолькера доказательств. Он мог только надеяться, что австрийские власти всё же признают это хоть в какой-то мере, ввиду покушения на Гринспэна. Но должна была быть связь. Вайгерт был твердо убежден в этом.

- Вас сюда не для удовольствия приняли! Даже если это не устраивает вас: вы должны руководствоваться тем, что хорошо для «Листка».

Теперь Бергманн маршировал туда и сюда. Он немного уменьшил свою громкость.

- Вайгерт, вы впутаны в убийство. Два человека были убиты самым зверским способом. И вы, редактор этой газеты, висите в самой середине! Вы уже достаточно смешали с грязью наше реноме вашими репортажами об убийстве Фолькера! Теперь достаточно!

Вайгерт предвидел, что Бергманн давно принял свое решение. «Беседа», на которую он пригласил Вайгерта, служил ему, пожалуй, только больше для спуска пара. Следует ли ему теперь выбросить перед редактором свой последний козырь? Должен ли он сообщить главному редактору о своей находке у Мартена?

Полицейским, которые допросили Вайгерта, он ничего об этом не рассказал. Сегодня утром – он почти не спал – он поместил оба диска в свой компьютер. Результат не совсем его порадовал. Он смог установить, что на каждом из обоих носителей находился файл, но он не смог прочитать их. Ни одна из его про-грамм не могла обрабатывать эти файлы. Эта штука сопротивлялась всем попыткам. И потому он понятия не имел, что было на дисках, и не знал, сможет ли он вообще как то прочитать их содержание.

Естественно, он и Бергманн могли привлечь какого-то специалиста, но кто знал, содержали ли оба диска действительно что-то важное? Вайгерт не мог пойти на такой риск, для этого он слишком сильно рассорился с Бергманном.

В голове у Вайгерта пронеслась мысль, что была еще одна причина. Если он расскажет своему шефу о существовании двух дисков, то он признает, что утаил доказательства в деле об убийстве. Бергманн бросил бы его как горячую картошку.

Главный редактор недоверчиво осматривал своего подчиненного. О чем этот Вайгерт, пожалуй, думал? Возбуждение Бергманна было настоящим, речь, в конечном счете, шла об его, – его – газете. Но он также знал, что дело было гораздо важнее, чем только это. Шнайдер позвонил ему пару часов назад. Он первым сообщил ему об убийстве Мартена и его жены. Его редактор, сказал он Бергманну, впутан в это. Его редактор: это подразумевало, что Бергманн тоже был впутан в это. И это значило, что банкир, который внушал такое большое уважение главному редактору «Листка», был им доволен.

Бергманн не был конфликтным человеком, по крайней мере, не тогда, когда это был конфликт с равными ему, или тем более, с вышестоящими. Он хотел быть признанным и потому вместо этого он ставил на дружескую готовность помочь.

Должно было быть важно, если Шнайдер просил его кое о чем. И тут должно было стоять на карте что-то, что было в их общем интересе. Однако то, что его, доктора Карл Бергманна, главного редактора «Листка» не посвятили в точную причину интереса к Вайгерту, рассердило его. Шнайдер, во всяком случае, не ответил на его вопросы.

И тогда Бергманн схватился за телефон, чтобы позвонить в ответственную полицейскую службу в Германии. Она и без того как раз составила первое сообщение для средств массовой информации. Полицейский зачитал ему содержание сообщения. Когда он дошел до места, где описывалось, в каком состоянии были найдены трупы, Бергманн был на шаг дальше. Два кирпича в карманах, ноги связаны под прямым углом. Бергманн умел объяснить определенные знаки. Поэтому он также знал, что его редактор никак не был связан с убийствами.

Вот засранец, думал Вайгерт. Если он хочет иметь хорошие статьи в его газете, то он не может так просто оставлять своих редакторов на произвол судьбы, если у них проблемы! Но, собственно, ничего другого не следовало и ожидать. Вайгерт уже дважды наблюдал такое же поведение Бергманна у других коллег. Он был просто слишком слаб, чтобы действительно выносить конфликты, которые могли нанести ущерб его сущности.

Вайгерт злился, но еще хуже - он боялся. Не только из-за выводов, которые мог бы сделать Бергманн. А, прежде всего, из-за обоих мертвецов, которых он видел вчера в Вевельсбурге. Конечно, полиция допросила бы его еще раз. Но он ничего не сделал. Зато те, вероятно, сделали бы ему кое-что. Вспоминая картину обливающегося кровью тела Тьера Мартена и его безжизненно висящей с потолка жены, он сознавал эту вероятность. Его разум говорил ему, что это было в высшей степени невероятно. Но его страх оставался.

Вайгерта оторвали от его мыслей.

- Мы должны спасти то, что еще можно спасти!

Бергманн как раз снова драматизировал.

- Я должен сохранить газету от того, чтобы она еще глубже соскользнет вниз во все это. Для этого нет никакой другой возможности, кроме как временно отстранить вас от должности.

Вайгерт уставился на Бергманна. Отстранить от должности: каждая отдельная буква этих слов въедалась в его мысли. Речь шла об его работе.

Бергманн ответил Вайгерта на взгляд. Теперь он был изгнан. Через несколько минут он позвонил бы Шнайдеру, чтобы сообщить ему, что он выполнил его желание.

Вайгерт чувствовал себя пустым и выжженным. Снова он не защищался по настоящему, не боролся, как он собирался. У него также были дьявольски плохие карты. У главного редактора карты однозначно были лучше. Вайгерт безмолвно повернулся и громко захлопнул дверь кабинета за собой. Бергманн схватился за телефон.

В коридоре Вайгерт встретил начальника своего отдела.

- Ну, господин Вайгерт, что там случилось у шефа?

Лицо Вернера Хилльгрубера сделалось серьезным. Он пытался заботиться обо всем, что касалось людей в его отделе. Кроме того, он любил Вайгерта.

- Он отстранил меня от должности.

- Что!? Этого же не может быть!

Хилльгрубер редко говорил громко. Если это случилось, все же, однажды, то для этого был серьезный повод. Он посмотрел на часы, потом на Вайгерта. - Пойдем, поедим что-то.

Вайгерт вяло ковырял вилкой в своей картошке-фри, которая лежала рядом с венским шницелем на тарелке. Он еще не тронул кружку с пивом, которая стояла перед ним. Он рассказывал Хилльгруберу подробности вчерашнего дня. При этом ему казалось, что все это только дурной сон. Когда-нибудь он проснется, и все пройдет.

- Выше голову! Мы справимся с этим делом.

Хилльгрубер излучал оптимизм, который Вайгерт не мог разделить.

- Мы должны подходить систематически.

Глава отдела отхлебнул от своего яблочного сока.

- Итак, у нас есть убийство Бернхарда Фолькера, шефа Еврофеда. У нас есть второе убийство Джона Гринспэна, члена Совета Безопасности ООН. Вы, вообще, слушаете меня?

Вайгерт поднял взгляд от своей тарелки.

- Да, да.

- Послушайте, господин Вайгерт. Я верю вам, что вы видели у Фолькера. Вы не тот тип, который склоняется к тому, что выдумывает такие вещи или выдает не подтвержденные слухи за собственные наблюдения. Для этого вы уже слишком долго работа-

ете в моем отделе. Вместе с тем у нас есть общность обоих покушений: знак, который сделали обоим, как бы то ни было, на лбу. Прервите меня, если я кое-что упусти.

- Хорошо.

- У Фолькера мы не можем доказать это, так как власти умалчивают об этой детали, как кажется. Для этого могут быть совершенно совершенно обычные причины, например, что они хотят идти по следу и не слишком много об этом шуметь. Вы, господин Вайгерт, наконец, обнаружили этот знак, который не использовался до сих пор ни одной экстремистской группой или террористической организацией, в книге и посетили ее автора. Но он смог рассказать вам немного больше, чем то, что как раз этот знак вделан в пол зала в замке, который должен был стать мировоззренческим центром СС много десятилетий назад. Правильно?

- Да.

- Он на самом деле не сказал вам больше ничего, что могло бы, наверное, помочь нам?

Вайгерт немного подумал.

- Нет, ничего. Только историю.

- Хорошо. Проблема в том, что у нас есть письмо сторонников Исламского народного фронта, где они берут на себя убийство Фолькера, и это письмо яко-бы должно быть подлинным. Но это никак не сходится с вашим замком.

- Зачем тогда убили Мартена и его жену?

- Хороший вопрос. И как раз это позволяет мне предположить, что в этом следе, вероятно, все же, что-то есть. Наконец...

- Стойте! Есть еще кое-что. Я же рассказывал вам о мужчине, который ударил меня. Я уже видел этого человека. А именно при моем первом посещении Мартена. Француз немного говорил с ним, пока меня рядом не было. Когда я подошел, оба попрощались. Мартен сказал мне, что это был просто турист, который хотел осмотреть замок.

- Вы сказали об этом полиции?

- Да, конечно.

- Могли ли бы вы также описать этого мужчину?

- Так себе. В первый раз я не особо обратил на него внимание. Во второй раз было темно и он сразу меня ударил. Потом у меня были другие заботы.

- Похоже, с этим Мартеном действительно что-то было не просто так. Но вы, во всяком случае, его нашли только лишь мертвым?

Теперь пришел момент, когда он должен был решиться. Он еще никому не рассказал о том, что француз смог ему еще сказать, и полиции тоже нет. Он умолчал также об обнаружении обоих дисков. Должен ли он теперь посвятить в эту тайну Хилльгрубера? Но Хилльгрубер был только служащим «Листка». Даже если он не любил Бергманна, то он, все же, был вынужден по своей должности сказать шефу правду, если бы тот спросил его. Если он втянет теперь Хилльгрубера, расскажет ему больше, чем он рассказал даже полиции, тогда... Нет, он должен был продвигаться вперед в одиночку.

- Да, Мартен и его жена были уже мертвы. Необычным было только с его женой.

- Почему?

- Ее повесили.

- Вы уже это мне рассказывали.

- Ну, но это кажется мне довольно сложным. Они просто могли бы застрелить ее. И тогда там было еще несколько странных вещей.

- Что же?

Хилльгрубер отодвинул пустую тарелку. Официант убрал тарелки и принес десерт.

- Два кирпича высовывались из карманов ее платья. Я едва ли поверю, что старая женщина просто носила их с собой таким образом. И ей очень необычно связали ноги, так что они образовывали прямой угол.

Хилльгрубер смотрел несколько растерянно.

- Но вы не обнаружили ничего, что было бы похоже на знаки у Фолькера или Гринспэна?

- Нет, ничего.

- Как бы то ни было. Теперь мы должны подождать, что произойдет дальше в деле Гринспэна. Если и там вдруг всплывет письмо с признанием от сторонников Исламского народного фронта, тогда может быть в этом следе что-то и есть. Но тогда вопрос - а где тут связь с этим французом. Вероятно, что-то имело отношение к арабам. Ну...

Вайгерт обрабатывал свой ванильный пудинг. Красный малиновый соус, растекавшийся по нему, напомнил Вайгерту об разодранном теле Тьера Мартена. С отвращением он отодвинул тарелку от себя.

- Не отрицайте пока еще седые волосы заранее, господин Вайгерт. Вы не первый, кого временно отстраняли в этой газете. Когда Бергманн успокоится, то я найду уже возможность все снова уладить.

У Хилльгрубера было даже что-то от наседки, когда нужно было взять под защиту «его» людей. Он никогда не говорил много об этом. Но почти каждый в его отделе уже испытал это, когда проблемы внезапно были устранены.

Однажды Хилльгрубер спросил Вайгерта, доволен ли тот своей зарплатой. Что он должен был ответить? Тогда он только начал работать в «Листке», а зарплаты для новичков всегда бывают низкими. Так что, нет. Хилльгрубер больше не возвращался к теме. Но когда Вайгерт держал в руке свою следующую ведомость по зарплате, то увидел, что шеф отдела смог убедить главного редактора, что одному из его людей платят недостаточно. Повышение оказалось действительно значительным. На Хилльгрубера можно было положиться, об этом Вайгерт знал и из многих других случаев.

И Хилльгрубер невысоко ценил Бергманна и не любил его. Он считал его просто неспособным.

- Бергманн вновь сильно ошибается в своих оценках. Но мы все это уже испытывали на себе. Фолькер и Гринспэн, и тот и другой, это выдающиеся личности международной политики. И тот и другой, это люди, которых не убивают просто так. Для этого нужна сильная и эффективная организация. Я держу пари на месячный заработок за то, что тут есть параллель.

Убийства там, параллели тут. Вайгерта отстранили от работы. Это было в данный момент основной проблемой.

- Ну и что мне теперь делать?

Вайгерт почти в поисках помощи смотрел на Хилльгрубера.

- Сначала ничего. Едьте домой и насладитесь несколькими свободными днями, пусть даже если они достались вам при несчастных обстоятельствах. Если вы захотите уехать, то обязательно оставьте мне номер, по которому я смогу поймать вас.

- Хорошо. Но... вы думаете, что Бергманн хочет меня совсем уволить?

- Может быть, что он попробует. Но тогда еще и другим придется принять участи в разговоре.

В уме Хилльгрубер уже сконструировал союз, который он намеревался создать. В нем были бы заместитель главного редактора, с которым Хилльгрубер прекрасно находил общий язык, еще женщина, возглавлявшая отдел культуры, и не в последнюю очередь секретарша Бергманна. Интерес к ней был, пожалуй, единственным, что связывало его и Бергманна. Следовало подготовить поражение Бергманна. Естественно, он заботился

бы также о «его» редакторе, так как завоевав его лояльность, это могло бы позже ему пригодиться. Наконец, Хилльгрубер не хотел оставаться вечно шефом отдела. Кожаное кресло Бергманна нравилось ему. С другой стороны, если бы Хилльгрубер не был убежден, что Вайгерт прав, то он и не подумал бы об этом.

- Давайте подождем, не появится ли в течение следующих дней также и в деле о покушении на Гринспэна письмо от Исламского народного фронта. Если да, Бергманн должен будет согласиться, что вы взяли правильный след. А что касается убийств в Вевельсбурге, не волнуйтесь об этом. В конце концов, не вы же их убили, не так ли?

Хилльгрубер улыбнулся. Вайгерт медленно покачал головой. Его мысли бежали вдоль и поперек. Он думал об Исламском народном фронте. Не заблуждается ли на этот раз и Хилльгрубер? Все-таки, он был так любезен, что расплатился за обед за двоих.

Когда оба простились, Вайгерт пошел к своей машине. Уже издалека он увидел листок под дворником. Ко всему прочему, еще и штраф за неправильную парковку. Бывают дни, когда не можешь увернуться от плохого. Дойдя до машины, он схватил листок.

Это была вовсе не квитанция на штраф. Скорее листовка. Вайгерт начал читать. Это было стихотворение, отпечатанное на компьютерной бумаге, без указания, от кого оно происходило. В то время как он пробежал по строчкам, в его мыслях возникла картина подвала в Вевельсбурге. Чувство незначительности, которое он ощущал тогда, снова воцарилось в нем. Сбитый с толку, он продолжал читать.

«Если проснется конец этого творения,

если последние дни окончательности приблизятся,

И из глубины вытеснения,

устремятся через закрытые расщелины и трещины

боли отчаяния

с горьким дымом уверенности

быть только частью того,

что в течении всемогущества

отдает свою брэнность.

Так просыпается конец этого творения,

это приближается предназначение последней фазы.

Окруженные срадом слез

умирают посредственность и незначительность.

Переживают разум и чувство слепую скорбь,

которая в крови знака задыхается дико.

И с солнцем просыпается в утре,

окруженным сияющим блеском,

очаровательной красоте всей вечности подобным,

победы торжествующая улыбка».

- У меня такое впечатление, что вы не держите под контролем это дело, Джо.

Томас Бекетт был возбужден и на этот раз даже не пытался скрывать свою досаду. Потееющее лицо Киплинга заполнило собой почти весь экран видеотелефона.

- Что значит «я»? Это были люди из секретной службы ООН. Никто не мог рассчитывать на то, что они ведут себя так дилетантски и позволяют застать себя врасплох. Но и, это еще, к сожалению, не все...

Киплинг протирал пот с лица носовым платком. Он боялся, но он должен был сказать это Бекетту.

- И их застал врасплох не кто-нибудь. Как мы смогли разузнать позже, это был тот журналист из Вены. Но не надо бояться, Томас. Я уже все устроил. Мы уберем этого Вайгерта.

Правая рука Бекетта нервно играла с кнопкой шариковой ручки: включить, выключить, снова включить и снова выключить.

- Что вы имеете в виду? Мы не можем просто так убрать его, как вы говорите. Вы признаете, надо надеяться, что мы тем самым как раз и обратим внимание людей на то, что нам совсем не хочется сделать публичным. Где одна ищайка, туда прибегают и другие. И каждая новая сунет свой нос еще глубже, чем ее предшественница. Даже если самое важное останется скрытым от них, то все равно слишком усердные журналисты могут нанести много вреда. Я думаю, вам это ясно, Джо.

Киплинг поторопился с ответом.

- Естественно. Но ничего страшного. Дела Вайгерта и так уже не хороши. Мы воспользовались этим. Несколько часов назад его газета временно отстранила его от должности. Нам даже не понадобилось много содействовать в этом. Его шеф и без того был

очень сердит на него из-за истории с Фолькером. То, что он нашел мертвыми Мартена и его жену, ломает ему шею. Мы навесим на него эти убийства.

Киплинг радовался своему шахматному ходу. Он сделал добродетель из необходимости. И как адвокат он знал, что не слишком трудно собрать необходимые доказательства вины Вайгерта. Его помощники уже стояли на старте. Бекетт мог быть доволен, что он, Киплинг, был здесь. Его связи в Вене оправдались еще раз.

Бекетт обдумывал. Идея Киплинга была пригодна, в этом не было никаких сомнений. Если Вайгерт потеряет работу и предстанет перед судом по подозрению в убийстве, ему будет не до того, чтобы вынюхивать дальше. Одна проблема была бы этим решена, пусть даже и самая незначительная из всех.

- О'кей, Джо. Делайте все, что планировали. И смотрите, чтобы у вас снова не было ошибок.

- Не бойтесь, с этим писакой мы уже как-то справимся. Но что нового в деле Гринспэна?

- Почти ничего. Они узнали то, что мы не смогли скрыть на этот раз. Они застрелили его на открытой улице. Вот именно поэтому и важно, чтобы этот журналист больше не мог нам мешать. Мы должны, пожалуй, это покушение снова повесить на Исламский народный фронт. В случае Гринспэна это также совершенно правдоподобно. Естественно, теперь будут искать, благодаря этому Вайгерту, параллели между покушением на Гринспэна и убийством Фолькера. Нам не остается ничего другого, как активизировать вопль в прессе и немного подогреть исламских фундаменталистов.

Бекетт знал, как устраивать такие кампании. У него был достаточный опыт в этом. Многочисленные люди осудили бы покушение или уже сделали это. Некоторые использовали бы шанс, чтобы вскочить на поезд: христианские политики предостерегали бы от дальнейшего расширения ислама, сторонники «закона и порядка» от возрастающей террористической опасности. Многие вступили бы в хор лишь потому, что они боялись однажды сами оказаться мишенью. Защитники Третьего мира обратили бы внимание на социальную ситуацию в арабских странах. И каждый из этих аргументов снова вызывал бы контраргументы. При этом дошло бы также до нескольких неприятностей, которые снова вызвали споры, так как некоторые воспользовались бы случаем, чтобы насолить своим политическим противникам.

СМИ усердно печатали и распространяли бы то, что распространялось бы там в горячем воздухе. Для них значение распространителя информации и без того значило намного больше, чем сама по себе информация. Даже не нужно было им в этом сильно содействовать. И, наконец, туман был бы настолько густым, что никто больше и не думал бы искать ключ для решения в другом месте.

- И, Джо, вы действительно уверены, что у Мартена не было более близкой связи с нашими друзьями?

Бекетт уже во второй раз спрашивал об этом, причем он придавал слову «друзья» отрицательный подтекст. Он хотел быть уверен, что Киплинг не умалчивал о других проблемах.

- Да, я уверен. Как я уже сказал, допрос, который провели люди ООН, дал в итоге только то, что Мартену удалось выследить этого Штайнера. Замечательный результат для историка-любителя, все-таки. Но все, что он хотел узнать от него, были всякие дела про Вевельсбург. Поверьте мне, Томас: он не был никем из них. Если бы он был таким, он сказал бы нам про это. При определенных методах допроса не лгут. Штайнер умер, согласно Мартену, полгода назад, теперь француз тоже мертв. Даже если Вайгерт туда пролез, он нашел только лишь его труп. У людей ООН уже не было возможности его так красиво драпировать, как труп его жены, но, во всяком случае, он был мертв, когда Вайгерт его нашел. Мы держим под контролем это дело, действительно.

Даже если Бекетт не любил Киплинга, он знал, что мог полагаться на него. И как раз теперь он нуждался в нем.

- Но где Штайнер находился до своей смерти, Мартен не выдал?

- Больше, чем Тибет, парни ООН не вытащили из него. Потом он умер.

- Уверены ли вы, что на ваших помощников можно положиться? Я имею в виду, не слабоват ли немного результат?

- Люди секретной службы ООН - это профессионалы, Томас, не любители.

- Если я смотрю на результат и на тот факт, что они позволили застать себя врасплох, я в этом сомневаюсь.

- Но...

Бекетт прервал Киплинга.

- Хорошо, Джо. Теперь ничего больше нельзя сделать. Смотрите, чтобы вы привели в порядок дело с журналистом. Как только вам это удастся, позвоните. Вероятно, у нас в Европе еще есть работа для вас.

- Вы думаете о спящих?

- Вероятно. Но это еще не решено. Будьте, в любом случае, осторожны. Вы же знаете, вы можете оказаться следующим после Гринспэна.

- Вы тоже, Томас.

Вена, 28 ноября

Кубики льда в стакане шелестели и трещали, когда Вайгерт лил на них «Cardhu». Солод в его самой благородной форме, не в смеси и уже целой дюжины лет выдержки. Вода жизни из окутанной туманом Северной Шотландии. Свет лампы для чтения переламывался светлым коричневым цветом виски, молочным белым цветом кубиков льда, которые отдавали последнюю зрелость ее двенадцатилетней истории, и шлифовке хрустального бокала.

Вайгерт легко стряхнул бокал, так что кубики льда ударились о его стенки, и сделал большой глоток. Приятное тепло струилось по его телу, в то время как его пальцы, державшие бокал, оставались прохладными. Огонь и лед. Две силы, элементарные противоположности которых в хрустальном бокале шли на превосходную коалицию, связывались, чтобы родить что-то новое.

Чтобы сделать гармонию еще совершенней, звуки шотландских волынок наполняли комнату их колебаниями, отправляя из далекого прошлого в современность свои послания.

На письменном столе перед собой Вайгерт разложил все, что было связано с его историей. И то, что за прошедшее время она стала в полной мере действительно его историей, в этом больше не было сомнений.

Слева сверху лежала раскрытая книга Тьера Мартена - как раз на той странице, где был отображен знак, который неугасимо выжиг себя в мыслях Вайгерта, так же как это случилось со лбом жертв. На книге, наполовину закрывая черное солнце на полу зала замка Вевельсбург, лежали оба серебристых сверкающих диска. Вопреки неоднократным попыткам он не смог вырвать у них содержание, которое они скрывали. Они сопротивлялись каждой попытке и предпочли сохранять свою тайну.

Справа лежали три стопки с газетными вырезками и отпечатанными информационными сообщениями. Стопка для Бернхарда Фолькера, убитого президента Европейского центрального банка, вторая для Джона Гринспэна, члена Совета Безопасности ООН, которого постигла та же судьба, что и Фолькера. Третий со-держал материал об Исламском народном фронте. Вайгерт знал содержание трех стопок почти наизусть.

Перед ним, аккуратно рядом, лежали два листка. На одном стихотворение, которое он нашел в своей машине, на другом короткие заметки о том, что Мартен сообщил ему, прежде чем умер.

Это было все, что у него было. Вайгерт откинулся назад и зажег сигарету. Ее дым поднимался вверх и смешивался со звуками волынок.

Десять дней уже прошло, с тех пор как он оказался единственным журналистом, кто видел труп Фолькера. И как раз в этой функции – как журналист – он писал об этом. Но все же, что-то изменилось за эти десять дней. Вайгерт из наблюдателя превратился в наблюдаемого, из постороннего во впутанного.

Первые два убийства Фолькера и Гринспэна оставили Вайгерта безучастным. Покушения на политиков происходили всегда. Это был как бы профессиональный риск этой касты. СМИ сообщали об этом, не больше и не меньше.

Но найти двух старых людей, одну висящую мертвой у потолка, другого ужасно избитого и при последнем издыхании, это было что-то другое. Это проникло в него гораздо глубже, и не только потому, что это, возможно, могло стоить ему его работы.

Еще раз затянуться сигаретой, еще раз глотнуть виски. Стоить его работы... Было ли это на самом деле так уж плохо? Что он уже делал до сих пор? Писал о событиях, которые инициировали другие. Раздувал слабоумные высказывания политиков, так как они хорошо смотрелись в заголовках. Переписывал информационные сообщения, напечатанные другими журналистами на компьютерах в тысячах километров от него. И время от времени комментарии, только не сильно отклонявшиеся от линии «Листка», так как иначе их бы переписали. Нет, он никогда не продавался, нет, но и не боролся за что-то действительно. Да и за что бороться? В обществе, единственной общепризнанной ценностью было благосостояние для всех, не было ничего, за что стоило бы бороться.

Многие из его знакомых завидовали ему из-за его профессии. Все же, он всегда был там, где что-то происходило. Он говорил с министрами, путешествовал с президентами, слышал иногда стрельбу революций. Да, он был там, присутствовал, но не больше. Действовать самому – этого он не делал. Было бы неверно думать что-то в этом роде. Он только письменно излагал действия других.

И из этого снова в большинстве случаев только то, о чем хотели, чтобы оно появилось на бумаге.

Редко Вайгерт находил время и спокойствие, чтобы так анализировать свою ситуацию. Снова и снова одно событие сменяло другое, одна статья следующую. Нет ничего более старого, чем вчерашняя газета. Только очень, очень редко спрашивал он себя, какой смысл был спускать такое информационное стаккато на людей. Что могли, что они хотели бы делать с этим?

Время больших политических движений миновало. Там, где когда-то люди ради своих идей выходили на улицы, сегодня маленькая каста бесцветных бюрократов управляла валовыми социальными продуктами. Подавляющее большинство набивало себе животы. И СМИ поставляли театральную кулису для псевдособытий – хлеб и зрелища. Они имитировали движение, где его не было. Они разрабатывали спорные

моменты, которые таковыми не являлись. Они принимали всерьез то, над чем можно было лишь покачать головой, собственно, в лучшем случае.

Для немногих действительно заинтересованных граждан так, по меньшей мере, поддерживалось впечатление, что политика еще есть, что история еще не окончилась полностью. Так они твердо поддерживали свою веру в то, что они могли участвовать своим голосом, хотя они давно отдали его в двойное значение этого слова.

У Вайгерта не было никаких иллюзий о том, что он был частью этой системы. Колесико в гигантской машине. Он еще не презирал себя за это, но уже давно начал критиковать свою роль.

«Изменить что-то» - этого он хотел, когда свежий и полный жажды деятельности начал работать в «Листке». Через несколько месяцев ему стало ясно, что газета ничего не могла изменить, и уж тем более - отдельный журналист. Максимум - какие-то косметические изменения. Союз демократии и благосостояния проглатывал общественные противоречия и конфликты как черная дыра. Все обсуждалось так долго, пока ничего от этого уже не оставалось.

Иногда изменялись - не в последнюю очередь благодаря средствам массовой информации - лица в верхушке, но это было подобно тому, как если бы из муравейника похитили одного муравья. На короткий срок волнение и беспокойство, но потом тут же на его месте появился бы другой муравей. Муравейник оставался. Бизнес как обычно.

Действительно ли он так много потеряет? Когда он всерьез размышлял об этом, то думал, что, пожалуй, нет. Но что могло бы быть после возможного увольнения? Была ли у него альтернатива его нынешней работе?

Он мог примириться с тем, что его деятельность в «Листке» подойдет к концу. Но он должен был платить за жилье, должен был есть, а также он вовсе не склонен был отказываться от других удобств жизни. Вбивал ли он свои строки в компьютер для «Листка» или делал ли он это для другой газеты, шел ли он на любое предприятие или таскал где-то мешки, это было безразлично. Система оставалась, она держала его в зависимости. У нее под рукой были самое большее разные другие нюансы того же плена.

Вероятно, только Филлигер поступил правильно. Но он смог сделать это только потому, что он раньше сам участвовал в игре. Потому что без денег это не было бы выходом. Филлигер... Вот оно, решение! Черт побери, почему он сразу не вспомнил? Вот кто мог бы умудриться выманить у блестящих дисков их тайну.

У его друга было несколько хобби, которые не лишены были некоторых странностей. Одно время он тренировался в искусстве фехтования на мечах и стал специалистом по средневековому оружию. Потом он занялся теорией хаоса, просто так. Вайгерт в

этом ничего не понимал, вопреки многочисленным попыткам Филлигера посвятить его в тайны беспорядка.

После теории хаоса он дошел, наконец, до занятий шифровальными системами. Он был просто очарован возможностью образовывать рациональные слова из бессмысленно появляющихся комбинаций букв и чисел. Он всегда называл это «**семантическими трансформациями**» и как вор радовался, когда порой посылал Вайгерту зашифрованный «пивной талон» – если Вайгерт расшифровал бы послание, то Филлигер угостил бы его пивом. Иногда Вайгерт ломал себе голову над этим, но только однажды он умудрился вскрыть закодированный Филлигером текст. Он наслаждался этим триумфом, пока Филлигер не открыл ему, что это был один из самых примитивных видов кодирования, которым учат даже мальчишек-скаутов. Иногда Вайгерт думал, что Филлигер псих. Но для этого он был слишком умен. Он был, пожалуй, немного капризен, даже если по нему это едва ли можно было заметить.

Вайгерт должен был побудить Филлигера заняться двумя компакт-дисками. Во-первых, он был компьютерным специалистом и, во-вторых, он был помешан на шифрах. Это было шансом. Но Филлигер сидел в Норвегии. Вайгерт посмотрел на часы: полчаса после полуночи. Он решил отложить свой звонок.

Диски были самым понятным и близким следом, который у него был. Нужно сначала пройти по нему. Вероятно, их содержание смогло бы освободить его от клещей, в которых он очутился. Только тогда он решил бы, что ему делать с его вторым следом: Карл Штайнер и Ташилунпо.

Вена, 29 ноября

Они надели на него цепи. Стальные звенья цепи обвивались вокруг его суставов, глубоко врезаясь в плоть, которая уже кровоточила в нескольких местах. Слева и справа от него горели факелы и погружали большое куполообразное помещение в мерцающий свет. Откуда-то доносился шум барабанов, сначала тихо, потом все громче – глухо и ритмично – пока не дошел до крещендо.

Одетая полностью в черное фигура показалась перед ним, лицо, закутанное в платок, в котором было только два отверстия для глаз. С торжествующим видом фигура подняла верх руку, державшую длинный похожий на скипетр предмет. Он кричал, пытался вырваться, но чем больше он дергал за свои цепи, тем глубже они врезались в тело. Другие черные фигуры, которые образовали полукруг вокруг него, тоже подняли свои руки в воздух, чтобы образовать ими, вытянутыми до максимума, букву «V».

Мужчина перед ним взял предмет обеими руками и направил его на лицо скованного. Толстый конец металлического стержня был докрасна раскален и приближался все ближе. Жара была уже ощутима. Крики, дерганье – ничего не помогало. У него больше не было шанса. Пройдет несколько секунд, и ему выжгут **черное солнце**.

Вайгерт проснулся в холодном поту. Он поднялся, дрожа. Сначала дезориентация, потом восприятие знакомого вокруг. Кровать, переполненная пепельница рядом с нею, его предметы одежды разбросаны в беспорядке в комнате. Ничего, только сон. Он опустился назад, закрыл глаза и глубоко дышал. Все же, было еще что-то. Телефон!

Вайгерт решительно встал с кровати и пошел, нагишом, как он был, в кабинет. На письменном столе все еще были разложены его документы, как он оставил их вчера. Уровень в бутылке виски значительно снизился, как он заметил, пока тянулся к трубке. Да он и так по себе это чувствовал.

Он представился.

- Вайгерт.

Во рту он чувствовал неприятный пресный вкус, как всегда, когда он слишком много курил и пил.

- Да, Ганс... Это Вальтер.

Полиция, твой друг и помощник, подумал Вайгерт и посмотрел на часы, которые висели на стене напротив: 10.17, как раз время работать на полную катушку. Мюллер казался взволнованным. Вайгерт подавил зевок и выудил пачку сигарет, которая лежала на письменном столе.

- Секретная служба ООН только что еще раз опросила меня.

Мюллер говорил быстро, почти глотая слова. Мозг Вайгерта медленно включался. Это начинало становиться интересным.

- Все было внешне совсем рутинным.

Какого черта тогда он своим звонком его разбудил? Или он и так проснулся бы из-за того кошмарного сна?

- Ты еще слушаешь?

Вайгерт вытащил сигарету из пачки и засунул в рот.

- Да. Рассказывай.

- В офисе, куда я должен был прийти, был только один человек. Пока мы говорили, кто-то постучал, и он на короткое время вышел из комнаты.

Вайгерт слышал и более захватывающие истории. Зажигалка, где же зажигалка?

- Я человек любопытный, и я воспользовался случаем, чтобы немного посмотреть, что там у них лежало на письменном столе. Я хотел знать, почему эти типы еще раз вызвали меня, хотя я полицейский.

Зажигалки нигде не было видно. Она лежала, вероятно, в спальне. День начинался хорошо.

- И на письменном столе, там кое-что лежало, что тебя заинтересует: ордер на арест, из-за убийства двух человек, ордер на тебя.

Вайгерт открыл рот, сигарета выпала. Хорошо, что он еще не зажег ее.

- Что!?

- Да, черт возьми. Подписано Франсуа Бенуа, шефом еврокопов. Причина: два убийства, совершенных три дня назад в Германии.

- Дерьмо, их убил не я!

- Как раз так я и сам думаю. Ты способен наделать много всякого разного, но не это. Я понятия не имею, с чем ты там столкнулся, но люди ООН чертовски интересуются тобой. Они заберут тебя, еще сегодня.

Вайгерт внезапно полностью проснулся. Голос Мюллера звучал боязливо,

- Но от меня ты ничего не услышал, во всяком случае. Ясно?

- Да, да, ясно.

- Так, теперь я должен заканчивать, там кто-то хочет войти в мой кабинет. Береги себя и... удачи!

Вайгерт сказал «спасибо», но Мюллер уже повесил трубку. Его мысли неистовствовали. Конечно, он впутался в дело Мартена. Но не могли же они из-за этого навесить на него два убийства. Хотя, после того, как они утаили информацию еще при убийстве Фолькера...

Что делать? Звонить адвокату? Но кому? Вайгерт никогда еще не пользовался их услугами. Звонить главному редактору? К чему? Засранец и без того его теперь бы уничтожил. Нельзя было ставить ему это в вину. Кому нужен редактор, который сидит в следственной тюрьме под подозрением в убийстве? Колени Вайгерта дрожали. Он опустился на свое кожаное кресло.

В секретной службе ООН и у еврокопов явно было что-то не так. Кто-то там вел игру, жертвой которой он был. Если они поймут его теперь, то они найдут и оба диска Мартена. Вот черт! Лучше улики и не придумаешь. Их нужно было спрятать, и ему

самому тоже. Но что тогда? Все равно, это был его единственный шанс принести свет в темноту, которая угрожала поглотить также и его все больше. Из клетки он едва ли смог бы это. Бежать!

Он, Ганс Вайгерт, до сих пор безупречный гражданин, должен был скрываться от властей, которые расследовали двойное убийство? Дикий страх охватил его, в таком состоянии он не мог ясно мыслить. Им управляла паника. Всегда для него было самым ужасным видением оказаться в тюрьме, где дни просто тянулись так, в то время как жизнь снаружи двигалась без него. И в то время, пока он медленно передвигался бы по восьми квадратным метрам его камеры с зарешеченным окошком.

Теперь паника полностью одолела его. Бежать, да, в первый раз бежать! Никакой камеры, никаких допросов. И последний шанс выяснить дело.

Он вскочил. Из кабинета в прихожую, шкаф открыть, дорожную сумку вытащить. Назад в кабинет. Бумаги набить в сумку, оба компакт-диска в боковой кармашек. Ящик письменного стола вытащить: паспорт, права, бумажник, кредитные карточки. Назад в прихожую: трусы, носки, две рубашки. Одеться. Ванная: зубная щетка, полотенце. Все неистово быстро, и все же – как в трансе. В любой момент они могли быть здесь. Бежать!

Внизу перед домом стояла его машина. Взгляд из окна: ничего подозрительного. Ботинки на ноги, дверь закрыть, вниз, дорожная сумка в одной руке, в другой держа пальто, которое волочилось по земле.

Посмотреть налево, направо. Ничего!... Пока ничего!

С поспешными движениями Вайгерт открыл машину, бросил дорожную сумку на место рядом с водителем, пальто на нее, шлепнулся на сиденье, захлопнул дверь и стартовал. Бежать, только бежать!

Боцен, 1 декабря

У Европы есть – по меньшей мере – две стороны: север и юг. Обе части приводят в вибрацию соответственно разные струны души в человеке, выманивают у них разные звуки и ролят таким образом не только различные песни, но и выражают в их текстах и мелодиях также различные менталитеты, образы жизни и культуры. Но оба они – прохладный, сдержанный север и теплый, живой юг – это части общего целого, две стороны одной монеты, которая несет имя «Европа».

Там, где север и юг переходят друг в друга, на вымышленной медиане континента, которая проявляет себя в душах людей еще сильнее, чем на географических картах, там лежит Боцен – уже не на севере, но еще и не на юге.

Вайгерт энергично открыл двойную дверь на балкон. Солнце стояло уже над горами, вершины которых были покрыты сияющим белым снегом. Дальше внизу, на склонах, доминировала зелень хвойных деревьев. Он глубоко вдохнул, втянул свежий, пряный воздух в свои легкие и прищурил глаза, чтобы защитить их от яркого света солнца. Было неожиданно тепло для уже продвинувшегося времени года.

Он выходил на балкон и смотрел на маленький городок, по чудным улицам и переулкам которого текла оживленную жизнь полдня. Он любил этот город. Всегда, когда он здесь был, ему в голову приходили строки песни, которую он однажды подхватил много лет назад и названия которой не знал: «I wasn't born there, but maybe I'll die there»^[2].

Вероятно, да, вероятно, он захотел бы однажды сделать здесь свой последний вздох. Нельзя выбрать место, в котором родишься, но, наверное, можно подобрать место, где умрешь. Нужно только иметь немного удачи.

- Доброе утро!

Клаудия Аполонио стояла в открытой балконной двери, ее улыбка усердно соревновалась с лучами солнца.

- Ну, как дела?

Иногда самый простой вопрос может запустить в ход сложные процессы. Поспешно покинул Вену, потом где-то оставил машину, затем ехал бесцельно по железной дороге через территорию, одну ночь проспал в стог сена. Что делать? Взвесив все обстоятельства, отвергнул все другие варианты. Наконец, решение: Клаудия, Боцен. Хорошо, что в Европейском сообществе больше не было проверок паспортов.

День, собственно, начался приятно. Все же, теперь, через пять минут после подъема, все снова было здесь. Иногда как раз не нужно опускать ноги с кровати на пол.

- Ах... помаленьку.

- Звучит прямо как жажда деятельности. Сперва, как насчет завтрака?

Мысль о «прошутто крудо», ветчине, вероятно, с небольшой дыней, несколько хрустящих круассанов - с шоколадом, само собой - и о крепком эспрессо - в этом что-то было.

- Почему бы и нет?

- Следуйте за мной незаметно, синьор Вайгерт.

Такой была Клаудия: всегда веселой и непоседливой, всегда говорящей жизни только четкое «да». И именно это он с первого момента оценил в ней. Первый момент: это

было, когда он познакомился с нею двенадцать лет назад в университете Джона Хопкинса в Болонье. Она вошла в точности в соответствии с лозунгом «Оп-ля, а вот и я!» в аудиторию, когда там уже шли занятия. Рядом с Вайгертом место еще было свободно. Со словами «ну, только один, молодой человек?» она села, не ожидая ответа. Это было началом долгой дружбы.

Клаудия не была действительно красивой, по меньшей мере, она не располагала тем видом, который выдержал бы демократическое голосование. «Без выдающейся красоты», как то необдуманно сказал ей Вайгерт, что стоило ему не-скольких дней наказания в форме его игнорирования. Такие уж они, женщины.

У нее были гладкие, коричневые волосы, которые покрывали своей длиной также часть ее спины. Ее лицо было таким, что обозначили бы, пожалуй, как «милое», например, в том смысле, как это пробуждает инстинкты защитника у мужчин. Она была скорее маленькой, что никак не мешало, однако, ее поистине поражающему воздействию на людей. Ее фигура передвигалась где-то в широкой серой зоне между стройной и пухлой. Иногда она изводила себя строгими голодовками, но потом опять беспрепятственно наслаждалась кулинарными изысканностями.

Три дня семинара прошли. Ганс Вайгерт и Клаудия Аполлонио получили массу удовольствия. От предложенных знаний они получили мало. Когда их профессор как раз был готов проникнуть в глубины монетаризма, она пригласила его посетить ее в одни из наступающих выходных в Боцене. Вайгерту хватило дерзости позвонить своему другу Филлигеру и пригласить его туда же. «Никаких проблем», сказала она, и трое навеселились превосходно. С тех пор Вайгерт мог понимать, что она, используя каждые выходные, чтобы ехать из Болоньи в Боцен, находила в этом маленьком городке.

«Кровь как раз гуще, чем вода», однажды сказала Клаудия и вместе с тем выразила одно из своих видимых противоречий, которые делали ее такой интересной. Собственно, она была космополитом: Она выросла в конгломерате из немецкой и итальянской культуры. Несмотря на ее итальянское имя, родители ее были немцами. Она была одной из пяти их детей. Она несколько семестров училась в США и позже жила один год в Лондоне. Она охотно и много путешествовала, что позволяло ей уже с ранней молодежи значительное состояние ее отца.

Когда Вайгерт однажды во время одного из своих многочисленных посещений в Боцене заговорил о том, к чему она себя относит, она улыбнулась: «Немка по-немецки и итальянка по-итальянски», ответила она. Убежденная антифашистка и открытая левая, она не знала недвусмысленности, если речь шла о ее самых глубоких чувствах. Каждый год, в День Сердца Господня, она маршировала на лыжах к большим кострам. Все это, однако, не мешало ей иметь многочисленных итальянских друзей. Такой она была, и Вайгерту это нравилось.

- Еще круассан, мой дорогой? У тебя было лишь два. Все же, обычно ты не встаешь, прежде чем не проглотишь целых пять.

Ответ не давался Вайгерту тяжело, в конце концов, он едва ли что-то ел за последние два дня.

- Что ты хочешь делать теперь?

Клаудия засунула в печку новую партию булочек. Вайгерт глотнул свой эспрессо. Вчера, когда он приехал к ней, он рассказал всю историю во всех подробностях. Он знал, что мог слепо довериться ей. Даже если они объявили его во всеобщий розыск, она все равно бы ничего не выболтала. Ганс или полиция, решение давалось ей исключительно легко. Кроме того, она сама была журналисткой. После ее пребывания в Лондоне она оказалась на частной радиостанции в Боцене. Ей тоже показалось, что из этого могла бы теперь получиться серьезная история.

- Ну, сначала я должен, наконец, позвонить Петеру, и убедить его в том, чтобы он позаботился о компакт-дисках. И потом я должен, пожалуй, объяснить перед Хилльгрубером. Он всегда заботился обо мне и теперь будет очень разочарован.

Решение принято: он просто обязан был продолжать. События приняли это решение вместо него.

- Они будут искать тебя, Ганс. И это только вопрос времени, пока они при поисках не выйдут на меня.

Клаудия смотрела задумчиво, когда клала два следующих круассана ему на тарелку. Естественно, он тут же проглотил их. Но что ему уже осталось?

- Ты знаешь наш дом, наверху на горе. Лучше всего, если ты останешься там. Если придут легавые с ордером на обыск, то они, вероятно, будут иметь в виду только мою квартиру. Дом официально принадлежит моим родителям. Я по-дозреваю, что ты хочешь продолжить. Или я ошибаюсь?

- Нет, ты не ошибаешься. Да и что мне еще остается?

- Тогда хорошо. Только не сдавайся. Мы предпримем ряд предосторожностей. Джузеппе купит переносной телефон на свое имя, если легавые додумаются следить за моими звонками. Пока ты сидишь наверху на горе, я здесь внизу постараюсь добраться до всего необходимого материала. Мы должны узнать все о Фолькере и Гринспэне и не забывать этого француза. Между тем ты, бедный мальчик, будешь спокойно сидеть там наверху, и обрабатывать материал, который я притащу.

Она сразу подумала обо всем. Сидеть, сложа руки - это не в ее стиле. Лучше делать хоть что-то, чем избегать, таков был ее девиз.

- Я возьму себе для этого несколько недель отпуска. Таким образом, я смогу посвятить себя только этой истории. Я думаю, это, в любом случае, будет интереснее, чем сообщать о заседаниях совета общины и праздниках пожарной команды.

Двое вместо одного, это сделало бы работу значительно проще, кроме того, где он был ограничен в данный момент в его свободе передвижений. Если бы еще приехал Филлигер, они были бы втроем. Клаудия очень любила Петера. Она только не понимала, почему он хотел эмигрировать в Норвегию.

Вот это была бы действительно непобедимая группа, подумал Вайгерт. Клаудия была бы ее душой, которая приводила в действие и стимулировала бы других; Петер - человеком для грубых дел, который, так сказать, не боялся бы также опасных ситуаций, ее тело; и он, Вайгерт, был бы ее духом, который анализировал бы сведения, оценивал их и связывал. Он не совсем принимал себя само-го всерьез, когда он так думал, но это ему нравилось.

- Пока ты позвонишь Петеру и объяснишься с Хилльгрубером, я поеду закупаться. В конце концов, ты же не хочешь умереть с голоду. И без твоего Сингл Хайленд Молт ты не продержишься в любом случае.

Она была освежающе прямой.

- Хорошо. Тогда давайте начнем.

Вайгерт встал, чтобы пойти в жилую комнату, где стоял телефон.

- Я займусь мытьем посуды.

- О, это что-то новенькое. Если бы я знала это, я не покупала бы посудомоечную машину.

Вайгерт был поражен, что соединение получилось сразу с первого раза.

- Уединение Филлигера.

Никакого сомнения, это был Петер.

- Это Ганс. Что нового в Норвегии?

- Все исключительно приятно. Очень много земли и, прежде всего: никаких людей, которые долго грузят своей болтовней.

- Не хочешь ли ты сказать, к примеру, что это я с тобой долго болтаю?

- Нет, конечно, нет. Я только предполагаю, что ты один больше не выдержишь в Вене. И вот ты звонишь мне. Но если ты полагаешь, что я смогу быстро зайти к тебе, и мы пойдем попить пива, мне придется тебя разочаровать.

- Я не в Вене.

- А где? Опять в одной из твоих увеселительных прогулок, которую ты всегда называешь командировками?

- К сожалению, нет. Я у Клаудии.

- Ага, все же, увеселительная прогулка.

Вайгерт кратко рассказал Филлигеру о том, что случилось после его отъезда из Вены.

- Тогда ты по уши в дерьме, старина.

- Совершенно верно, и чтобы выбраться оттуда, мне нужен ты.

- Я? Ну, вот тут ты явно преувеличиваешь. Какой тебе толк от меня в этом деле?

- У этого француза я нашел два лазерных диска. Оба полны до краев какими то данными. Моя проблема в том, что я не могу с ними разобраться. Я еще не знаю, причина ли тут в электронной обработке данных, или это зашифровано. Чтобы извлечь это и расшифровать, мне нужен ты.

На другом конце линии стихло.

- Ты еще здесь?

- Да, конечно.

Филлигер, кажется, размышлял.

- Ты всерьез ожидаешь от меня, что я могу замарать работой начало моей новой жизни?

- Что ты тут называешь работой? Я думал, что-то в этом роде относится у тебя к числу хобби. Кроме того, это дело продлится самое большее несколько дней. Либо ты справишься с ним, либо нет. Тогда ты сможешь снова вернуться назад в свою пустошь.

- Скажи ему, мы возьмем на себя его расходы на авиабилеты. Клаудия просунула голову в дверь жилой комнаты.

- И от нашей маленькой жительницы Южного Тироля я должен передать тебе, что мы оплатим полет. «Будвайзер» мы уже засунули в холодильник.

- Звучит неплохо. А теперь серьезно. Ты действительно думаешь, что данные на лазерных дисках содержат что-то важное? Кто знает, вероятно, там только не-сколько игр или его личная бухгалтерия.

- И он тогда закопал бы ее, конечно, в цветочном горшке?

- Всякие бывают люди. Я думаю, я...

- Послушай, Петер. Это сейчас мой единственный шанс. Они хотят арестовать меня из-за убийства двух человек. И если они хотят этого, хотя ничего не говорит о том, что я хоть как-то связан с этим с точки зрения уголовного права, значит, они что-то замышляют в связи с этим. Если только окажусь в камере, у меня будут связаны руки. Я не могу тебе сказать, что на дисках. Может быть, это просто какая-то чепуха. Но я должен попробовать это.

- Ты, пожалуй, хотел сказать, я должен попробовать это?

- Хорошо, ты должен попробовать это.

- Вот всегда нужно вытягивать тебя из дерьма. Я отсутствовал пока всего на несколько дней, а ты уже наворотил дел.

- Я...

- Обойдемся без дальнейших воскресных речей. Деньги за билеты оставьте себе. Лучше купите второй холодильник и набейте его доверху «Будвайзером».

Вайгерт достаточно хорошо знал Филлигера, чтобы догадаться, что тот, в общем, согласился. Друг не бросил бы его на произвол судьбы. Вайгерту стало почти тепло на сердце.

- На это ты можешь положиться. Когда ты тут будешь?

- Послезавтра могло бы получиться. Но не забудь про второй холодильник.

- Не бойся. Пока.

Вайгерт повесил трубку.

- И что, он клюнул?

Клаудия была уже готова уезжать.

- Да. Он считает, что может приехать послезавтра.

Она была в восторге.

- Триумvirат снова формируется. Я едва ли могла такого ожидать.

Иногда у Вайгерта было впечатление, что она хотела от Филлигера больше, чем только его дружбы. Все же, она никогда не согласилась бы на что-то в этом роде.

- Теперь я уезжаю. Не наделяй глупостей за это время.
- Подожди-ка. Нам будет нужен хороший компьютер. Петер, как известно, отказывается работать на посредственных устройствах.
- Нет проблем, один мой друг – главный представитель компьютерной фирмы. Там мы можем взять займы что-то серьезное. Тебя пока должна устроить та штука, которая и так уже стоит в доме наверху. Чао, пока.

Она захлопнула дверь за собой.

Теперь наступала более неприятная часть: Хилльгрубер. Вайгерт, пожалуй, приготовил начальнику своего отдела массу трудностей. Он очень ценил Хилльгрубера. Это делало проблему еще сложнее. Но выхода не было. Он набрал номер «Листка».

- Добрый день, господин доктор. Это Ганс Вайгерт.
- Вайгерт! Где вы находитесь? Вас тут ищут!
- Я знаю. Все же, я не имею никакого отношения к этому делу, по крайней мере, в юридическом смысле.
- Почему, к чертям, вы тогда исчезли?
- Никто не заинтересован в том, чтобы я мог расследовать это дело дальше. Можете ли вы пообещать, что сохраните в абсолютной тайне то, что я вам сейчас расскажу?

Хилльгрубер немного помедлил.

- Хорошо, я обещаю.
- Я имею в виду и то, что в газете тоже ничего не будет об этом написано?

Он должен был теперь дать Хилльгруберу «наводку», вопреки обещанию, которое он сделал своему другу, полицейскому Мюллеру. Он мог только надеяться, что на Хилльгрубера действительно можно положиться.

- Хорошо, это тоже обещаю.
- Послушайте: в полиции и в секретной службе ООН в Вене происходит что-то очень подозрительное. Люди ООН после покушения на Фолькера допросили всех людей, которые видели труп. И они угрожали им, что если хоть кто-то проболтается о том, что случилось с трупом Фолькера, тому угрожают серьезные последствия. Я знаю это из абсолютно надежного источника. Если там работают такими методами, то и со мной не будут церемониться. И при этом политики, вроде министра внутренних дел, усердно участвуют в игре. Бергманн, разумеется, боится за репутацию своей газеты.

Он не хочет конфликта. Только если я не брошу теперь это дело, у меня есть шанс что-то узнать и доказать, что я не замешан в убийствах в Вевельсбурге. Вы понимаете?

Хилльгрубер не ответил, вопрос и без того был только риторическим.

- Я приму к сведению то, что вы мне рассказали. Но, как вы понимаете, я, конечно, все это серьезно проверю. А что касается Бергманна: он уволил вас, когда услышал, что вы в розыске.

Теперь случилось. Вайгерта уволили с работы. Это не особенно поразило его, скорее он бы удивился, если бы этого не произошло.

- Вы хотите вечно оставаться в бегах? Вас когда-нибудь поймают. Тогда ваше поведение все только усугубит.

В голосе Хилльгрубера появился умоляющий оттенок. - Где вы, вообще?

Какой-то момент Вайгерт думал сказать это ему. Но что бы он этим выиграл? У Хилльгрубера были определенные симпатии к нему, но он не смог бы позволить себе молчать в этом случае. И вообще, какая польза была бы от этого Хилльгруберу? Симпатия тоже заканчивается однажды, самое позднее, при подозрении в убийстве.

- Пока в надежном месте. Я продолжу, и я получу мой рассказ. Мне очень жаль, что я доставляю вам трудности.

- Мне трудности? Обо мне не волнуйтесь, я только ваш шеф. А вот ваши трудности достаточно велики, и я думаю, они еще увеличатся. Но если вы передумаете, то дайте мне знать. Возможно, я смогу что-то сделать для вас.

- Спасибо за предложение. Если у меня будет моя история, вы сможете напечатать ее.

Хилльгрубер наверняка улыбнулся.

- Боже упаси, Бергманн никогда этого не допустит. Как бы хороша она ни была.

- Все же, большое спасибо за все, что вы сделали для меня в «Листке».

- За это не стоит благодарить. Я принял вас тогда, так как я думал, из вас мог бы выйти хороший журналист. Как оказывается теперь, я не ошибся. Вы действительно можете подобраться к большому делу. Если у вас будет ваша статья, вы же знаете, что можете распространить ее и без «Листка».

Пора было заканчивать беседу.

- Теперь я должен заканчивать. Меня ждет масса работы.

- Подождите еще минутку. У меня есть еще кое-что, что вас, вероятно, заинтересует. Мы пока не публиковали это в «Листке», и я даже сам не знаю, важно ли это.

Вайгерт наострил уши.

- О чем идет речь?

- Мы все же искали параллели между обоими убийствами Фолькера и Гринспэна и не нашли ничего, кроме хода преступления. Теперь наш корреспондент в Нью-Йорке узнала, что там, возможно, кое-что есть. У Фолькера и Гринспэна следовательно, все же, было что-то общее.

Вайгерт напряженно затаил дыхание.

- Оба были членами масонских лож.

Масоны! История становилась все сложнее, начинала расходиться в многочисленных направлениях. Вайгерт понятия не имел, что он должен был с этим делать. Он только знал, что работа, которая ему предстояла, все увеличивалась.

- Как я уже сказал, я не знаю, должно ли это что-то значить. Для репортажа в «Листке» мне это кажется пока что еще слишком тощим.

- Спасибо, во всяком случае, что вы мне об этом сказали. Я попытаюсь разузнать побольше. Итак, прощайте, господин доктор.

- Не делайте глупостей, Вайгерт, и будьте осторожны. Я желаю вам, чтобы вы довели ваше дело до успешного конца. Удачи!

- Спасибо, она мне понадобится.

Вайгерт понятия не имел, насколько он в этом был прав.

Боцен, 3 декабря

Петер Филлигер поглядывал на черный кубик с плоским экраном сначала немного подозрительно. Потом он сел перед ним, включил его и схватился за то приспособление, которое все еще заботливо называли мышью. Спустя три минуты он повернулся. Вайгерт был уже очень беспокоен. Он подал Филлигеру оба лазерных диска.

- Можем ли мы, наконец, начинать?

- Тогда давайте начнем работу.

Филлигер засунул один из серебристых дисков в предусмотренную для этого щель. Снова заработала мышь, с помощью которой он передавал команды машине. Внезапно он застонал и закрыл лицо руками.

- Ты действительно зеленый новичок, Ганс!

- Значит ли это, что у тебя получилось?

- Еще нет.

- Но?

Вайгерт уже больше не выдерживал.

- Файлы на этом компакт-диске созданы с помощью древней программы обработки текста. Этот француз, должно быть, работал на совсем антикварном компьютере, операционная система которого функционирует иначе, чем сегодняшние устройства. Это все.

- То есть, если мы найдем правильное программное обеспечение, мы также сможем прочитать файлы?

- Точно так.

- Давай, проверим еще второй диск.

Филлигер повторил процесс. Результат был таким же.

- Ладно. Позволим себе сначала насладиться пивом и подождем Клаудию. Когда она придет, пусть сразу свяжется со своим знакомым, который дал нам на время эту машину. Он тогда сможет обеспечить нас и программным обеспечением.

Оба пошли в кухню. Как раз в тот момент, когда Вайгерт открывал холодильник, чтобы вытащить две бутылки пива «Будвайзер», у входной двери послышался шум. Филлигер вышел в коридор, чтобы посмотреть. Это была Клаудия.

- Смотри-ка, эмигрант уже объявился!

Она обвила руки вокруг шеи Филлигера и поцеловала его. Вайгерт наблюдал за сценой с удовольствием. Его друг не был большим сторонником таких приветствий. Они были для него большей частью неудобны. Филлигер высоко поднял Клаудию и снова посадил ее на комод, который стоял в прихожей у стены.

- Не так бурно, жительница Южного Тироля!

- Как твои дела?

- Какие могут быть дела у кого-то, если один из этих дилетантов здесь, - Филлигер указал на Вайгерта, - специально выдергивает его сюда из Норвегии, потому что даже не владеет азами бинарного мира.

- Ну, именно без тебя тут ведь ничего и не выйдет. Вожделенные мужчины как раз и должны приносить жертву.

Клаудия смотрела на него сияющими глазами. Вайгерт подал своему другу «будвайзер». Трое уселись в жилой комнате, где огонь в открытом камине излучал приятное тепло.

- Я предложил бы обсудить, что нам делать дальше.

- Ганс уже рассказал тебе всю историю во всех деталях?

- Да.

- И? Ты, по крайней мере, разобрался уже с обоими дисками?

- Конечно. Результат был вполне положительный. Только файлы были записаны на старом текстовом редакторе и на старой операционной системе. Поэтому Ганс не смог их прочитать, и я пока тоже. Все, что нам нужно, это следующие программы.

Петер взял листок и ручку и записал необходимое. Потом он протянул его Клаудии.

- Звони своему компьютерщику и попроси его достать нам эти программы. И как можно быстрее. Тогда мы можем посмотреть, наконец, что там на лазерных дисках.

- Похоже, что ты все-таки стоишь своего пива.

- Возможно. Но в данный момент речь идет о чисто компьютерной проблеме. Если мы перескочим через барьер, все еще может быть, что появятся и другие проблемы.

- И что это значит?

Взгляд Вайгерта был скептичен.

- Кто говорит тебе, что этот Мартен не закодировал его записи? Если уж он хранит компакт-диски в цветочном вазоне, то мне это кажется вполне логичным.

- Ну, в конце концов, мы тебя для этого вызвали, а не столько как компьютерного специалиста.

- Какое доверие.

Еще глоток и бутылка «Будвайзера» у Филлигера была пуста.

- Хочешь еще одну?

Филлигер показал бутылкой в сторону Вайгерта.

- Глупый вопрос.

Пока Петер нес пиво, Клаудия говорила по телефону с ее знакомым. У него были нужные программы. Пара приветливых слов со стороны Клаудии и он пообещал прийти сразу. Спустя двадцать минут зазвенел звонок на входной двери. Вайгерт и Филлигер оставались в жилой комнате, чтобы их не заметили. Клаудия снова отделалась от ее знакомого под каким-то предлогом. Когда она вошла в жилую комнату, она с торжествующим видом держала в руке компакт-диск с необходимыми программами.

- Так. Можно приступать!

Оба друга были уже очень взволнованы. Филлигер вырвал у нее из рук диск и побежал вверх, где стоял компьютер. Вайгерт следовал вплотную за ним. Решится ли теперь его проблема? Будет ли у него вместе с тем шанс, вырваться из заколдованного круга, в который он попал, снова вернуться домой, освободиться от подозрений в убийстве двух человек? Может быть, через пару минут в его руках будут доказательства, что он был на правильном пути, и откроется мост между Гринспэном, Фолькером, Мартеном и Вевельсбургом. И тогда он, Ганс Вайгерт, обруганный, оклеветанный, снова завладеет заголовками передовых статей.

Филлигер включил компьютер и вставил в дисковод компакт-диск с полученными программами. Клаудия Аполонио и Ганс Вайгерт стояли за ним и смотрели через плечо, как он одержимо обрабатывал мышь и клавиатуру. Напряжение витало в воздухе.

- Готово. Работает. Где диски нашего француза?

В голосе Филлигера чувствовался триумф.

- Вот!

Вайгерт протянул ему оба диска, которые он нашел у Мартена. Теперь они должны были раскрыть свою тайну!

Филлигер засунул первый диск в щель. Он нажал на несколько клавиш и экран заполнился.

- Черт!

Кулак Филлигера обрушился на стол. Вайгерт склонился вперед, чтобы видеть лучше. На экране были только запутанные цепочки символов.

- Как я и предполагал: все зашифровано!

Петер, кажется, принял это на свой счет. Клаудия молчала. На лице Вайгерта отражалось разочарование.

- Давай попробуем еще второй!

- Меня удивило бы, если бы там было иначе.

Филлигер был прав. На втором диске тоже все было закодировано.

- Что теперь?

- Я с удовольствием скажу тебе, мой друг. Теперь начинается трудная и кропотливая работа.

- Как долго это может продолжаться?

- Вероятно, дни, вероятно, недели. И за результат я не могу поручиться.

Клаудия свалилась на маленький диван, который стоял у стены рядом с компьютером.

- Не падайте духом, друзья. У нас еще полно других дел. Ганс, у тебя самый лучший кругозор. Что мы оба можем делать, пока Петер сидит перед экраном?

Вайгерт был подавлен. Все же, он цеплялся за надежду, что его друг справится с этим.

- Теперь мы должны сконцентрироваться на двух вещах. Как я узнал из сегодняшних газет, теперь и в убийстве Гринспэна появилось письмо сторонников Исламского народного фронта, где те берут на себя ответственность за покушение. Значит, нам нужно разобраться с этим поподробнее. Второе - это указание Хилльгрубера, что как Фолькер, так и Гринспэн были масонами. При этом мы могли бы...

Клаудия прервала его.

- Твои слова вполне правильны. Но есть несколько загвоздок.

- Каких?

- У нас связаны руки. Ты, Ганс, должен сидеть здесь и не высовываться, чтобы тебя не нашли, а только анализировать материал, который я доставляю. Что касается Исламского народного фронта, я смотрю на это скептически. Все, что я могу сделать, это опросить несколько экспертов по терроризму или поговорить с одним или другим мусульманским политиком. Этой идеей уже воспользовались сотни журналистов. Едва ли можно предположить, что я смогу разузнать кое-что еще, что не удалось уже другим. И как раз это мы и без того можем читать и слушать в СМИ.

- Нам тогда остаются еще масоны.

- У нас видимо есть этот след, исключительно у нас, с Хилльгрубером, конечно. Но так как твой шеф еще ничего не опубликовал об этом в «Листке», есть два объяснения: либо суп слишком жидок, либо он тебе соврал.

- А зачем ему делать это?

- Может быть, что в этом не было никакого злого умысла. Так как Хилльгрубер рассчитывает на то, что ты будешь расследовать дальше, он хотел, вероятно, только вытащить тебя с линии огня. Но, вероятно, он уже сам знает больше и хочет, чтобы ты терял время. Итак, он дает тебе след, который уводит в пусто-ту.

- Может быть, что ты и права. Но мы не можем позволить себе просто так бросить этот след. Я не могу себе представить, чтобы Хилльгрубер мне вот так наврал. И как раз поэтому мы должны за это схватиться.

- Ладно, убедил. Я сконцентрируюсь на этом. Я немного собрала еще вчера. Италия, похоже, хорошо подходит для этого. В конце концов, это у нас был наш скандал с Пи-2.

Филлигер продолжал работу, пока Аполонио и Вайгерт беседовали. Теперь он прервал свое тихое общение с компьютером.

- А что это такое?

Клаудия просветила его.

- В начале восьмидесятых годов из-за этого был большой шум. Тогда была тайная ложа, так называемая Пи-2, которая пыталась подорвать государство. Ее члены сидели на важных позициях в политике, экономике и армии. Когда разразился скандал, с удивлением узнали, насколько уже далеко зашла их подрывная деятельность. Как это было тогда в подробностях, мне нужно самой перечитать.

- Хорошо. Займись этим. Но что вы еще хотите предпринять по поводу Мартена?

Вопрос был обращен Вайгерту.

- Пока ничего. Причина для этого достаточно проста. Если кто-то из нас появится в Вевельсбурге, то очень быстро привлечет к себе внимание полиции или секретной службы ООН. Мы можем только читать то, что напишут об этом в газетах. И мы должны полагаться на тебя. Ты просто должен расшифровать записи!

Клаудия не была особо довольна прежним ходом дел.

- Послушай, Ганс. Чтобы заняться масонами и Исламским народным фронтом, ты мне не очень-то нужен. Петер тоже может в одиночку играть с компьютером. Ты, между тем, мог бы делать что-то более полезное.

- И что же, позволю я себе спросить?

Вайгерт почувствовал себя атакованным.

- Ты забыл еще один след: Тибет и этого Карла Штайнера, о котором рассказал тебе француз. Мы не знаем, в чем тут дело, но если Мартен, лежа при смерти, не нашел ничего другого, кроме как назвать тебе это имя, значит, тут есть что-то важное.

- Твои идеи замечательны. Знаешь ли ты, что произойдет со мной, если я покажу свой паспорт в аэропорту? Тогда всё! Я в розыске, моя дорогая!

- Разве кто-то говорил, что ты должен показывать свой паспорт?

- Может, мне лететь как груз, с наклейкой «бесплатный образец»?

Клаудия засмеялась.

- Идея хороша. Но моя лучше. Хоть мы и в Южном Тироле, но все же, мы в Италии. Если кто-то, вроде меня, происходит из уважаемой и совсем не голодной семьи, тогда у него есть свои контакты. Сделать для тебя новые документы не будет большой проблемой. Я знаю кое-кого. Это будет не дешево, но денежные проблемы меня пока еще не мучили. Мы немного перекрасим волосики у маленького Гансика, наденем очки ему на нос и он уже как заново родится!

- Но ты же это не всерьез! Я буду рад, если выкарабкаюсь из этого дела с убийствами, а ты хочешь, чтобы я увеличил свой список обвинений еще на пару статей! И пусть даже так, что мне тогда делать? Поехать в этот монастырь и спрашивать там о Карле Штайнере? И что, если на меня там только будут глупо тарачить глаза и говорить: «А кто такой этот Штайнер?».

- Тогда ты просто снова вернешься домой. Это так просто.

Теперь Филлигер не мог не встрять в разговор.

- Если я здесь могу вмешаться: она права, Ганс. Ты здесь едва ли мог бы помочь. А по следу в Тибет и так нужно пойти, насколько я понимаю. Ты не можешь ждать, пока я здесь не справлюсь с дисками. Может быть, мне это вообще никогда не удастся. Что тогда? Фолькер, Гринспэн и Исламский народный фронт: это бы еще как-нибудь сошлось. Но Мартен и этот Вевельсбург - большие неизвестные в этой игре. Просто попробуй!

- И чтобы достичь этого ты примиришься также с помощью уголовных преступников и обеспечишь мне фальшивые документы?

Тут Клаудия не смогла усидеть на месте.

- Так, теперь все по порядку. Если приняться рассматривать Италию по австрийским меркам, то половину итальянцев уже пора было бы посадить за решетку. Что тут такого, если воспользоваться помощью художника? Все же, этот небольшой подлог документов - такая мелочь по сравнению с возможной выгодой.

- Ты говоришь это: возможная выгода, уверенными мы не можем быть ни в чем.

- Может, у тебя есть лучшее предложение, чем сидеть здесь и читать то, что я тебе притащу? Меня интересует эта история, и я хочу действительно помочь тебе. Но, в конце концов, речь идет о тебе, и там ты можешь уже тоже сам кое-что сделать! Ничего нельзя получить просто в подарок. Риск - это часть жизни. И хороший поддельный паспорт даже нельзя назвать риском.

Вайгерт был в затруднительном положении. Действительно он не мог позволить только другим работать для себя, в то время как он сам сидел у камина и пил пиво. Но то, что там начиналось, уже почти не имело ничего общего с журналистикой. Но разве он сам не желал себе всегда такого? Действовать самому, а не только писать о действиях других? Теперь он мог это. Чувствовал он себя при этом не очень хорошо. Вайгерт попробовал последнюю уловку.

- Откуда я возьму денюжки для этой поездки? Если я где-нибудь засвечусь с моей кредитной карточкой, то лишь вопрос времени, пока они меня не найдут. Я...

Клаудия положила ему руку на плечо.

- Что касается денег, то это точно моя забота. Твоя прогулка в Тибет, во всяком случае, не потерпит неудачу по этой причине.

Тибет, 7 декабря

- Э то там наверху.

Шерпа указывал рукой в направлении склона гор. Вайгерту пришлось заставить себя посмотреть наверх. Он был измучен. Его ноги болели, голова была как будто пробита иголками, его легкие работали на пределе, из-за нехватки кислорода на высоте почти четырех тысяч метров.

Вайгерт обходными путями долетел из Рима в тибетскую столицу Лхасу. При прохождении таможенного контроля он едва смог подавить страх. Когда в Лхасе его попросили открыть багаж, Вайгерт уже думал, что его поймали. Но никто не придрал-

ся к фальшивому паспорту, который Клаудия достала для него. Только его светло-коричнево окрашенные волосы не нравились Вайгерту. Но с этим он мог жить. Главное, они не поймали его. По крайней мере, пока нет. Сначала он должен был пройти по его следу.

Из Лхасы он потом отправился в Ташилунпо. В монастыре Вайгерт с трудом, расспрашивая всех, добрался до самого высокого по рангу монаха. Только немногие из монахов знали английский язык. Но, все же, наконец, ему это удалось. И потом сюрприз. Полностью закутанный в желтое настоятель монастыря сначала только улыбнулся, когда Вайгерт спросил о Карле Штайнере. Потом он медленно кивнул головой и привел одного монаха. Через несколько минут у Вайгерта был шерпа, который приемлемо говорил по-английски. На следующий день они отправились по трудной дороге к Карлу Штайнеру.

Вайгерт с того времени уже десятки раз сожалел, что приехал сюда. Он никогда еще не чувствовал себя таким усталым и измученным, как теперь. После каждой остановки он должен был заставлять себя двигаться дальше. Никогда больше, клялся он себе каждый раз при этом. И они часто останавливались.

Механически, как робот, он ставил одну ногу за другой, иногда соскальзывал и падал. Шерпа должен был тогда снова и снова помогать ему. Одному ему едва ли хватило бы для этого силы и воли.

Где-то там наверху был Карл Штайнер, человек, которого он не знал, о котором он не знал, какую роль тот играл в жестокой игре, куда вляпался Вайгерт. Умиравший передал ему это имя. Но что он имел при этом в виду? Был ли он как-то связан с убийством Тьера Мартена и его жены? Знал ли он больше об убийствах Фолькера и Гринспэна? Что было бы, если бы Штайнер не смог помочь ему? И что было бы, если бы Штайнер не захотел помочь ему?

Уже много часов назад Вайгерт прекратил задавать себе такие вопросы. Сотни раз появлялись они, но он никогда не мог ответить на них. Когда-нибудь он просто слишком устал для этого. Ответ был там наверху, на склоне круто поднимающейся горы - вероятно...

Бесконечно медленно, как при скоростной киносъемке, следовал взгляд Вайгерта за вытянутой рукой шерпы. На правом стекле его снежных очков налип снег и мешал смотреть. Когда Вайгерт поднимал руку, чтобы вытереть его, ему казалось, что его мышцы стали свинцовыми. Он тянул руку выше сантиметр за сантиметром, противопоставляя свое последнее сопротивление силе тяжести, которая казалась всемогущей, потом рукав его анорака достиг тонированных стекол. Два, три движения и рука снова падала вниз.

Это не сильно помогло. Там, где сначала был снег, теперь были влажные следы на стекле. Один глаз видел все как через мягко рисующий объектив.

Белый цвет снега из-за тонированных очков превращался в синий, который, в свою очередь, иногда переходил в серый цвет. Вайгерт едва ли мог вынести этот цвет. Несколько часов он всегда видел только один этот цвет. Едва ли однажды что-нибудь появлялось в ландшафте, что прервало бы эту монотонность. Скоро он сойдет с ума, думал Вайгерт.

Солнце как раз пробивалось через гигантские формации облаков, которые громоздились над горами. Его лучи заставлял снег блестеть, как будто оно передавало ему привет, прежде чем оно поднялось на последний кусок вверх к большому полудню. **Солнце... черное солнце...** ради него Вайгерт был здесь.

Там наверху лежал конец его дороги, вероятно. Но, вероятно, это было только промежуточным этапом. То, что это могло бы быть только началом, такая мысль не приходила к Вайгерту. Мозг больше не понимал мысли. Он уже координировал только самые необходимые биологические процессы в его теле, с трудом удерживал то, что с большим удовольствием сдалось бы.

В трехстах, вероятно, в четырехстах метрах перед обоими мужчинами можно было заметить на склоне что-то темное. Вайгерт прищуривал глаза, открывал их вновь и пытался рассмотреть точнее. Это был маленький дом из камней, протиснувшийся между несколькими скалами, как будто в поисках защиты от несправедливостей погоды. Рядом с ним, в снегу, можно было распознать желтое пятно. Вайгерт предположил, по меньшей мере, что оно желтое. Тонированные снежные очки не позволяли ему воспринимать цвет в естественном виде.

Вайгерт еще раз закрыл глаза, открыл снова и изо всех сил сконцентрировал свой взгляд. Человек, сидевший в снегу, закутанный в желтую материю. Штайнер? Возможно, никого другого не было видно.

- Штайнер. Голос Шерпы оторвал Вайгерта от его мыслей. Не добавляя ни слова, даже не делая движения рукой, проводник Вайгерта двинулся дальше. Триста метров, может быть, четыреста. Вайгерт знал, что с этим он справится, теперь, когда у него была цель перед глазами.

Солнце все еще было заметно. Величественно оно заняло себе место между облаками, чтобы продемонстрировать свою таинственную власть. Если смотреть наверх, то можно было вопреки пронизывающему холоду здесь внизу предчувствовать жару, которую оно изливало во вселенную. И здесь все же оно слишком сильно было слабо, чтобы заставить снег таять. Лед, кажется, в этом месте торжествовал над огнем.

Пройдя еще несколько десятков метров, Вайгерт теперь мог точно рассмотреть человека. Он сидел в снегу, скрестив ноги как при йоге, предплечья покоились на его бедрах. Белые с сероватым оттенком волосы были плотны, но коротко обрезаны. Глаза были закрыты, лицо загорелое, творение солнца здесь наверху. Самое глубокое спокойствие и уравновешенность исходили из мужчины.

Вайгерт попробовал оценить возраст мужчины. Необремененность молодости, за которой сам Вайгерт снова и снова скучал, мужчина пережил уже давно, если учитывать земные измерения. Но от дряхлого возраста он, кажется, был еще далек. Он достиг, пожалуй, того подвешенного состояния между рождением и смертью, где мужчина противится судьбе, пытаясь еще раз повернуть обратно колесо времени, прежде чем он принимает судьбу как неизбежность, чтобы воспринимать бремя старения не как ношу, а как новый вызов чувствовать. Не моложе 45, не старше 55, прикинул Вайгерт.

У Штайнера было лицо с красивыми чертами. Как раз те черты, которые позволяют их владельцу достаточно легко находить успех у женщин. Несколько маленьких складок в уголках глаза, которые приписывают обычно частому смеху, выделяющийся подбородок, тонкие брови, которые слегка поседели, чтобы приспособиться к цвету волос. Если бы этот мужчина не сидел здесь в гористой глуши Тибета, его можно было бы принять за успешного бизнесмена.

Все же, Вайгерт был удивлен. На Штайнере не было ничего, кроме тонкой желтой одежды и простой обуви. Ни шапки, ни перчаток, ничего, что могло бы защитить его от холода. Пятнадцать градусов мороза, по прикидкам Вайгерта.

Он должен был давно уже услышать его и шерпу, но он не показывал никакой реакции, а только неподвижно сидел в снегу, с закрытыми глазами, медленно и глубоко дыша. Штайнер и горы, тут были только они. Два человека, которые проделали длинную, тяжелую дорогу сюда, не играли роли. Штайнер и горы, они еще были бы там, если бы оба человека снова давно отсутствовали. Они были константой во времени, как полярная звезда, которая стоит неподвижно, в то время как вокруг нее все вращается.

- Карл... Штайнер...?

Тихо и медленно срывались слова с губ Вайгерта. Больше он не мог ничего сказать. Потом он почувствовал только лишь пустоту, его ноги подкосились, и он опустился в снег. Прежде чем Вайгерт потерял сознание, ему еще показалось, что он слышит голос, говоривший по-немецки.

- Я уже ждал вас, господин Вайгерт.

Вайгерт раскрыл глаза и оглянулся. Там были цвета, настоящие цвета, каких ему так не хватало во время марша через серо-голубую монотонность. Его снежные очки отсутствовали. Он увидел, что лежит на кровати, закутанной в приятное тепло своего пухового спального мешка. Каменный домик... Кто-то втащил его сюда. Вайгерт понятия не имел, как долго он уже тут лежал.

Снаружи, кажется, было темно, но внутренняя часть хижины освещалась светом старой керосиновой лампы.

Немного шагов перед кроватью хлопотал мужчина, который раньше сидел снаружи в снегу, у маленького газового кипятильника, работавшего на пропане. Он был все еще закутан в желтую, широкую одежду, которая доставала до лодыжек, перехваченную только чем-то вроде пояса из ткани, который был дважды обвит вокруг бедра. Шерпу, проводника Вайгерта, нигде не было видно.

- Как ваши дела, господин Вайгерт?

Полный, глубокий голос Штайнера звучал дружелюбно и немного заботливо. Он говорил по-немецки – без узнаваемого акцента.

Вайгерт не ошибся. Действительно Штайнер знал его имя. Только Петер Филлигер и Клаудия Аполонио знали, что он отправился в Тибет. Он путешествовал с фальшивым паспортом, который Клаудия обеспечила ему. И монахам, которых он опрашивал в Ташилунпо о местопребывании Штайнера, он не называл своего имени.

- Откуда вы знаете, кто я такой?

- Требуются ли для этого обоснования?

Штайнер занимался дальше маленьким кипятильником.

- Я как раз и знаю это.

- Но только два человека знают, что я в Тибете.

Вайгерт вместе со своим спальным мешком уселся на кровати. Если не считать того, что его мышцы болели, он снова чувствовал себя очень хорошо.

Штайнер посмотрел на него. При этом Вайгерту бросилось в глаза, что у него были голубые глаза. Взгляд заставлял предположить сильную волю, которая скрывалась за ним.

- Есть такие вещи, господин Вайгерт, которые вы не можете понимать, как бы вы не старались.

- Или вещи, о которых вы не хотите сказать мне.

Штайнер не ответил, а поставил наполненный водой чайник на газовый кипятильник. Потом он засыпал внутрь что-то, что выглядело как травы.

Вайгерт пришел, потому что он принял вызов, брошенный ему судьбой. Он хотел кое-что узнать, но он не знал, с чего и как он должен был начать. Пьер Мартен назвал ему перед смертью имя Штайнера. Он решил начать с этого.

- Откуда вы знали Пьера Мартена?

Штайнер, казалось, был доволен приготовлением чая. Он сел на выступ стены, прямо напротив Вайгерта.

- Мартен нашел меня, так же, как вы тоже нашли меня.

- Нашел? Значит ли это, например, что вы здесь спрятались?

Штайнер улыбнулся, но ничего не сказал.

- Вы не очень разговорчивы. Ну, неудивительно для человека, который ищет уединенности в этом мире гор.

- Слова – это только один путь, чтобы что-то сообщить.

- Вещи, которые я хочу знать, можно сообщить только словами.

- Вещи, которые вы хотите знать, избегают слов.

- Меня радует, что вы, кажется, знаете мои желания.

Вайгерт немного подумал.

- Все же, Карл Штайнер, это правда?

- Были времена, когда меня звали так. Здесь в Тибете людям с таким именем мало что светило. Только в Ташилунпо меня знают под таким именем.

Что означала эта тяга делать из всего тайну? Если Штайнер знал, что он придет, тогда он мог бы своевременно исчезнуть. Так как он остался, Вайгерт предполагал, что он сам хотел поговорить с ним. Но, вероятно, он только хотел знать, что точно хотел Вайгерт, чтобы потом того постигла та же судьба, что и Мартена.

Вайгерт считался с такой возможностью. Особо серьезно он ее, правда, не воспринимал. Все же, он позаботился заранее. В его рюкзаке лежал маленький пистолет, который он приобрел в Лхасе. И рюкзак стоял рядом с кроватью. Было непохоже, что кто-то во время его сна в нем ковырялся.

- Как вы сюда, собственно, попали?

- Если я начну рассказывать это вам, Вайгерт, то вы вступите на почву, которую вы, возможно, уже не сможете снова оставить.

Мужчина говорил загадками. Или это могла быть угроза? Вайгерт покосился на свой рюкзак.

- Давайте лучше начнем. Откуда вы приехали?

- Из Германии. Разумеется, из той Германии, которую вы знаете только по учебникам истории.

Вайгерт размышлял. Штайнер был старше его лет на десять или двадцать. Время, о котором он говорил, могло быть только до объединения Федеративной республики с ГДР, которое случилось в 1990 году.

- Из Западной Германии или из Восточной?

Лицо Штайнера оставалось неподвижным. - Ни той, ни другой.

- Что значит, ни той, ни другой?

- Я прибыл сюда из Германии в 1942 году.

- Ребенком?

- Нет. Молодым человеком.

- Едва ли! Тогда вам должно быть сейчас больше девяноста лет!

- Девяносто один год, чтобы быть точным.

Штайнер собирается ему сказки рассказывать? Мужчина ни в коем случае не выглядел на 91 год. Вайгерт решил пока оставить этот вопрос, тем более, что у него было впечатление, что Штайнер говорил об этом всерьез.

- Предположим, вы говорите правду. Хотя я уже должен заметить, что для девяносто-однолетнего человека вы очень молодо выглядите...

- Я уже говорил: есть вещи, которые вы не можете понять.

- Если мы предположим, что вы говорите правду. Я вполне могу понять, что движет человеком, чтобы сбежать из национал-социалистической Германии, однако, я при всем желании не знаю причин, почему ему нужно убежать именно в Тибет.

- Вы ошибаетесь, Вайгерт. Тогда я не убегал.

- Вы не убегали?

- Нет. Я был членом немецкой экспедиции.

- Вы исследователь?

- Некоторым образом.

Он поднял руку, когда Вайгерт пытался что-то сказать. Теперь была очередь Штайнера, если это так можно назвать.

- Если производить исследования означает стремиться к познанию, тогда я и мои товарищи были исследователями, пусть даже очень условно в классическом смысле. Нас было тринадцать человек, когда мы 7 июля 1942 года отправились в путь из Берлина. Нас выбрали рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер, и Карл Хаусхофер.

- Минуточку!

Вайгерт просто перебил Штайнера.

- Значит ли это, например, что вы были членом СС?

- Все тринадцать принадлежали к Черному ордену, к СС, как вы говорите.

Вайгерту стало жарко: СС - Вевельсбург - **черное солнце** - покушения! Фолькер, президент Европейского центрального банка, был застрелен в Вене. Гринспэн, член Совета Безопасности ООН, поймал пулю в Нью-Йорке. Выжгли **черное солнце** на лбу у обоих. Мир обвинял Исламский народный фронт. И эсесовец Штайнер сидел в тибетских горах, прибыв из Германии в 1942 году, и уже ждал его.

В данный момент только хаос господствовал в мыслях Вайгерта. Подходить систематически, приказал он себе. Вопрос о покушениях на Фолькера и Гринспэна Вайгерт хотел перенести на потом. Сначала более простая часть.

- Что искали СС в Тибете? У них были другие заботы, кроме как убивать людей?

Вайгерт не скрывал свою антипатию. Сам по себе Штайнер не был несимпатичен ему, но теперь...

- Я понимаю вашу антипатию. В конце концов, вы - только однажды-рожденный.

Штайнер улыбался. Вайгерт не понимал, что тот подразумевал под этим.

- Ваше представление об СС - это картина поверхностного наблюдателя. Вовсе не потому, что вы, возможно, знаете слишком мало об этом. Даже если бы вы прочли все книги мира на эту тему, ваше представление не изменилось бы.

- Вы ожидали, видимо, что я должен одобрять то, что происходило тогда?

- Речь ни в коем случае не идет об этом. Хорошо или плохо, это остается предоставленным вам. Речь идет о таких вещах, Вайгерт, для которых в вашей банальной системе мира нет места.

Штайнер говорил это без антипатии или самонадеянности, лишь что-то похожее на небольшую снисходительность было в его голосе. Он встал с выступа стены, присел

на корточки рядом с кипятивником и взял ручку чайника, в котором дымился чай. Штайнер пододвинул сосуд к Вайгерту.

- Что вы видите?

Вайгерт был озадачен и в то же время сердит.

- Чайник.

- Вот-то то и оно, Вайгерт. Вы видите чайник, но не руку, которая его держит, которая двигает его, которая, в конечном счете, определяет, что происходит с ним. Потому что чайник скрывает руку.

- Прекрасно. Но чем чайник связан с СС?

- И с СС тоже. Но, прежде всего, с историей.

Штайнер налил чай в две глиняные миски, которые стояли на земле рядом с кипятивником. Он взял обе и подал одну Вайгерту. Когда тот взял ее, то увидел узор на ней: черное солнце! Выжженное в глине, как в коже людей! Рука Вайгерта дрожала. Несколько капель чая капнуло на его спальный мешок.

- То, что вы видите в истории или в политике, это события, которые вы можете воспринимать: революции, войны, выборы, изобретения, идеи. Если вы ищете причину события, то опираетесь на другие события и пытаетесь выстроить причинно-следственные связи. Но и все эти события тоже лежат в ограниченной области вашего восприятия. При этом они всегда остаются на уровне, на котором вы можете слышать, видеть, читать, понимать и думать. Вещи, которые лежат по ту сторону этого порога, в реальном мире, в котором вы, как вы верите, двигаетесь, не имеют никакого значения - не имеют для вас, а также не имеют для многих других. Вы близоруки, Вайгерт. Вы не узнаете руку за чайником, и вы узнаете историю только тогда, когда она проявляет себя в материальном мире. Но тогда она больше повинуется только силам, которые давно развернулись в другом месте.

- И какие силы должны это быть? Судьба? Провидение? Бог?

В голосе Вайгерта был циничный оттенок. Штайнер, кажется, проигнорировал это.

- Я верю в божественную силу, так как я верю в себя и в то, что я видел, пусть даже и не органами чувств, которыми видите вы.

Может, Штайнер сумасшедший? Не в клиническом смысле, вероятно, думал Вайгерт. Но, вероятно, он в Тибете попал под власть какой-то религиозной иллюзии. Буддийский эсесовец из Третьего Рейха, который исполнял длящееся десятки лет раскаяние в горах? Вайгерт должен был узнать, почему он и его товарищи прибыли в Тибет и, вероятно, еще более важно, почему Штайнер все еще был там.

- Вас и других людей послали сюда в 1942 году, как утверждаете вы, по меньшей мере. Но что было так важно в вашей миссии, что лично Гиммлер выбирал вас? Или, спросим иначе, какая связь существовала между Третьим Рейхом и Тибетом?

- Теперь я постараюсь сначала тоже оставаться в понятном для вас мире. Там часто случаются вещи, перед большими событиями или одновременно с ними, которые вы узнаете как историю, очень хорошо доступные таким людям как вы.

Все же, вы считаете их незначительными или совсем их не замечаете. Вы знаете историю Третьего Рейха, вероятно, так, как ее вообще представляют все. Был один человек, талантливый оратор и бессовестный в своих методах, и это был Гитлер. У него была его партия, НСДАП. И тогда, наконец, были там еще так называемые обстоятельства. Экономический кризис двадцатых годов, поражение немцев в Первой мировой войне и так далее. Все это вместе как раз дало в итоге историю, как она протекала, наконец. Захват власти НСДАП, война, крушение. Ничего иного как достойная сожаления историческая случайность, так сказать. Но так ли это на самом деле?

- Почему бы и нет? Но я спрашивал вас о связи между Третьим Рейхом и Тибетом. Что с ней?

- Сначала я пытался представить историю так, как вы, вероятно, видите ее. При таком рассмотрении экспедиция СС в Тибет может быть в лучшем случае гротескной деталью где-то в стороне от основных процессов. Бессмысленная, незначительная, о которой можно забыть. Но есть и другая версия истории. Версия о руке за чайником. И в этой версии Тибет играет гораздо более значительную роль. Я говорил уже о том, что в выборе участников экспедиции наряду с Гиммлером участвовал также Карл Хаусхофер...

- Кто это был? Я никогда еще не слышал это имя.

- Я ведь говорил, что есть вещи, которые вы просто не замечаете. И, все же, вы верите, что сможете так понимать историю. Карл Хаусхофер был одним из самых важных людей Третьего Рейха. Так сказать, одна из рук за чайником, если вы хотите такое сравнение. И, все же, только немного людей хотя бы относительно знают о нем. И еще меньше знают об его настоящем значении. В университетских кругах о научной деятельности Хаусхофера знают мало. Он считается одним из основателей геополитики. После войны ему поставили в вину, что он якобы вдохновил Гитлера на концепцию жизненного пространства Гитлера. В определенном виде это также правильно, пусть даже это было и далеко не таким образом, как представляют. Впервые Хаусхофер был в Тибете, задолго до того, как Адольф Гитлер появился в Германии на политической сцене.

- И? Что же в этом важного?

- Вы хотели знать, почему я прибыл сюда. Я как раз пытаюсь объяснить это вам.

- Извините.

Вайгерт был настолько взволнован что – вопреки своим прочим журналистским привычкам – никак не мог дать своему собеседнику по настоящему высказаться.

- Хаусхофер завязал контакты с посвященными Желтых шапок во время Первой мировой войны. Желтые шапки – это секта, основанная в 1409 году тибетцем Тонкапой, реформатором буддизма. До сегодняшнего дня у них в Тибете есть большое влияние. И не только в Тибете. Контакты между Хаусхофером и Желтыми шапками привели к тому, что в двадцатые годы несколько тибетских общин образовались в Германии. Многие из них поддерживали контакты с важными личностями становившейся тогда все сильнее НСДАП. Хаусхофер устанавливал их. Тогда после 1933 года, прежде всего, по инициативе **Аненэрбе** было проведено несколько экспедиций. Та, в которой был я, была последней.

- Вы понимаете, что я не настолько знаком с некоторыми вещами как вы. Что это за **Аненэрбе**? «Наследие предков»?

Аненэрбе было исследовательским управлением с несколькими десятками институтов. Оно подчинялось СС. Официально оно занималось научными работами в области предыстории и ранней истории, прежде всего, естественно, германской. Но это были только вывески для непосвященного народа. Гораздо более важными, но куда менее известными, были несколько отделов, занимавшихся вещами, которые вы, пожалуй, назвали бы оккультными.

- Могу ли я сделать из этого вывод, что настоящая связь между Третьим Рейхом и Гималаями была оккультной?

- Да, это будет верно.

Одно казалось ясным: Штайнер говорил в трезвом и деловом тоне. Он легко извлекал из своей памяти вещи, которые случились десятилетия назад. И в остальном он тоже ни в коем случае не производил впечатление чокнутого.

Но что он хотел сказать своими высказываниями? Вайгерт размышлял. Он уже слышал о том, что у Гиммлера были некоторые причуды. В одной книге он прочитал, что шеф СС требовал, чтобы ему предсказывали будущее по звездам. Ну, пусть, это и американские президенты тоже делали. Почему бы тогда и не несколько экспедиций в Тибет? Конечно, этот аспект Третьего Рейха казался ему действительно странным. Если он был правдив. Наконец, Штайнер мог ему просто все это наврать. Но какое у этого было значение? И прежде всего, чем это было связано с Фолькером, Гринспэном или Мартеном? Они были убиты сейчас, спустя десятилетия после конца Третьего Рейха.

Вайгерт отхлебнул своего чая. Всему свой черед, подумал он.

- И что же это была за... оккультная... связь?

Штайнер посмотрел на него, как будто обдумывая, что он должен сказать ему теперь. Прошло пять, десять секунд, потом он заговорил.

- Мы были в поисках существ из Туле.

- Туле?

- Я вижу, это имя вам ничего не говорит. И, все же, я уверен, что вы уже слышали об этом, пусть даже как легенду.

- Какую легенду?

- Легенду об Атлантиде. Или же правду о Туле.

Легенда? Правда? Атлантида? Штайнер сейчас совсем сорвался с катушек?

- Что вы под этим понимаете?

- Двенадцать тысяч лет назад в огромной катастрофе погибла империя, каких до сегодняшнего дня никогда больше не существовало на свете. Туле была империей расы, которая происходила от богов. Эта раса располагала неописуемым знанием, которое выходило за грани известного сегодня. Но это было не тем знанием, как мы понимаем это сегодня. Человек современности дегенерировал. Он может охватывать только то количество вещей, которые могут воспринимать его пять органов чувств. И он может обрабатывать эти вещи только согласно законам логики и рациональности. Существа из Туле, напротив, так же жили в духовном мире, как и в материальном.

Вайгерт смотрел непонимающе, но Штайнер не обращал на это внимание. В его глазах появился особенный блеск. Он просто продолжал.

- Некоторые из существ из Туле пережили катастрофу, которую Библия описывает как всемирный потоп. Они двинулись в мир и натолкнулись там на истоки человечества, которое как раз делало свои первые шаги в истории. Они почитались как боги, неудивительно, так как они и происходили от них. Их способности очаровывали людей, у которых не было объяснений этому. Но что существа из Туле могли бы сделать с людьми? Этот вопрос расколол последних потомков богов. Одни хотели сделать из людей, если время для этого наступило, подобных себе. Они хотели передать им дуновение божественного и позволить им получить долю их гигантских знаний, позволить им подняться к новым высотам. Другие хотели, чтобы люди оставались теми, кто они есть. Эта группа хотела и дальше почитаться как боги. Для них люди были ничем иным как стадами более высокоразвитых животных, которые требуют руководства пастухов. Они не хотели делить свои божественные знания ни с кем, так как они сами чувствовали себя как боги. И поэтому случилось так, что существа Туле раскололись на две группы. Одни пошли путем левой руки и назвали

себя по имени их оракула **Агарты**. Другие, которые пошли путем правой руки и хотели дальше почитаться как боги, стали называться **Шамбала**. Но обе группы, даже группа **Шамбала**, в течение тысячелетий смешивались с людьми, так что они внешне все больше становились похожими на них. И, все же, переданные из **Туле** знания сохранились до сегодняшнего дня. Но обе группы, **Агарты** и **Шамбала**, тысячелетиями борются друг против друга. И разная судьба, которую они предназначили людям, - вот причина этого.

- И если они не умерли, то они живут еще сегодня. - Вайгерт не делал никаких усилий, чтобы скрыть свою оценку сказанного. - И как идет история дальше? Чем она связана с Тибетом?

- Тибет потому, что после катастрофы **Туле** одна из самых больших оставшихся в живых групп прибыла в Гималаи. Так как у них здесь долго не было контакта с людьми, они дольше сохранили свои знания и способности, чем другие, у которых так кое-что было утрачено. Когда эта группа потом столкнулась с людьми, она выбрала путь **Агарты**.

Политическое убийство было поводом для цепи событий, которые стоили Вайгерту работы, довели его до грани ареста и, наконец, привели в Тибет. И теперь что-то такое! Его статья, история, в которую он ожидал внести здесь ясность, становилась вместо этого все сложнее. Люди из **СС**, преданные тысячелетнему мифу и искавшие в Тибете остатки погибшей расы, в то время как снаружи, в мире, который он был готов признать как единственный, происходили вещи, которые, как кажется, находились в связи с этим. Как говорил Штайнер? Вы не видите руку за чайником.

- Вы тоже теперь считаете, конечно, все это вздором, легендой, как и многие другие. И вы тоже учитываете ту возможность, что я рассказываю вам ложь. Не так ли?

Штайнер вопросительно поднял брови.

- Да, это так.

- Примите пока следующее соображение, господин Вайгерт: спокойно рассматривайте то, что я рассказал вам об империи **Туле**, как сказку. Вы понимаете, вероятно, что я думаю не так. Но если бы я был на вашем месте, я, вероятно, воспринимал бы это именно как сказку. Все же, даже если вы то, что я рассказал вам теперь, рассматриваете только как легенду, то вы должны подумать об одном: в эту легенду, как и во многие другие, верят люди. И так как они верят в нее, они по ней определяют свою деятельность. И так то, что вы, Вайгерт, в лучшем случае готовы признать как миф, трансформируется в другой, осязаемый и для вас, конкретный мир. Так как люди, ведомые их верой, создают события в том реальном мире, который доступен также вам. И эти события, в свою очередь, влияют на историю, на ту историю, которая известна таким людям как вы. И, все же, ее корни уходят в тот мир, которого для вас просто не существует, господин Вайгерт.

Вайгерт напряженно слушал. Естественно, это была легенда. Но не был ли Штайнер с его аргументами все же прав? Но при таком рассмотрении все было собственно просто и сложно одновременно. Вайгерт погнался свои мысли дальше. Что было бы, если бы многие личности в истории или в нынешней политике верили в такие вещи? Тогда едва ли было бы хоть какое-то действие, которое можно было бы с полным правом считать рациональным. Не была ли также эра, из которой прибыл Штайнер или утверждал, что прибыл, чем-то в высшей степени нерациональным? Если бы это было так, то мир был бы только больше взаимодействием сил...

-... эзотерических идей.

Вайгерт испугался, так как Штайнер довел до конца его предложение, которое было только в его голове.

- Что вы там говорили?

Замешательство Вайгерта возрастало.

- Эзотерические идеи. Если мы предположим, что значительные люди верят в такие идеи и в соответствии с ними направляют свои действия, тогда история - это больше не только соревнование народов, партий или экономической мощи, но и - и я сказал бы, прежде всего, - соревнование таких идей. Это было бы, по меньшей мере, гипотезой, которую вы могли бы принять, раз уж вы предполагаете, что эти идеи не действуют сами по себе.

Подхватил ли Штайнер только случайно ту же мысль? Должно было быть, пожалуй, именно так.

- Теперь...

- Сомневались ли Вы когда-нибудь в Библии?

- Кто же в ней не сомневался?

- Извините, мой вопрос был несколько неточен. Я имел в виду, сомневались ли вы когда-нибудь в силе Библии, не в ее содержании.

Вайгерт задумался. Штайнер продолжал. При этом улыбка играла на его устах.

- Даже если вы не верите в то, что провозглашают Ветхий и Новый завет, вы все же согласитесь, что христианство значительно повлияло на историю. Если бы все люди, так же как вы, не верили бы в это, то такое влияние было бы не-вообразимым.

Хорошо, до сих пор Вайгерт был готов дойти. Однако ему медленно начинало казаться, что даже этот маленький шаг, который приводил его только к грани понимаемого им мира, и еще далеко не заводил его за эту грань, был для него равен революции.

История и политика как соревнование нерациональных идей, потому что люди верили в них. Логика, которая следовала из этого, была слишком веской, чтобы просто так отбросить ее. И, все же, никто не думал сегодня серьезно учитывать такие вещи, если речь шла об объяснении исторических и политических событий. Также он, политический журналист, никогда еще не задумывался об этом. Собственно, непростительная ошибка. Требовался ли для этого действительно только взгляд на черное солнце на лбу мертвеца?

- Как вы теперь можете понять, вероятно, несколько лучше, Тибет ни в коем случае не был поэтому только личной причудой Гиммлера. Для руководства Третьего Рейха было очень важно вести поиски именно здесь. И, все же, это был только маленький камешек в гигантской мозаике.

- Мозаике уничтожения.

Вайгерт должен был излить свою антипатию и, все же, он чувствовал, что его моральные измерения просто не имели силы здесь, в Гималаях, лицом к лицу со Штайнером. Они были человеческие, но Штайнер говорил о богах.

- Когда вы говорите об уничтожении, то вы, конечно, имеете в виду войну и лагеря, вещи, которые вы наверняка воспринимаете как неповторимые в истории, в отрицательном смысле, разумеется. Но думали ли вы уже, как это могло случиться?

Вайгерт был несколько поражен вопросом. Но потом для него прояснилось, что Штайнер только хотел позволить ему рассказать, чтобы дать высказаться представителю одной действительности. Тогда Штайнер высказался бы со своей стороны как представитель другой действительности.

- Я предполагаю, что моя версия другая, чем ваша. И я исхожу в дальнейшем из того, что моя версия знакома вам. Она совпадает с тем, что можно найти в учебниках по истории. Как это было, если вы сразу начнете?

- Заметно, что вы журналист.

После того, как Штайнер знал его имя, собственно, не было удивительно, что он знал также и о его профессии. Все же неуверенность Вайгерта росла.

- Для вас история Третьего Рейха начинается, вероятно, с подъема НСДАП в двадцатые годы. Еще в 1923 году, когда Гитлер и его люди маршировали к мюнхенскому «Фельдхеррnhалле», Залу полководцев, партия и ее руководитель были не больше чем локальными баварскими явлениями. Все же, направление всего, что еще должно было случиться, было установлено уже на годы раньше: приход к власти в Германии, сооружение государства в соответствии с абсолютно новыми закономерностями, стремление к экспансии в Европе и за ее пределы.

- Если я исхожу из того, что мировоззрение Гитлера и самых важных его последователей сформировалось до их вступления в политику, то мне это не кажется удивительным. В конце концов, насколько я помню, Гитлеру было уже тридцать лет, когда он вступил в партию.

- В этом вы правы, хотя и в совсем другом смысле, чем вы предполагаете.

- Не могли ли бы вы выразиться точнее?

- Охотно. 26 декабря 1923 года, когда Гитлер после неудачного путча сидел в тюрьме, некий Дитрих Эккарт умирал в Мюнхене. За несколько минут до смерти, он сказал: *«Следуйте за Гитлером! Мы дали ему средства, чтобы находиться в связи с НИМИ. Не печальтесь обо мне, друзья. Я оказал на историю больше влияния, чем какой-либо иной немец. Гитлер будет танцевать, но музыку для его танца сочинили мы»*. Эккарт был...

- Умирующие много говорят и не всегда полностью владеют своими умственными силами.

В голосе Вайгерта появились прокурорские нотки, как будто он перед судом заявлял о **«виновности»** подсудимого.

- Я понимаю, что вы должны ставить вопросы, критические вопросы как журналист. Все же, я думаю, что мы здесь ведем не тот спор, при котором одна сторона должна убедить другую, что ее точка зрения правильная. Это и без того не-возможно, так как мы приходим из двух различных миров. Я очень хорошо знаю ваш мир, но вы не знаете моего. Послушайте то, что я должен рассказать вам. Поразмышляйте над этим, проверьте факты, когда снова вернетесь в Европу, и тогда вы поверите в это или же отвергнете, как вам самим будет угодно.

- На это вы можете положиться.

- Итак, Дитрих Эккарт был поэтом и писателем. Среди прочего он написал тогда вызвавшую большой интерес интерпретацию **«Тера Гюнта»**. Он был представителем богемы, который охотно вращался в мюнхенском свете. Впрочем, все это дело второстепенное. Прежде всего, он был посвященным общества **«Туле»**.

- Я могу, пожалуй, предположить, что это имя было заимствовано из легенды, которую вы рассказали мне сначала?

- Правильно. Общество было основано 17 августа 1918 года. Его ложи находились в мюнхенском отеле **«Четыре времени года»**. Учредителем был некий Рудольф фон Зеботтендорф, правильное имя которого было Рудольф Глауэр. Зеботтендорф провел много лет на Ближнем Востоке, где он поддерживал контакт с многочисленными оккультными обществами. Наконец, он вернулся в Германию. Там он столкнулся с Германом Полем, магистром Германского ордена, к которому он присоединился.

Зеботтендорф стал магистром баварских организаций этого ордена во время зимнего солнцестояния 1917 года. В июне 1918 года он купил газету «Мюнхенский обозреватель», редакция которого тоже переместилась в «Четыре времени года». Позже из этой газеты появился «Народный обозреватель», «Фёлькишер беобахтер» - партийная газета НСДАП, как вы, конечно, знаете.

Зеботтендорф хотел, чтобы его эзотерические идеи развили власть также в реальном мире. [Общество «Туле»](#) должно было стать связующим звеном между обоими мирами. Оно должно было стать трамплином для тех, кто действительно стремится к освящению. Одновременно оно должно предложить, ну, нормальным людям возможность идентифицировать себя с этим. Потому создается, так сказать, профанская, популярная версия настоящих знаний. Чтобы достигнуть влияния, подходят, прежде всего, к важным личностям. Пытаются завоевать на сторону общества «Туле» политиков, журналистов, предпринимателей, офицеров, врачей, адвокатов и других. И это удается. Так как там собирается все больше влиятельных людей, к ним присоединяются следующие, чтобы извлечь пользу из контактов среди братьев по ложе. И, все же, их объединяет, одних больше, других меньше, общая система мира, которую представил им Зеботтендорф и в которой они могут находить себя. Ничего удивительного, так как эта мифологическая система мира в общем содержала в себе достаточно, чтобы предоставить каждому - в пределах определенной рамки, естественно - его собственную интерпретацию. Естественно, не Зеботтендорф изобрел эту стратегию. Посмотрите хоть раз на политику под этим углом зрения. Вы увидите, что очень часто так закладывается фундамент для более позднего, внешне внезапного появления идей и организаций. Но начиналось это часто задолго до того, незаметно для общественности и незаметно также для журналистов как вы, господин Вайгерт.

Скоро уже много влиятельных членов мюнхенского высшего света принадлежали к обществу «Туле». Сверх того, однако, там собираются и действительно посвященные: Альфред Розенберг, друг Дитриха Эккарта и впоследствии главный идеолог НСДАП, Рудольф Гесс, в будущем заместитель Гитлера, но также и Карл Хаусхофер, о котором я вам уже рассказывал. Я не хочу надоедать вам дальше перечислением имен, но вы вполне можете исходить из того, что к обществу «Туле» принадлежали или были близки, по меньшей мере, практически все личности, которые влияли на более позднюю политику НСДАП и Третьего Рейха.

Ах да, НСДАП: как фокус идей, так сказать, как средство передвижения в реальном мире, естественно, это тоже было творением общества «Туле». Братья «Туле» Антон Дрекслер и Карл Харрер по распоряжению общества основали в 1919 году Немецкую рабочую партию, DAP, которая в феврале 1920 года была переименована в Национал-социалистическую немецкую рабочую партию. Когда Гитлер через несколько месяцев после основания DAP присоединяется к ней, он включается в сеть из людей «Туле»: руководителем является Макс Аманн. Главным редактором партийной газеты, «Народного обозревателя», является Дитрих Эккарт. Его заместителем является Альфред Розенберг. Также знак партии - свастика - который потом затянул за собой миллионы людей, появился из кругов «Туле».

Зеботтендорф выполнил всю работу. Он посеял то, чему суждено было взойти в полной мере только много лет спустя. Для него пришло время исчезнуть. Он сам писал тогда: *«Общество «Туле» выполнило свою задачу, оно должна было уйти, чтобы могло прийти новое, которое уже стояло на пороге».*

С подъемом НСДАП общество утратило свое формальное значение. То, что раньше собиралось в нем, теперь собиралось в партии. Но идея продолжала жить, так как оно никогда не была настолько бессильным, чтобы довести это только до идеи. В 1930 году, наконец, общество *«Туле»* было ликвидировано, Зеботтендорф исчез. 9 мая 1945 года, через один день после конца войны в Европе, его труп вытащили из Босфора.

Пока Штайнер говорил, Вайгерт вытащил бумагу и карандаш из рюкзака и принялся делать заметки. Штайнер, похоже, не имел ничего против.

- Квинтэссенция того, что вы мне рассказываете, состоит, таким образом, в том, что у истоков НСДАП и вместе с тем, собственно, также у истоков Третьего Рейха стояло тайное общество, которое выводило свою деятельность, прежде всего, из эзотерических идей. Но ведь тогда национал-социализму скорее подходил бы характер секты или религии, чем политического движения?

- Я вижу, вы начинаете понимать. Герман Раушнинг, бывший президент сената Данцига, который со временем ненавидел партию, писал об этом: *«В сущности, каждый немец одной ногой стоит в Атлантиде. Там он ищет лучшей участи и лучшего наследия. Эта двойственность природы, способность жить в двух мирах, проецировать воображаемый мир в мир реальный, особенно свойственна Гитлеру и его «магическому социализму». Для всех обделенных национал-социализм - это мечта о великой магии».* Но кто тогда действительно принимал всерьез Раушнинга и некоторых других? Пожалуй, нет другого исторического периода, который бы настолько точно и подробно исследовался и анализировался бы, как период национал-социализма. Но картина мира историков - это картина реального, исчислимого и измеримого. Даже если они наталкивались на вещи, которые дали бы им возможность заглянуть за кулисы, они не сделали из этого серьезных выводов. При этом им следовало бы только воспринимать Гитлера, которого они неоднократно воспринимали чрезвычайно серьезно в прочих аспектах, всерьез и тогда, когда он говорил: *«Вы ничего не знаете обо мне, мои члены партии понятия не имеют о мечтах, которые двигают меня и о грандиозном здании, фундаментные стены которого будут стоять, по меньшей мере, когда я умру. На Земле совершится переворот, который вы, непосвященные, не смогли бы понять. То, что происходит здесь, это больше, чем появление новой религии, это воля к сотворению нового человека».*

Историки объясняют такое и похожие высказывания только манией величия, так как это выходит за грани измерений, в которых они думают. То, что за человеком, который от неудачливого художника из ничего поднялся до господина всей Европы, возможно, стояло нечто большее, чем несчастливое стечение обстоятельств, вообще на самом деле никогда не приходит им в голову. И если бы они действительно

занялись оккультной подоплекой, их бы самих обвинили в оккультизме. В мире рациональности это был бы их научный смертный приговор.

Вайгерт, как безумный, записывал это все в свою записную книжку. Произнесенное только постепенно проникало в его мысли, связывалось там с другими и создавало новые.

- Предположим, что вы в этом правы. Но во всем этом деле, однако, все равно есть одна загвоздка.

- И какая же?

- Предположим, члены такого тайного общества действительно разработали план создать партию и тем самым добиться власти в одной стране или, если получится, и в других странах тоже. Я вполне могу себе представить, что они с помощью соответствующих механизмов могли получить доступ к важным рычагам власти. Но что я себе совсем не могу представить, так это то, что такой план действительно полностью мог бы воплотиться. Потому что ваши верховные эзотерики действовали, в конечном счете, в мире профанов. И там существуют еще совсем другие вещи, которые играют роль. Что было, если бы не было экономического кризиса, который привел так много людей в руки Гитлера? Что было, если бы правительство быстро расправилось с НСДАП и ее предводителями? Что произошло бы, если бы, например, французы не проглотили бы молча занятие Рейнской области и не преподали бы урок тогда еще слабой с военной точки зрения Германии? Что было бы, если бы Гитлера застрелили во время путча 1923 года? Вы, Штайнер, всегда сами говорите о двух мирах. Я согласен на минутку признать это, не потому, что я действительно в это верю, а потому, что в противном случае у нас уже не было бы больше никакой общей основы для беседы. Все же, если ваш мир спускается в мой мир, то там он повинуетя также и его законам. Такое предприятие, так сказать, с нуля до ста, не поддается планированию заранее. Уж слишком много там непредсказуемостей, которые вполне могут кому-то перечеркнуть все его расчеты. Вот как раз это и разрушает ваши теории всемирного заговора.

- Эзотерические знания не могут превращаться в политические цели в соотношении «один к одному». Они могут принимать много различных форм проявления. Посвященные общества «Туле» создавали НСДАП с ее программой, так как это обещало успех ввиду подоплеки тех времен. В другой момент они создали бы что-то другое. Настоящее знание всегда стоит выше формы его проявления в реальном мире, потому что форма эта преходящая. А знание нет. Кстати, именно это мешает таким людям, как вы, понимать подлинные силы истории. Они всегда снова и снова изменяют их вид, но все же никогда не изменяют их ядро, которое остается, конечно, скрытым для вас, Вайгерт. Люди, которые связываются с этими силами, мыслят совсем другими эпохами. Продолжительность жизни человека - там это только дымка бренности.

Вот в этом у вас уже и есть ответ на ваши сомнения. Если бы непредсказуемости, о которых вы говорите, наступили, то была бы предпринята в этом случае как раз какая-то

другая попытка - с другими структурами, в другом месте или в другое время. Посвященные не знают низких потребностей быть обязанными пожинать плоды их трудов еще во время их земной жизни.

Естественно, вы правы, когда говорите, что при спуске в реальный мир в игру вступают и законы реального мира тоже. Люди общества «Туле» воспользовались этим. Они просчитали возможности, которые давало им время. И они гибко реагировали на изменения, если было необходимо. Такие люди не нуждаются ни в какой политической догматике, так как они черпают свое предназначение из совсем других источников. Только профанам нужно давать постоянные ценности, чтобы у них было что-то, за что они могли бы держаться. Эти люди уже завтра хотят видеть успех их усилий, успех, который они могут «взять в руки» и понять. Посвященный служит идее, которая, вероятно, только послезавтра охватит также и земной мир, а если не послезавтра, тогда в следующем тысячелетии.

Медленно Вайгерт начал понимать, что здесь лежал ключ к его истории. До сих пор Штайнер и он говорили только о событиях, произошедших десятилетия назад. Но Вайгерт приехал сюда, чтобы найти след **черного солнца**, солнца, смертельные лучи которого охватывали сегодня его жертв. Штайнер был как-то связан с этим, это несомненно, даже если он до сих пор говорил только о событиях, давно ставших историей. Если Штайнер участвовал в обоих покушениях, то для него вряд ли имело значение, одним трупом больше или меньше. Вайгерт схватил свой рюкзак, чтобы поставить его поближе к кровати, на которой он все еще сидел. В крайнем случае он хотел как можно быстрее добраться до пистолета, потому что у него не было никакого желания стать очередной жертвой **черного солнца**. Штайнер прервал его усилия.

- Вам не нужно бояться, господин Вайгерт. У меня нет никакого интереса забирать у вас вашу и без того преходящую жизнь. Чтобы облегчить вам противоположное решение, я позволил себе вытащить ваш пистолет из рюкзака. Единственное оружие, которое вам здесь чем-то может помочь, это ваш дух. Используйте его! Это единственный шанс выпутаться из ваших личных неприятностей!

Вайгерт испугался.

- Что вы знаете об этом?

- Например, что вас разыскивают из-за убийства двух человек.

Проклятье! Вайгерт опустил рюкзак. Что Штайнер собирался сделать с ним? Штайнеру, очевидно, была знакома ситуация, в которой был Вайгерт. И, все же, он рассказал ему свою версию истории. Хотел ли он использовать его? Вероятно, как маленький камешек в той неизвестной мозаике, которую он демонстрировал перед ним?

- Вот и хорошо, Вайгерт.

Голос Штайнера теперь был снова спокоен.

- Никто не может требовать от вас, чтобы вы отправились в пещеру льва – по меньшей мере, с вашей точки зрения – не приняв мер предосторожности. Я и сам сделал бы так же.

- Если мы уже дошли до этого, то, кажется, пора в наших рассуждениях вернуться к современности. Давайте разберемся: если то, что вы рассказываете, правда, тогда должны существовать структуры, которые сохраняются в течение веков и берегут традиции и тайные знания. И иногда они из своего мира хватаются за колеса реально существующей истории.

Вайгерт содрогнулся, внезапно осознав последовательный вывод из его мыслей. Там был он, мост, который он искал! Взволнованно он продолжал.

- И если я дальше последую за этими мыслями, тогда вполне логично, что дух не закончил своего существования, когда в 1945 году реальная искаженная картина, созданная обществом «Туле» в этом мире, оказалась на свалке истории.

- Это так.

- Но, тем не менее, и за обществом «Туле», основанным специально для этого мероприятия, повлекшего массовые убийства и оставившего Европу в руинах, было что-то, что существовало перед «Туле» и что продолжало жить также после его конца. То есть, что-то, что существует еще и сегодня!

- Вы помните еще о людях Агарты, о которых я рассказал вам? Их лоно все еще плодородно. Вы должны более серьезно воспринимать легенды.

Вайгерт некоторое время не знал, происходит ли это с ним во сне или наяву. Голос Штайнера почти болезненно доводил до его сознания, что это не было сном.

- Люди Агарты тысячелетиями живут среди людей. В 1945 году был конец рухнувшей попытки победить силы Шамбалы. Все же, это еще долго не было концом идей Агарты. Мы позаботились заранее.

Вайгерт заметил, что Штайнер впервые заговорил о «нас». Все время он только сообщал, как будто он посторонний, летописец событий, в которых он сам не принимал участия. На какое-то время Вайгерт даже забыл о том, что Штайнер тоже был частью этой оккультной мозаики.

- Уже через несколько часов после моего рождения я был посвящен людям Агарты. Пока я рос, меня учили тайным знаниям, которые они сохраняли тысячелетиями. Когда мне было двадцать лет, я получил в храме Вевельсбурга мое последнее посвящение. Снаружи уже бушевала война. Вермахт побеждал – пока. Но мы готовились к времени после этого. Независимо от исхода той борьбы, мы должны были выйти в мир, чтобы сохранить знания, знания о том, что человек может смотреть богам в лицо, если он сам научится владеть им.

Таких, как я, были сотни в Германии. Я с двенадцатью моими товарищами в 1942 году направился в Тибет, чтобы следовать за другими, которые уже давно были здесь. Когда оказалось, что военная удача больше не была на стороне **Агарты**, многие другие разбежались из Рейха. На самолетах, кораблях, подводных лодках или по суше. Они без труда смогли обосноваться в мире. Так как только у очень немногих из них было подозрительное прошлое в национал-социалистических структурах, которое было бы доказуемо. Кроме того, мы все воспользовались замечательным образованием, чтобы добиться для себя и в реальном мире соответствующего положения. Все те, кто ушли, были готовы сохранять знания **Агарты**, чтобы вернуться в далекий час, в другом виде. [Черное Солнце](#), знак **Агарты**, живет. Это правда, Вайгерт. И поэтому вы здесь.

Вайгерт был озадачен. Да, он был здесь поэтому. Но он был здесь также и для того, чтобы спасти свою шкуру, так как он должен был считаться с обвинением в убийстве, убийстве, которого он не совершал. Но насколько маловажным казалось это в сравнении с описаниями Штайнера.

Если Штайнер был прав... Вайгерт не хотел этого понимать. Должен ли он просто выбросить за борт всю систему мира, только потому, что один сумасшедший эсесовец рассказал ему несколько историй? И даже если так, то что ему делать потом? Вернуться домой и рассказать там полиции или Хилльгруберу легенду о людях **Агарты**? Его посадили бы в сумасшедший дом. А в сравнении с ним даже тюрьма лучшее место.

Однако, он еще не покончил со Штайнером.

- Пьер Мартен натолкнулся на то, что вас посвятили в Вевельсбурге. И он обнаружил, что вы живете здесь в Тибете. Поэтому вы убили его и его жену! А на меня теперь хотят повесить это убийство! И Фолькер и Гринспэн были первыми жертвами вашего оккультного возрождения, за что Исламский народный фронт считают преступниками!

Вайгерт вылез из спального мешка и встал. Теперь он почти кричал. Штайнер был ему мерзок.

- Успокойтесь. Что касается Мартена и его жены, то с этим мы не имели абсолютно ничего общего. Мартен был историком-любителем. Как вы знаете, он интенсивно занимался [замком Вевельсбург](#). Естественно, он во время своих работ натолкнулся также и на оккультную сторону того времени. Все же, как и мно-гие, он не воспринимал ее всерьез. Для него это было дурачество. Он искал факты, источники, которые мог бы проверить черным по белому. При этом ему удалось узнать и мое имя. Он нашел меня здесь в Тибете, и я помог ему в его исследованиях о замке, но не больше. Он и не хотел большего. Мы использовали его, чтобы создать фальшивый след.

- Вевельсбург как совершенно обычный центр СС, плюс в дополнение к этому парочка безумных выдумок Генриха Гиммлера, которые нельзя было скрыть. Но никаких указаний на то, что происходило там на самом деле. Вы этого хотели?

- Да.

- А когда Мартен захотел знать больше, вы убили его!

- Нет. Мартен стал мне симпатичным. Это даже переходило во что-то вроде дружбы. Он был одним из немногих, кого я встречал, кто непредвзято подходил к этому времени. Хотя по своему и не пытаюсь что-то там отбелить, но объективно. Так, как приказывало ему его сердце ученого. Он был в порядке, потому что у него был характер, человек из реального мира, который требовал уважения также и у меня. Мы проверили потом Мартена и его работу. Мы знали, что он никогда не придет к мысли открыть настоящую подоплеку. Она казалась ему слишком запутанной, так как не подходила к его миру.

Вайгерт задумался. Были еще Фолькер и Гринспэн. Если Штайнер был готов признаться в своем участии в этих убийствах, тогда в случае Мартена он говорил, пожалуй, правду. Так как какой смысл, уже признавшись в двух трупах, отрицать третий?

- Как вы связаны с покушениями на Фолькера и Гринспэна? **Черное солнце**, которое выжгли у них на лбу, находится на глиняных мисках, в которых вы готовите ваш чай!

Штайнер встал с выступа у стены, на котором он большее время сидел на корточках, сделал несколько шагов в помещение, потом остановился, повернувшись спиной к Вайгерту. Что последует теперь? Выступление фокусника, пытающегося поднять напряжение своей публики, прежде чем продемонстрирует свой лучший трюк?

Медленно, очень медленно, соскальзывали слова с губ Штайнера.

«И с солнцем просыпается в утре..., окруженным сияющим блеском..., очаровательной красоте всей вечности подобным,... победы торжествующая улыбка».

Стихотворение! Теперь Вайгерт вспомнил о листке, который он нашел несколько дней назад в его машине. Кто подсунул его туда? СС? Пособники Штайнера? **Люди Агарты**? Кто действовал где? Кто был важен, кто неважен? Где были посвященные, где профаны? Что было подложно, что было истинно в реальном мире? Или все было только «потемкинской деревней»? Что? Реальный мир или то, что рассказывал ему Штайнер? Что правильно, что лживо, что зло, что добро? Если Штайнер говорил правду, то больше не было ни «верха», ни «низа».

- Что!?

- **Черное солнце** снова поднимется, вверх из полуночи мира к большому полудню. Боги снова начнут танцевать и мы позволим им танцевать в нас. Уже скоро. Через несколько недель наступит время. Тогда мы снова возьмем судьбу в свои руки. За нами, людьми **Агарты**, пройдет то, что еще сегодня имеет силу!

Штайнер повернулся, в его голубых глазах лежал блеск. Впервые он говорил с глубоким волнением, его слова становились громче, его руки поднимались, подчеркивая действие произнесенного. Это продолжалось только несколько секунд, затем он снова держал себя под контролем, возвратился к трезвой деловитости, которую он излучал во время всей их беседы.

- Вы всегда говорите только о Фолькере и Гринспэне. Но первой жертвой был Олег Гаракин, российский министр экономики. Вы ничего не знаете об этом, так как другие не хотят, чтобы миф о **Агартти** снова ожил. И поэтому они возложили за это ответственность на Исламский народный фронт. Но в этом он не играл ни малейшей роли. Да, этих людей убили мы. Не из ненависти, из необходимости. Они принадлежали **Шамбале**. Однажды **Агартти** делают ход, однажды **Шамбала**. Это история, история, которую вы не можете понять.

Гаракин. У Фолькера пытались скрыть обстоятельства убийства. Удалось ли это в деле Гаракина? Вайгерт мог еще хорошо вспомнить об обстоятельствах его смерти несколько месяцев назад. Его жена застрелила его из ревности. Так говорят, по меньшей мере. Если ему когда-нибудь доведется вернуться, он попытается проверять это. И Мартен? Если Штайнер признался в трех покушениях, об одном из которых Вайгерт еще не знал, тогда он, пожалуй, никак не был связан со смертью француза.

Вайгерту делалось дурно при мысли, что сегодня, здесь в этом мире, бегали сотни или даже тысячи эзотериков, дух которых уже вдохнул жизнь в Третий Рейх. Если этот Штайнер - не псих, гордящийся делами, к которыми не имел никакого отношения, тогда... Да, тогда у Вайгерта была бы его история. Но с каким удовольствием он бы теперь от нее отказался.

И, наконец, тут еще были люди **Шамбалы**. Гаракин, Фолькер, Гринспэн: они относились к противникам **Агартти**. Что там рассказывал ему начальник отдела Хилльгрубер? Фолькер и Гринспэн были масонами. Не скрывался ли, например, и за их ложами тот принцип, который раньше объяснил ему Штайнер на примере общества «Туле»? **Шамбала**. Те же запутанные идеи - такие же! Или мораль реального мира все же была здесь права? Действительно ли существовали добро и зло? Были ли **Агартти** и **Шамбала** олицетворением того, во что верили многие люди? Тогда **Шамбала** должна была быть, пожалуй, положительной стороной. Однако у обоих было одно и то же происхождение. Но не то же самое было ли и с Богом и дьяволом? Сейчас он не мог позволить себе сойти с ума! Ему нужны были точки опоры в реальном мире. Там, где он ориентировался, и где отражался также нереальный мир, если он действительно должен был существовать.

- Не означает ли это, например, что новый орден «Туле» готов лишить **Шамбалу** ее духа и подготовить дорогу для нового Рейха?

- Именно так, Вайгерт. И до этого дня рукой подать!

- И почему вы рассказываете мне все это?

- Потому что ваша голова находится в петле! Ваша газета вышвырнула вас, секретная служба ООН ищет вас из-за убийства Мартена и его жены. Вам нужен ваш рассказ, ваша история, Вайгерт! Срочно. Потому что иначе вы пропали! Теперь у вас есть ваша история. Пишите, Вайгерт! Поддержите жизнь мифа об **Агартти**!

Вот в чем дело. Штайнер хотел воспользоваться его ситуацией. Он, Ганс Вайгерт, должен был вставить маленький камешек в мозаику **Агартти**.

- А что, если я не сделаю этого? Если я не верю вашим темным историям? Или если я пойду с этими сведениями к властям и расскажу там, где вас можно найти? Что тогда?

Штайнер улыбнулся. Первый раз в его улыбке было что-то вроде чувства превосходства.

- Вы будете писать. Не из-за **Агартти**, а из-за самого себя. Вы должны вытянуть вашу голову из петли. Но даже если вы примете другое решение, то это не имеет абсолютно никакого значения. То, что я рассказал вам, ново для людей в мире. Но это вовсе не ново для **Шамбалы**. А что касается меня, то меня не будет здесь, прежде чем вы снова окажетесь в Лхасе. День встречи близок. Все равно, что вы будете делать, Вайгерт, вы больше не сможете задержать **Агартти**!

Боцен, 11 декабря

Трое сидели перед открытым камином в доме Клаудии. Медленно пламя пожирало дрова, которые иногда потрескивали. Царило приятное тепло. Снаружи, за окнами, тьма уже окутала горы.

Всего несколько часов назад Вайгерт прибыл в римский аэропорт. Фальшивые документы, которые достала Клаудия, выполнили свою цель. Никто не сомневался в их подлинности. Только у Вайгерта во время обратного полета возникли сомнения в подлинности того, что он испытал. Все же, тогда он оживил в своей памяти события последних трех недель и с болью почувствовал, что это все не было сном.

Вена - Вевельсбург - Боцен - Тибет: это была длинная дорога, не только в километрах. Он начал свой путь как совершенно обычный журналист в поисках своей истории, она могла бы кончиться так же как и многие другие. Все же, потом он - неожиданно и не по своей воли - вышел из зрительного зала на сцену. Теперь он был участником спектакля, начала которого он не знал и о котором он не знал, когда и как он закончится. Лучшие актеры, как говорят, врастают в роль, пока они, наконец, не идентифицируют себя с нею полностью. На время их участия в спектакле они осуществляют изменение, которое оттесняет их собственное «Я» в пользу искусственно сотворенной фигуры. Вайгерт тоже прошел метаморфозу, только с одним различием: для него не было

больше возможности вернуться назад, даже если его участие в спектакле было бы закончено. Вайгерт играл Вайгерта. И изменение, которое произошло в нем, было настоящим. Его больше нельзя было вернуть в прежнее состояние.

Прежняя система мира была разбита. Все точки опоры, которые были там, были приведены в движение. Сначала медленно, потом все быстрее, пока они совсем не исчезли, наконец. Наверху и внизу, справа и слева, добро и зло: ни у чего из этого больше не было значения. Он попал в центр борьбы, о которой он знал только то, что все правила, известные ему до сих пор, там не действовали.

Случайный взгляд через открытую дверь гостиничного номера; труп, на лбу которого блистало **черное солнце**; таинственный замок, дух которого из давно прошедших дней снова носился по миру; жестокое убийство двух старых людей; два серебристых диска, которые не хотели отдавать свое сокровище; министры, полицейские и люди из секретной службы, настоящие намерения которых, казалось, были скрыты непроницаемым покрывалом; человек в горах Тибета, который проворно путешествовал между двумя мирами, и не было известно, из какого мира из двух он прибыл фактически.

Одна, абсолютная правда была мертва. Каждая повторная попытка оживить ее, предпринятая в уме Вайгерта, терпела жалкую неудачу. Тысячи прав усердно соревновались друг с другом. И в этом хаосе Ганс Вайгерт должен был сначала найти свою, новую правду, которая больше не имела бы ничего общего со старой, прошедшей. Разум Вайгерта еще застрял посреди этой ночи ужасной неразберихи. Но его сердце давно уже отправилось в путь, чтобы оставить мрак за спиной.

В ситуации, из которой больше не было выхода, где расстояние между спиной и стеной можно было измерить лишь в миллиметрах, не оставалось ничего другого, кроме как смириться с судьбой. Не жалуясь, не плача, не скуля, а в твердой воле принять ее полностью. больше чем принимать судьбу. Не подавая жалобу и горюя, а в твердой воле принимать это полностью. Любя судьбу. **Amor fati.**

Филлигер забрал его из аэропорта. По дороге в Боцен они немного говорили друг с другом. Вайгерту не хотелось рассказывать свою историю дважды. Его друг только сообщил ему, что ему до сих пор не удалось выманить у дисков Мартена их тайну. Код был сложнее, чем опасался Филлигер. Теперь они втроем сидели перед камином. Вайгерт рассказал. Обо всем. Ни Клаудия, ни Петер при этом не прерывали его. Теперь, когда он закончил, можно было бы начинать обсуждение. Еще в самолете Вайгерт боялся этого. Кто же поверит его рассказу?

- Прости, Ганс. Но все это звучит более чем невероятно.

Филлигер начал как раз так, как ожидал Вайгерт.

- В горах Тибета должен сидеть 91-летний эсесовец, который выглядит настолько классно, что даже девушки клюнули бы на него. Почему, черт побери, ты купился на эту историю Штайнера?

Тело Вайгерта выпрямилось. Теперь речь шла о том, чтобы убедить других. И еще раз, последний раз, убедить себя самого.

- Давайте пока забудем 91-летнего эсесовца. Правда ли это, это, в конце концов, второстепенно. В Тибете сидит человек, который называет себя Карлом Штайнером. Остановимся на этом имени, даже если мы не можем доказать, что оно правильное. Этот человек, этот Штайнер, знает информацию о вещах, которые он, собственно, вовсе не может знать. Он знает, что у Фолькера и Гринспэна выжгли **черное солнце** на лбу. Если мы...

- Минуточку!

Филлигер перебил его.

- Конечно, он мог знать это. Ему нужно было только слушать радио и читать газеты. В деле Фолькере ты сам написал об этом, а в случае с Гринспэном этот знак наделал еще больше шума!

- Хорошо. Будем исходить из того, что он в Гималаях регулярно получает газеты...

- Подожди, не будь совсем необъективным. Кто сказал тебе, что Штайнер был там все это время. Он мог приехать туда за несколько часов до тебя.

- И как ты объяснишь тогда, что на его чайных мисках тот же знак, как на лбу Фолькера или Гринспэна?

- На этот знак, конечно, не распространяется авторское право. Все же, этот профессор Венского университета сам объяснил тебе, что этому символу тысячи лет. Он существует, я в этом не сомневаюсь. Но почему кто-то не мог просто воспользоваться бы им, чтобы украсить этим знаком свои миски для чая?

- Тебе не кажется, что это было бы несколько странным совпадением?

- И пусть даже так. Наконец, он мог украсить миски даже только после покушения на Гринспэна.

- И все еще остается один вопрос, к чему все это. Плевать на глиняные миски! Штайнер говорил о третьем убийстве в этой серии, а именно об убийстве российского министра экономики Олега Гаракина.

- Ты рассказал об этом.

- Ты, по крайней мере, слушал меня. Если бы мы могли доказать, что в официальной версии этого преступления что-то не так, тогда у нас были бы все основания доверять Штайнеру.

- И как ты хочешь это устроить? Поехать в Россию и сказать: привет, вот я. Я охотно узнал бы правду об убийстве Гаракина? Выбрось это из головы. Ты не узнаешь больше, чем уже и так написано в газетах.

- Вероятно, этого уже хватит. Вероятно, там есть какая-нибудь нелепость, которая пусть даже и не подтверждает полностью высказывания Штайнера, то хотя бы делает их более правдоподобными.

До сих пор Клаудия только внимательно слушала. Теперь она включилась в беседу.

- Не отклоняйся от темы. Дело слишком серьезное, чтобы из-за него ссориться.

- Но мы вовсе и не ссоримся!

Филлигер долил себе виски.

- Ладно, Петер. Итог из вашего обсуждения: прежде всего мы должны проверить двух человек. Первым является Олег Гаракин. Как Ганс уже сначала говорил, он был застрелен два месяца назад его женой из ревности. Тут я соглашаюсь, что мы должны, в любом случае, просмотреть сообщения об убийстве. Это сделать просто и не требует много времени. Второй человек – это сам Штайнер. Если он был членом СС, то шанс достаточно велик, что мы найдем кое-что о нем. Москва в значительной степени открыла свои архивы несколько лет назад. Там можно найти массу документов о том времени. Также у британцев уже закончился запретный срок для документов, которые они взяли с собой в 1945 году из Германии. Мы могли бы...

Филлигер прервал ее.

- Все, что ты там можешь узнать, в лучшем случае, что был человек по имени Карл Штайнер, биографические данные которого совпадают с тем, что Ганс рассказал нам. Это еще далеко не доказательство того, что тот мужчина, которого Ганс встретил в Тибете, и этот Карл Штайнер одно и то же лицо.

- Петер, к сожалению, прав. Поиски в этом вопросе довольно дорого стоили бы, и результат все равно не очень помог бы нам.

- Хорошо, господа. Пока не будем цепляться к личности Карла Штайнера. Все равно остается огромное количество всего, о чем он говорил. Если я правильно понял Ганса, Штайнер предложил абсолютно новую версию истории Третьего Рейха. Согласны?

Вайгерт кивал. Филлигер не мог воздержаться от возражения.

- Да, предложил, никаких сомнений. Но что это уже означает? Даже если нам удастся перепроверка этих фактов - и я подчеркну: фактов, это еще совсем ни-чего не значит. Если мы сможем разыскать эти вещи, то и Штайнер тоже мог.

Теперь пришел черед Вайгерта возразить.

- Правильно. Но при этом ты забываешь одну вещь. Если эти факты, как ты говоришь, и под ними ты наверняка подразумеваешь не эту эзотерическую дребедень, правдивы, тогда это уже большой прогресс. Так как если тайное общество, как этот орден «Туле», в значительной степени стояло за историческим развитием Третьего Рейха, то это значит, что история, по крайней мере, в этом одном пункте, протекала не так, как это представляется обычно.

- Туле.

Филлигера, казалось, удалось убедить, по крайней мере, в этом аспекте.

- Так, и теперь мы пройдем на шаг дальше. Если это дело, по меньшей мере, однажды функционировало, почему оно не могло бы сработать и во второй раз тоже? Действительно настолько ли невероятно, что как раз этот орден «Туле» смог спасти свои структуры во время после крушения в 1945 году? Если эти люди верят в их, если я могу ее так назвать, религию, почему бы им было не затаиться тогда на некоторое время? Если я серьезно размышляю над этим, было бы как раз очень необычно, если бы это не случилось именно так. В истории достаточно примеров, когда религиозные группы подвергались преследованиям и сохраняли и передавали свою веру в подполье. И тогда мы делаем следующий шаг: если действительно этим людям и их наследникам удалось в течение десятилетий продвинуться вперед на важные позиции, почему бы им не захотеть сделать еще одну новую попытку получить власть?

Филлигер сделал глоток виски, прежде чем ответил.

- Я соглашусь, что все это действительно звучит убедительно. Но кто говорит тебе, что этот орден «Туле» действительно существовал? И даже если он существовал, какое влияние у него было? Это и есть ключевой вопрос во всем деле: был ли он действительно иницилирующим, определяющим моментом или он был только одним из многочисленных явлений, которые способствовали развитию?

Вайгерт хотел что-то сказать, но Клаудия опередила его.

- Вывод из этого: мы должны проверить высказывания Штайнера. Если они соответствуют истине, то мы преодолели только первый барьер из многих. Но, все же, это так: гипотеза считается правдивой до тех пор пока не может быть доказана ее неправильность. Если мы можем доказать, что версия истории Штайнера неверна, то мы можем, пожалуй, отбросить и все остальное. Но и это тоже пошло бы нам на пользу.

Теперь на очереди снова был Вайгерт.

- И это тоже пошло бы нам на пользу. Только кто убил тогда Фолькера и Гринспэна? И кто Гаракина, если высказывания Штайнера правдивы в этом пункте? И у кого на совести Мартен и его жена? Вот причина, из-за чего мы все здесь сидим, и из-за чего я по уши в дерьме! А не потому, что история десятилетия назад протекала иначе, чем написано в книгах.

Несколько мгновений царило молчание. Потом Клаудия нарушила тишину.

- Фолькер, Гринспэн, Мартен. Теперь только это уже моя очередь! Я совсем не рассказывала тебе, что я узнала об этом, пока ты отсутствовал.

- Для этого еще придет время!

- Но Хилльгрубер говорил тебе, что Фолькер, президент Еврофеда, и Гринспэн, член Совета Безопасности ООН, якобы должны быть масонами. Как мы договорились об этом, я немного собрала информации об этом. Результат: по Фолькеру и Гринспэну никаких новостей. Подтверждения сведений Хилльгрубера достать не удалось. Но при этом выплыло кое-что другое. Я же уже рассказывала вам, что в Италии в начале восьмидесятых годов был большой скандал с ложей Пи-2. Это было первым, что попало мне по теме. Пи-2 была тайной масонской ложей. Теперь я не хочу надоедать вам более мелкими деталями этой в высшей степени запутанной истории. Но я не хотела бы скрывать от вас один момент: некий Роберто Кальви, тогдашний шеф банка Ватикана, «Банко Амброзиано», был впутан в скандал. На его счету, в самом буквальном смысле слова, был ряд сомнительных международных финансовых сделок. Весной 1982 года Кальви сбежал из Италии. В июне того же года он был мертв.

- И что в этом интересного для нас?

- Спокойно. Кальви был убит, причем весьма необычным способом. Его нашли повешенным под мостом Блэкфрайерс-Бридж в Лондоне, его ноги были под прямым углом, в его карманах нашли кирпичи. То, что сначала выдавалось за самоубийство, оказалось позже тем, чем оно и было на самом деле: классическим ритуальным убийством в масонском стиле. Прямой угол – это один из их символов, который ложи переняли у их предшественников, каменщиков. И кирпичи указывают на символ необработанного и обтесанного камня. Необработанный камень – это дух новичка в ложе, который по масонской философии только должен быть обработан, должен быть обтесан как этот камень.

Вайгерт больше не мог сдержаться.

- Жена Мартена! Ее труп оформили в точно таком же виде!

- Точно, мой дорогой.

- И это снова подтверждает определенным способом высказывания Штайнера: в его легенде он говорил о двух соперничающих друг с другом группах, **Агарты** и **Шамбале**.

Давайте сначала будем рассматривать легенду в качестве только легенды и обратимся к конкретной реальности. Тогда мы видим две соперничающие друг с другом группы: одна является формой выражения группы **Агарты**, орден «**Туле**». И другая группа, олицетворяющая **Шамбалу**, масонство. Они обе ведут друг против друга борьбу, борьбу, которая очень далека от рационального понимания, борьбу, которая происходит преимущественно на эзотерически-религиозном уровне.

И иногда мы находим в мире, который мы можем видеть, признаки этой борьбы. Они есть...

Петер Филлигер, которому было недостаточно одного лишь наслаждения солодовым виски, снова взял слово.

- Я вовсе не знаю, что у тебя есть, Ганс. Ты делаешь из этого большое дело. Но Штайнер же сам рассказал тебе об этом, о **Шамбале** и масонах. Каким тогда доказательством могут служить более подробные обстоятельства убийства мадам Мартен?

- Момент! Штайнер говорил о **Шамбале** и масонах. Это верно. И он также говорил, что именно у них на совести убийство Мартена и его жены. Но в нашей беседе мы совсем не говорили о том, в каком виде я нашел жену Мартена. Если Штайнер проводит причинно-следственную связь между ее убийством и какими-нибудь масонскими ложами, и если теперь эта связь подтверждается нашими исследованиями, вернее, исследованиями Клаудии, тогда это значит, что высказывания Штайнера определенным способом подтверждаются.

Филлигер не сдавался так легко.

- Неправильно! Так же, как и о символе **черного солнца**, он мог узнать о более подробных обстоятельствах убийства Мартена и, прежде всего, его жены тоже из газет!

Вайгерт возразил:

- Он мог. Однако это ничего не меняет в том, что он дал нам след, который подтвердился исследованиями Клаудии. И этот след ведет в направлении каких-то лож! И, наконец, Фолькер и Гринспэн, по меньшей мере, если верить Хилльгруберу и нашей корреспондентке в Нью-Йорке, были членами масонских лож!

Филлигер что-то ворчал себе под нос. Клаудия вступила в разговор:

- Мы можем здесь сидеть еще часами и спорить дальше. Однако, это ничего не изменит в том, что нам нужно что-то делать. Ты, Петер, все еще не смог расшифровывать оба лазерных диска Мартена. Кто...

- Вот теперь уже это и меня достало! Я всю неделю не отходил от монитора! Я просто не могу больше ничего сделать! Если вас что-то не устраивает, я могу вернуться в мою избу!

Теперь наступил момент, когда требовалось посредничество. Филлигер не был по-настоящему убежден в продолжении истории. Кроме того, он помогал, прежде всего, из дружбы. От него нельзя было требовать стопроцентной самоидентификации с этой историей. Если слишком жестко наседашь на него теперь, то он вышел бы из игры. Вайгерт вмешался.

- Хорошо. Я уверен, что ты делал все, что мог. Ты с этим справишься. Материал на лазерных дисках должен быть важным, иначе Мартен его не зашифровал бы и не спрятал в цветочном горшке. А если бы он сам был только незначительной маргинальной фигурой, то его не убили бы. Ты - наша надежда, старина! Ты должен продолжать, пожалуйста!

Клаудия поняла, что ее подбор слов был не совсем дипломатичным.

- Прости меня. Я не это имела в виду. Я только хотела сказать, что ты просто должен продолжать.

Она положила свою руку на плечо Филлигера.

- Итак, вы снова убедили меня. Ну, ладно, я снова пойду в мою каморку и поиграюсь дальше. Но если я не справлюсь еще за одну неделю, я ухожу.

Филлигер встал и отправился наверх, в комнату, где стоял компьютер.

- У Петера есть его работа. Теперь тебе, Ганс, тоже достанется полно работы. Я завтра займусь убийством Гаракина сначала. А потом я поеду в Мюнхен, чтобы узнать кое-что об этом ордене «Туле» в покрытых пылью архивах. Ты будешь анализировать материал. Штайнер говорил тебе, что день встречи, как он назвал это, уже близок. Что бы он под этим не понимал, но если это так, то у нас совсем мало времени.

Вена, 12 декабря

- *Good evening, Mister Kipling!*

Джо Киплинг поднялся из своего кресла, чтобы пожать руку Ганс-Йоргу Шнайдеру. Одновременно он огляделся. Никто из гостей ресторана, кажется, не обращал внимания на двух мужчин.

- Добрый вечер. Мы можем спокойно говорить на немецком языке. Если события продолжатся так и дальше, то мне, боюсь, чаще придется пользоваться немецким, чем английским языком.

Толстый адвокат показал стройному директору банка, что он мог садиться.

- Наши дела не особенно хорошо обстоят, не так ли?

Шнайдер положил салфетку себе на колени.

- Если это был вопросом, то я хотел бы, собственно, адресовать его вам. Вероятно, у вас есть для меня положительные новости.

Пока он говорил это, Киплинг вынул сигарету из пачки. Теперь он зажег ее.

- Мне жаль. Секретная служба ООН ведет расследование на всех парах. Но все равно, за что бы эти люди не хватались, все следы уходят в ничто. Насколько это было возможно, [World Intelligence Service](#)^[3] проверила все случаи смерти в Тибете в рассматриваемый период. Карл Штайнер, конечно, не был в их числе. Но вы же знаете, что это еще может ничего не значить. Он может там жить под другим именем или он может умереть в заброшенной глуши, о чем не узнают власти. Это обычный случай там, а не исключение. И не в последнюю очередь Мартен также мог и солгать.

Киплинг задумчиво осматривал Шнайдера.

- Француз не лгал, по крайней мере, не лгал в том, что касается Штайнера. Как вы знаете, у нас есть наши записи. Действительно существовал Карл Штайнер в СС, который принял участие в 1942 году в последней тибетской экспедиции Третьего Рейха. Уже непосредственно после войны этих людей пытались разыскать. Несколько десятков удалось найти. Но в целом двенадцать человек от нас ускользнули. За это время большинство из них умерло. Но до этого они должны были передать свои знания другим, о которых мы не знаем. Нет, нет, со Штайнером все правильно.

Возле Шнайдера склонился официант. Оба мужчины сделали свои заказы. Когда официант ушел, директор банка наклонился вперед.

- Скажите, мистер Киплинг, в чем тут действительно дело с людьми [Агарты](#)? Они убивают нескольких из наших самых важных братьев как собак. Но что они еще делают? Я нигде не вижу признаков того, что повторится что-то похожее на двадцатые годы.

Киплинг сделал глоток вина и зажег следующую сигарету. Шнайдер был одним из самых важных братьев в Европе. Но в строго иерархическом порядке над ним стоял еще целый ряд людей. Все они, будь то в верхнем или в нижнем конце лестницы с 33 ступеньками, клялись при их принятии в ложу молчать. Молчать перед людьми вне братства – само собой, но также и по отношению к тем, кто по иерархии власти стояли ниже их. Только тот, кто полностью обтесал камень, был достоин быть посвященным и в последние тайны. И то, что знали об [Агарты](#) наверху, не должно было проникнуть вниз. И сам Киплинг тоже не знал всего. Но ему было ясно, что он сам не мог даже совсем немного передать Шнайдеру. Еще нет. Если бы нуждались в помощи директора банка и его контактах, то ему сказали бы то, что было необходимо.

Как раз когда толстый адвокат подыскивал уклончивый ответ, к столу подошел один мужчина.

- Добрый вечер, господа.

Потом он обратился к Шнайдеру.

- Извините, пожалуйста, что помешал вам. Могу ли я коротко переговорить с вами с глазу на глаз? Это важно.

- Вы вполне можете присесть к нам.

Шнайдер указал на Киплинга.

- Мистер Киплинг охотно бы услышал, что вы должны сказать мне. Он один из нас. Позвольте мне вас представить: Джо Киплинг из Сан-Франциско, господин Олаф Карлссон из секретной службы ООН в Вене.

Карлссон слегка поклонился, когда пожимал руку адвокату. Он сел.

- Пожалуйста, господин Карлссон, о чем идет речь?

- Речь идет о журналисте, который, ну..., был впутан в это двойное убийство в Германии. Мои люди выследили его.

- Где он находится?

- В Боцене. У него там есть старая подруга со студенческих времен, у которой он живет. Собственно говоря, в доме ее родителей.

Взгляд Карлссона показывал, что он рассчитывал на похвалу. Шнайдер проигнорировал это.

- Все же, я надеюсь, что вы будете дальше следить за ним? На этот раз, по крайней мере, он не должен ускользнуть от вас.

- Само собой разумеется. Но вы хотели, чтобы я связался с Вами, если бы мы нашли Вайгерта. Должен ли я теперь его арестовать?

- Конечно. Мы...

Киплинг прервал Шнайдера и обратился к Карлссону.

- Подождите пока с арестом. Через несколько минут я смогу сказать вам больше. Простите меня, пожалуйста, на минутку.

Адвокат встал и удалился без дальнейших комментариев. Карлссон озадаченно посмотрел ему вслед. Шнайдер почувствовал, что пора кое-что объяснить.

- Все в порядке. Спокойно рассматривайте просьбу мистера Киплинга как желание среди братьев. Ему только порой не достает чутья правильного способа выражения.

Киплинг протиснул свое массивное тело в телефонную будку, размещенную поблизости от туалетов. Телефонная будка была для него лучше, чем беспроводной телефон, который официант мог принести ему за стол. Так ему не помешали бы. Он набрал номер Бекетта. Через пару секунд его лицо появилось на экране.

- Привет, Томас. У меня есть новости.

Бекетт производил впечатление смертельно уставшего человека. Его глаза были красными. Он еще не брился, хотя в Сан-Франциско был давно полдень.

- Выкладываете, Джо.

- Секретная служба ООН разыскала этого австрийского журналиста.

- Он уже арестован?

- Нет.

- Тогда устройте так, чтобы его убрали согласно плану. Арест, обвинение, осуждение. Вы знаете, о чем мы договорились.

- Я знаю. Но за прошедшее время я перестал считать это самой лучшей идеей.

- У вас, наверное, есть лучшее предложение?

- Возможно. Если мы арестуем Вайгерта из-за убийства, и если он потом предстанет перед судом, то это вызовет много неизбежного в таких случаях шума. В конце концов, он был журналистом. Потому некоторые из его коллег заинтересуются его судьбой, по меньшей мере, ради своих собственных репортажей. Перед судом Вайгерт наверняка расскажет также все, что знает о Фолькере. Правда, после покушения на Гринспэна, в котором мы ничего не смогли скрыть, и заброшенного нами признания Исламского народного фронта в терактах, это не так уж важно, но все-таки. И кто знает, что между тем узнал Вайгерт еще и о Вевельсбурге. Перед судьей он будет бороться как лев, потому что он невиновен. И определенное эхо после его высказываний наверняка разойдется. Здесь в Европе мы еще не продвинулись вперед ни на шаг. Нам сейчас совсем не нужен еще один фронт.

- Я жду вашего предложения, Джо.

- Давайте купим Вайгерта. Предложим ему освобождение от преследования и возвращение в его газету. Он и без того сидит в ловушке. Как только он захочет выйти из-под контроля, об убийствах в Вевельсбурге просто снова вспомнят. И он окажется перед судьей. Но если он согласится сотрудничать с нами, он может принести нам

пользу. По меньшей мере, он тогда будет сидеть спокойно и будет усердно писать то, чего мы хотим. Наконец, Вайгерт не был бы первым, которого мы уберем таким образом. И не один даже самый закоренелый наш противник понимал, наконец, что сопротивление бессмысленно и присоединялся к нам. Кто уже может противиться соблазнам влиятельных друзей, власти и денег? Кто знает, вероятно, он мог бы вывести нас даже на след «Туле»?

- Я не против, Джо. Делайте, что вы считаете правильным. Вайгерт - это самая маленькая наша проблема. Наконец, послезавтра собирается совет. Тогда мы решим, что нужно делать. Я предполагаю, что мне поручат полететь в Европу и координировать там дела вместе с вами.

- Известите меня, когда будете знать более точно.

- Я с вами свяжусь, Джо.

Вена, 13 декабря

Бергманн был сегодня как раз не в лучшем настроении. Стоило ему встать, как жена принялась надоедать ему своими желаниями по поводу отпуска. Она хотела на Мальдивы, чтобы сбежать от недружелюбной венской зимы. Солнце, песок, безделье. И все это как можно скорее. Но теперь у него не было времени на это. Он не мог уехать, когда происходили события, на которые необходимо было оказывать влияние. Все же, главный редактор «Листка» не осмелился ответить четким «нет» на ее требования. Он захотел воздержаться от дальнейших криков, по меньшей мере, пока что. Все же, он не смог бы победить. Потому он хотел выиграть время.

Доктор Карл Бергманн вошел в приемную его офиса точно в 10.27. Уже в коридоре снаружи он учуял превосходный аромат свежего кофе, ясный знак того, что его секретарша уже была на месте.

- Доброе утро, господин доктор!

Голос Аннетт Рунге звучал так, как будто ее вчерашний вечер - и, возможно, также ночь - прошел весьма приятно. Ее цветастое платье с глубоким вырезом соответствовало ее радости. Обычно Бергманн пошутил бы на этом месте со своей «фрейлейн Аннетт», как он чаще всего ее называл. Но сегодня его настроение не располагало к тому. Его жена слишком действовала ему на нервы. Он только проворчал неясное «доброе» и собирался войти в офис. Но у его секретарши, очевидно, было еще одно дело.

- Там внутри господин директор Шнайдер уже ждет вас. Я позволила себе пока пригласить его в ваш кабинет.

Она отставила в сторону бутылочку с розовым лаком для ногтей и взяла листок, который обнаружился под ней.

- Директор Шнайдер в сопровождении господина из Объединенных Наций... Она посмотрела на листок. - Господина Олафа Карлссона.

Сначала его жена, а теперь еще и это! Чего этот Шнайдер все-таки хотел снова? И к чему он притащил сюда Карлссона?

- Спасибо, моя дорогая. Не принесете ли вы нам тогда, пожалуйста, кофе?

- Сейчас принесу, господин доктор.

Бергманн открыл дверь в кабинет и вошел. Шнайдер и Карлссон, сидевшие на потертых креслах, поднялись.

- Доброе утро, господа. Прошу вас, садитесь.

Шнайдер протянул руку Бергманну.

- Прекрасное доброе утро, господин доктор. Я надеюсь, вы простите наше неожиданное нападение. Я думаю, вы знаете господина Карлссона.

Это было больше утверждение, чем вопрос, и с полным основанием, так как Бергманн уже несколько раз встречал разведчика ООН на приемах. И однажды, это вероятно было в прошлом году во время того жаркого лета, он встретил Карлссона в Венском городке ООН, в том помещении, которое было не доступно для простых смертных. Только братья могли входить в него, чтобы исполнять там свою работу, как они называли это. Никто кроме них не знал о настоящем назначении этого внешне неприметного убежища.

- Да, мы знакомы. Доброе утро

Он пожал также руку Карлссона. Все трое уселись.

- Чем я могу быть вам полезен, господа?

И снова появилась она, эта нервозность школьника перед учителем, страх, сделал ли он правильно свои домашние задания.

Шнайдер, директор банка, откинулся назад расслабленно, как игрок в покер, который знает, что у него лучшие карты.

- Мне действительно ужасно жаль, что мне снова приходится побеспокоить вас еще раз этим делом. Но в деле вокруг Ганса Вайгерта появилось кое-что новое.

Опять Вайгерт! Бергманн в душе проклинал своего бывшего подчиненного. И всегда они должны были приходиться с этим именно к нему. Главный редактор не решился осведомляться дальше. В дверь постучали.

- Войдите!

Вошла секретарша с большим подносом, чтобы подать на стол кофе. Трое мужчин молчали, пока брали себе сахар и сливки и мешали кофе. Когда фрейлейн Аннетт снова закрыла дверь за собой, Шнайдер начал говорить.

- Теперь вы, конечно, спросите себя, что тут нового. И я могу сказать вам, что это в общем и целом благоприятные новости для «Листка».

В голосе Шнайдера был тот сладковатый звук, который изливали арабские торговцы на восточном базаре, когда хотели что-то втюхать туристу. Бергманн не мог себе даже и представить, какие новости могли бы быть связаны с Гансом Вайгертом, чтобы они заработали эпитет «благоприятные». Все же, в конце концов, он сидел напротив Ганс-Йорга Шнайдера. И потому он остерегался высказываться таким образом. Банкир и без того не оставил ему времени на это.

- Господину Карлссону и его людям удалось добиться успеха. Они выследили Вайгерта.

Бергманн чуть не поперхнулся своим кофе. Вот этого как раз и не хватало! Он уже видел это перед собой: арест, процесс, скандал. И в этом скандале имя «Листка» также упоминалось бы, слишком часто, вероятно. Для него было бы куда милей, если бы Вайгерт навсегда оставался пропавшим.

- Я по вашей реакции понял, что вы совсем не рады этой новости. Я вас понимаю. На вашем месте я точно так же был бы озабочен из-за славы своего предприятия, если бы один из моих сотрудников оказался впутан в процесс по делу об убийстве. Но я обещал вам благоприятное. Все указывает на то, и господин Карлссон может это вам подтвердить, что подозрение против вашего журналиста испарилось.

Постепенно для Бергманна это становилось уже чересчур. Может, его считали полным идиотом? Он никогда всерьез не верил, что Вайгерт действительно совершил оба убийства в Вевельсбурге. Кирпичи в карманах мадам Мартен, о которых говорилось в полицейском отчете, были для него достаточным знаком. Нет, эти убийства шли на счет его братьев. У него кружилась голова, когда он думал об этом. Естественно, гуманность и толерантность должны были защищаться иногда и такими методами тоже. Но то, что как раз он вдруг оказывался в близости этого... Бергманна бросало то в жар, то в холод. Что планировал теперь Шнайдер? Ответ последовал быстро.

- После того, как подозрения против Ганса Вайгерта теперь рассеялись, было бы в интересах всех, как я думаю, если бы он мог снова вернуться в «Листок». Или я в этом ошибаюсь?

Резкость, которую приобрел теперь голос Шнайдера, а также его взгляд разъясняли, что он высказал не вопрос, а приказ, который не терпел возражений. В своей нервозности Бергманн, пожалуй, этого не заметил.

- Но вы же не можете требовать от меня, чтобы я снова принял Вайгерта? Я думаю...

Банкир резко перебил его.

- Мы уважаем ваше мнение, господин доктор. Но я думаю, что есть интересы, которые важнее ваших. Вы же знаете об этом, не так ли?

Шнайдер склонился вперед и уставился на главного редактора. Теперь только Бергманн понял, насколько серьезно имел это в виду его собеседник. Но что было причиной для этого? Если бы ему хотя бы сообщили о причинах такого решения в более высоких градусах! Он больше не хотел, чтобы с ним так бесцеремонно обращались. Он же был, в конце концов, главным редактором «Листка»!

- Почему... Я имею в виду, почему все же ситуация так изменилась?

- Я уже сказал вам: подозрения против Вайгерта больше не возможно поддерживать.

Шнайдер не хотел говорить больше. Теперь это было ясно. И если банкир вел себя так резко, значит, он, конечно, знал, что его поддерживают. Бергманну не оставалось ничего другого, пожалуй, кроме как согласиться. Он не мог позволить себе конфликт со Шнайдером, даже, если бы он действительно этого хотел.

- Я на самом деле должен снова принять Вайгерта на работу?

- Именно так.

- Люди ООН все же еще не установили контакт с ним?

Бергманн посмотрел на Карлссон, который все время молчал. Но ответил Шнайдер.

- Это как раз то, о чем мы хотим попросить вас, прежде всего. Мы знаем, где он находится. И нам очень хотелось бы, чтобы вы передали ему ваше предложение. Но сначала, тем не менее, господин Карлссон обменяется парой слов с Вайгертом.

Бергманн вздохнул. У него больше не было выхода.

- Хорошо. У вас есть его номер?

Только теперь Олаф Карлссон подключился к разговору.

- Да.

Он встал и потянулся к телефону на письменном столе Бергманна.

- Вы позволите?

- Конечно.

Карлссон набрал номер. Через несколько секунд на экране появилась голова Клаудии Аполлонио.

- Алло!

- Добрый день, госпожа Аполлонио.

- С кем имею честь?

- Меня зовут Олаф Карлссон из [World Intelligence Service](#).

Клаудия заметно испугалась.

- Мы знаем, что венский журналист Ганс Вайгерт пребывает у вас. Я очень хотел бы поговорить с ним. И еще скажите ему, что некоторые из моих людей следят за домом. Потому не имеет смысла, если он теперь попытается сбежать.

- Простите, вы, наверное, ошиблись. Я...

На экране было видно, как Клаудию Аполлонио отодвинули в сторону. Она протестовала. Потом появился Ганс Вайгерт. Его лицо показывало, что все надежды последних дней только что испарились.

- Я здесь. Ваших людей мы заметили еще полчаса назад. Я всегда думал, что вы работаете более профессионально.

- Мы как раз так и работаем. Эти люди там уже со вчерашнего вечера. Давайте кратко, господин Вайгерт. Мы должны сделать вам предложение, которое, как я думаю, исключительно корректно. Если вы хотите, мы откажемся от вашего ареста. Но не только это, вас также могли бы снова, отмытого от всех подозрений в убийстве, принять на работу в [«Листок»](#).

- Как мило с вашей стороны. Но вы знаете так же хорошо как я, что я и без того не имею никакого отношения к смерти Мартена и его жены. Помимо того, какой должна быть все же цена вашей человечности? Или же, например, все это безвозмездно?

- Практически да. Но, честно говоря, нам не очень бы хотелось видеть в будущем, что вы продолжаете ваши поиски в вопросах Фолькера, Гринспэна и всего, что с этим связано.

- Что делает вас настолько уверенными, что я приму ваше предложение?

- Если вы откажетесь, вы через минуту будете арестованы. И ваша подруга с вами!

- Вы хотите меня шантажировать?
- Скверное слово. Я хочу заключить с вами честную сделку.
- И как вы можете поручиться мне, что моя газета меня снова примет?
- Ваш шеф охотно сделает это. Подождите минутку.

Карлссон передал трубку Бергманну.

- Добрый день, господин Вайгерт. Мне действительно жаль, чтобы с вами поступили так плохо. Но я могу уверить вас, теперь, когда подозрения против вас сняты, вы можете, само собой разумеется, снова работать у нас. В конце концов, у меня тогда не было никакого другого выбора, кроме как уволить вас. Вас же, все-таки, подозревали в убийстве. Но теперь, после того, как все это прошло...

- Этот Карлссон наверняка согласовал это затыкающее мне рот решение с вами?

- Я прошу вас, господин Карлссон - это сотрудник Объединенных Наций. Он ведь не может давать «Листку» никаких указаний. Но вы, конечно, понимаете, что было бы не очень умно, если бы именно вы занялись снова теми темами, которые принесли вам так много хлопот.

Карлссон снова вступил в разговор.

- Итак, вы слышали это. Вы согласны или нет?

- Это все несколько неожиданно для меня. Я хотел бы еще раз все обдумать.

- Я не знаю, о чем тут еще можно думать. Я, пожалуй, должен еще раз объяснить вам вашу ситуацию...

Шнайдер подал Карлссону листок, так, чтобы Вайгерт не мог его видеть у себя на экране.

- Ну, так что, Карлссон?

- Ладно. Вы получите время на размышление.

- Неделю!

- Вы с ума сошли!

Банкир сделал несколько жестов. Карлссон удивился, но, все же, за Шнайдером было последнее слово.

- Хорошо. Одна неделя. Начиная с этого момента. Но одно вы должны себе уяснить: мои люди стоят перед вашей дверью. Если вы захотите исчезнуть, то мы схватим вас. У вас нет шансов!

- Я это хорошо знаю. Что будет с Клаудией Аполлонио, если я соглашусь?

- А что с ней должно быть? Мы оставим ее в покое.

- Как мне найти вас?

Карлссон дал ему три телефонных номера: телефона в офисе, телефона в его машине и его личного.

- Самое позднее через одну неделю вы услышите обо мне.

- Подумайте хорошо, господин Вайгерт. И всегда помните: мы следим за вами.

Боцен, 13 декабря

Вайгерт повернулся и взглянул на Клаудию и Петера, которые следили за беседой.

- Вот черт!

Филлигер кивнул.

- Я сразу вам это сказал. Те, кто там сидит в машине, действительно легавые.

- И я держу пари, что те двое там не единственные, кого они использовали. Что теперь?

- Может, ты сделаешь нам кофе, Клаудия?

- Да, конечно. Если тебе тогда что-то лучшее придет в голову. Пойдем, сядем на кухне.

Пока Вайгерт сидел на скамье на кухне, Клаудия хлопотала у эспрессо-автомата. Филлигер присел на буфет, откуда он мог обзирать все. Никто не знал, что он должен был говорить теперь. То, что было еще предположением полчаса назад, когда они обнаружили машину перед домом, теперь стало фактом. Вайгерт был обнаружен. К нему приставили нож. Еще была последняя отсрочка казни, но потом...

- Знаешь ли ты, собственно, этого Карлссона, Ганс?

- Да, по меньшей мере, по имени. Я однажды писал статью о секретной службе ООН в Вене. Тогда, правда, Карлссон меня не принял, а послал только мне своего пресс-секретаря. Лично я никогда не встречался с ним. Он - довольно большая шишка. Насколь-

ко я помню, он второй человек в венском центре. Если вспомнить, что Вена является одним из трех основных баз [World Intelligence Service](#) во всей Европе, это не плохо. Но важно это или нет, с людьми ООН что-то не так. Сначала они пытаются скрыть подробные обстоятельства покушения на Фолькера, потом хотят навесить на меня два убийства, к которым я не имею никакого отношения. И теперь, когда они нашли меня, они снова трубят отбой и хотят в качестве вознаграждения нацепить на меня за это намордник.

Клаудия закончила подготовку эспresso и присела на скамью к Вайгерту.

- Приказ о твоём аресте был выписан не секретной службой ООН, а еврокопами, как ты рассказывал нам. После того, однако, как люди ООН засунули свои носы в дело Фолькера, вполне логично, что они занялись также убийствами Мартена и его жены. А именно потому, что там появился журналист, который помешал им уже в деле Фолькера.

Вайгерт постепенно сердился.

- Нам снова нужно еще раз пережевывать теперь, вероятно, все это дело?

- Нет, это было только вступление. К чему я веду, так это сведения, которые Штайнер рассказал тебе в Тибете. Ах, Петер, не мог бы ты позаботиться о кофе, пожалуйста?

Филлигер спрыгнул с буфета и поставил на стол три чашки, к ним молоко и сахар. Потом кувшин с черным, дымящимся напитком.

- Теперь мне это действительно понадобится. В конце концов, я спал только три часа.

- Теперь постарайся подольше ее не перебивать. Итак, Клаудия, продолжай.

- Значит так, Штайнер рассказал тебе легенду об [Агартти](#), иначе говоря, об ордене «Туле», и о [Шамбале](#), другими словами, о масонах. Фолькер и Гринспэн, а также Гаракин, если верить Штайнеру, были людьми [Шамбалы](#). Эти сведения также совпадают с информацией твоего начальника отдела, что Фолькер и Гринспэн должны были быть масонами.

- Мы это все уже обсуждали!

- Подожди. Если Штайнер был так открыт по отношению к тебе и признал, что оба покушения, о которых ты знал, были совершены его людьми, и еще даже признал, что было третье убийство, тогда у него нет, очевидно, интереса к тому, чтобы что-то утаить в этом отношении.

- Что значит утаить? Он прямо-таки просил меня, чтобы я написал об этом!

- Вот именно. Кроме того, Штайнер и его люди вряд ли как-то связаны с убийствами в Вевельсбурге. Иначе он тоже спокойно мог бы их признать.

- Я всегда так говорил!

- Теперь наберись терпения. Итак, Шамбала - это сторона, которая не хочет, чтобы об Агартти что-то стало известно. Если при этом ей помогает секретная служба ООН, то мы можем исходить из того, что Шамбала поддерживает лучшие контакты с ними. Вероятно, даже несколько человек этой группы сидят на соответствующих постах. Вероятно, Карлссон тоже один из них.

- И?

- Не мешай мне развивать свою мысль. Давай будем исходить из того, что секретная служба ООН - это не кучка новичков. В конечном счете, в прошлом было достаточно доказательств ее эффективности. Это значило бы, что там точно знают, что ты не совершал убийств в Вевельсбурге. Если есть связи между секретной службой и Шамбалой, и если люди Шамбалы не заинтересованы в том, что кто-то роется в этом деле, тогда вполне естественно, что они захотят заставить тебя замолчать. Итак, на тебя навешивают убийства.

- Но ты же как раз слышала об этом. К этому, очевидно, уже нет никакого интереса. Предложение Карлссона было в том, чтобы я благополучно выбрался из этой ямы.

- Да, но цена та же: ты должен убрать свои руки от этого дела. Если они позволят тебе вернуться в «Листок», то они еще что-то выиграли. Ведь процесс против тебя только поднял бы снова шум, а как раз этого они и хотят избежать.

- Это мне не нравится.

Филлигер с треском поставил свою кофейную чашку на стол.

- Самое позднее с покушения на Гринспэна, которое произошло на открытой улице и где, следовательно, все СМИ сообщили также о знаке, который выжгли у него на лбу, целая орда журналистов копается в этом деле. Почему именно Ганс должен быть так важен для людей Шамбалы?

- Очень просто. Ганс - единственный человек, который, пусть даже случайно, нашел след к Агартти.

- Чепуха! Другие не знают, что Ганс был в Тибете и говорил там со Штайнером.

- Очевидно, нет. В противном случае секретная служба ООН его бы уже давно арестовала. Но они знают, что он был в Вевельсбурге и говорил там с Мартеном. И вместе с тем они знают, что он взял правильный след. Зато они не знают, тем не менее, как да-

леко мы уже продвинулись. Как раз это они и думают предотвратить, пытаюсь купить Ганса.

- Почему они предполагают, что я просто так легко соглашусь на это?

- А разве это нелогично? Ты самый обычный журналист, а никакой не агент. Как ты мог бы жить дальше, если ты в розыске? У тебя не было бы шанса затаиться на длительный срок. Это было ясно и нам самим тоже. В конечном счете, мы хотели только выиграть столько времени, чтобы у нас было что-то в руках, пока тебя не арестовали. Если ты не согласишься с их предложением, ценой этого будет жизнь в постоянном бегстве. Кто уже пойдет на это, особенно зная, что невиновен? Я думаю, что люди ООН рассчитали все правильно. Их ошибка только в том, что они не учли того, что мы узнали уже достаточно много, куда больше, чем они могли себе представить. Да и кто мог бы учесть все такие случайности, как те, с которыми ты столкнулся у Мартена?

- Это верно. Если бы я прибыл всего на десять минут позже, он был бы уже мертв. И мы еще сегодня сидели бы, даже не догадываясь, что происходит на самом деле.

- Ну, пусть пока так. Но почему они дают тебе тогда целую неделю на размышление? Несколько часов или один день, пожалуй, хватило бы.

Филлигер был действительно критическим духом.

- Не догадываюсь. Но, возможно, это им все равно. Они контролируют нас. Так как мы любители, а они профессионалы, мы так или иначе не можем выйти. И предпринять мы много не можем. Возьмут ли они меня теперь завтра или через неделю, в общем, не играет роли.

Клаудия еще, кажется, не закончила свою речь.

- Ты, Ганс, и я, мы оба журналисты. Ты, Петер, как бывший специалист по связям с общественностью также достаточно хорошо разбираешься в этой профессии. То, чего мы хотели, было всего лишь одной горячей статьей. Верно?

Вайгерт медленно кивнул.

- Ну, в общем, да.

- Дошло ли уже до вас, собственно, что то, что происходит, не имеет к этому уже почти никакого отношения? Я...

Вайгерт прервал ее.

- Глупый вопрос. Как только ты видишь свежие трупы, и тебя хотят сделать ответственным за это, естественно, это уже не имеет ничего общего с журналистикой!

- И это тоже, Ганс. Но вокруг нас происходит что-то, - если принять это всерьез - что могло быть очень важным для всего мира.

- Что значит, если принять это всерьез? Действительно, Гаракин, Фолькер и Гринспэн были убиты. Все трое были весьма значительными личностями. Есть там еще что-то, что нельзя принимать всерьез?

- Ты прав. Но разве нет тут разницы, идет ли речь при этом о нормальном терроре, к которому мы, так сказать, привыкли, или о процессах, значение которых выходит за рамки устранения этих людей?

Филлигер был не особенно доволен речами Клаудии.

- Теперь и ты уже веришь в теории заговора Штайнера?

- Верю или нет, во всяком случае, вполне логично, что политика и история делаются именно так. Теорией заговора это было бы только тогда, если я бы хотела приписывать всех и все деятельности темных сил. Но даже Штайнер не утверждал, что **Агарты** и **Шамбале** не требуется учитывать политическую деятельность в том виде, как мы до сих пор знали это. Они как раз используют ее и пытаются реализовывать ее согласно своим целям. Но я веду к тому, что речь больше не идет, собственно, о статье, ради которой мы действуем. Теперь мы сами играем роль в истории. И мы могли бы повлиять на ее исход.

Ганс очень хорошо понимал, что она хотела этим сказать. В конечном счете, Клаудия тоже была журналисткой. Как и ему, ей тоже всегда было понятно, что они только общались о действиях других людей.

Теперь у них впервые в руке был кончик чего-то, с чем они могли бы сами влиять, вероятно, на движение вещей. Но как, черт побери?

Критика Филлигера не заставила себя долго ждать.

- Я думаю, ты смотришь на это слишком наивно. Представим себе, что теперь мы начнем с того, что раструбим через СМИ все, что мы знаем. Эсесовцы, которые сидят в Гималаях, эзотерические тайные ордена, которые ведут между собой борьбу за мировое господство, все это нашпиговано несколькими политическими убийствами. Это прекрасный материал для научной фантастики, но не основа для достоверного репортажа. Нас посчитали бы сумасшедшими. Никто не поверил бы в это. Добавьте еще, что у нас почти нет твердых доказательств. В лучшем случае мы могли бы указать на несколько логичных связей. Нет, так это не пойдет.

Клаудия не хотела сдаваться.

- Вероятно, у нас есть доказательства! А именно на этих лазерных дисках, которые ты не можешь вскрыть!

- А... теперь снова начинается. Я...

Вайгерт вмешался.

- Прекратите! Петер прав. До тех пор пока мы действительно ничего не можем доказать, нет смысла что-то публиковать, даже если бы нашлась газета, которая пошла бы на это. Единственным получателем наших нынешних сведений были бы полиция или разведки. А на это я тоже смотрю скептически. Официальный фокус всего дела - это покушения на Фолькера и Гринспэна. Чисто с точки зрения компетенции это приоритетное дело для *World Intelligence Service*, даже если ему помогают и другие органы власти. Практически не имеет значения, куда мы пойдём с нашими сведениями. В конце концов, все окажется у секретной службы ООН. И там сидят люди *Шамбалы*. Предложить наши знания государствам, которые в плохих отношениях с ООН, конечно, с политической точки зрения ни в чьих интересах здесь, не так ли?

Филлигер покачал головой.

- Нет, конечно, нет. Но кто говорит тебе, собственно, что *Шамбала*, они же масоны, были бы для нас плохой точкой для старта? Я думаю, если альтернативой ей является орден «*Туле*», который уже породил Третий Рейх - якобы, по меньшей мере - почему тогда не пойти к людям, которые сегодня у руля?

- Ты делаешь успехи. Если поверить Штайнеру, и ты ему уже веришь, раз представляешь такую возможность выбора, тогда оба вырезаны из одного и того же дерева. Я еще не могу решиться, чтобы вынести свой окончательный приговор. Но после всего, что до сих пор произошло, я не уверен, является ли *Шамбала* действительно хорошей альтернативой или, вероятно, только в лучшем случае меньшим из двух зол.

- Послушайте, вы, два героя. Мне как раз пришло в голову еще кое-что.

- Не начинай снова с компакт-дисками!

- Нет, не бойся. Но это все же имеет отношение к тебе, Петер. Собственно, заметили ли вы, что Карлссон говорил только о Гансе и обо мне?

- Верно. Ну и?

- Это значит, что секретная служба ООН вовсе не знает, возможно, что Петер находится здесь. Он все это время не покидал дом и окопался в комнате наверху за монитором. И так как он такой любитель сумрака, он всегда опускал занавески.

Вайгерт вскочил.

- Конечно! Если они обнаружили меня здесь действительно только вчера, то это значит, что они прослушивают, вероятно, также телефоны Клаудии только со вчерашнего

дня. Они ничего не могли знать о беседе с тобой, Петер, в Норвегии. И о твоём при-
бытии сюда они тоже не знают. Мы...

Клаудию нельзя было остановить.

- Это значит, что мы можем действовать, несмотря на наблюдение, как минимум, еще
во время отсрочки казни на эту одну неделю!

- Могу ли я как заинтересованное лицо тоже кое-что сказать об этом?

- Пожалуйста.

- Если это должно означать, например, что я должен пробираться из дома, что-бы
вести поиски дальше, то вы ошибаетесь. Во-первых: что бы там ни было, я все равно
единственный из нас трех, кто может расшифровать эти чертовы диски. Так как они,
по меньшей мере, по-прежнему, наш самый важный след, мы также не можем позво-
лить себе бросить это. Во-вторых: вы забыли, вероятно, что я уехал в Норвегию не для
того, чтобы меня оттуда снова вытащили и впутали в какие-то сомнительные дела. Я
хочу помочь вам, конечно. Но у меня нет желания, чтобы меня, возможно, тоже поса-
дили. И есть еще «в-третьих». У Ганса есть одна неделя времени, чтобы объявить его
решение. Но кто вам сказал, что люди ООН все это время будут сидеть снаружи в
своих машинах? Возможно, им станет холодно, и они захотят шнапса. Или они просто
перевернут нашу лавочку с ног до головы. Тогда прощай, свобода Филлигера. Понят-
но?

Вайгерт хотел что-то возразить, но Клаудия опередила его.

- С первым пунктом ты, к сожалению, прав. Второе замечание я охотно приму к сведе-
нию. Большого Ганс от тебя и не требовал. А что касается третьего момента, то мы, по
крайней мере, можем принять некоторые меры предосторожности, и сделать им это
не таким легким.

Филлигер вздохнул. Но Клаудия не давала сбить себя с толку.

- Я сейчас, когда они нас обнаружили, не могу, как планировала, поехать в Мюнхен.
Как только я там начну разузнавать в каких-нибудь архивах об ордене «Туде», наши
друзья из секретной службы ООН не будут долго мешкать. Тогда им станет слишком
жарко. Как бы это ни обернулось, теперь ты наш джокер, Петер.

Сан-Диего, 14 декабря

Солнце как раз было готово закончить свой день и медленно утонуть за горизонтом.
Но перед этим, так оно решило, должно было быть еще одно из его незабываемых
прощальных выступлений. И так оно выслало свои лучи в последний раз, прежде чем
исчезло, чтобы осветить облака и небеса на западном горизонте в яркие цвета. Это

было, как будто бы оно хотело дать видимое свидетельство своей таинственной силы, чтобы сказать человеку: «Я возвращусь, и ничего не может помешать мне в этом». Миллиарды лет оно было одной из констант божественного порядка. Оно оставалось бы также и дальше этим, вне зависимости от того, что происходило здесь внизу на Земле.

Семеро мужчин, которые собрались в загородной резиденции Томаса Бекетта, в настоящий момент были не в том настроении, чтобы наслаждаться этим спектаклем. Причиной этого было то, что они прибыли ради обсуждения очень серьезных вещей. Но у некоторых из них появилась мысль, что они были тут как раз из-за этого солнца, которое протягивало к ним свои черные лучи **Агарты**.

Всегда, когда Круг семи встречался – совет, как они называли его – они всегда тогда отказывались от всего, что было возложено на тысячи, стоявшие на нижних ступеньках лестницы, во время их «работы». Им уже не нужны были никакие символы больше, чем посредничество с божественным. Так как они давно стали, так же, как Карл Штайнер, путниками между двумя мирами. Они очень успешно пытались держать в своих руках нити одного мира. Но их настоящая цель лежала в другом мире.

Совет всегда образовывали семь мужчин. Если один из них умирал, то торжественно посвящали его выбранного наследника также в последние тайны **Шамбалы**. Уже четыре года Круг Семи состоял из тех же людей, что встретились теперь в загородной резиденции Бекетта.

Лутц Веттлер в свои 38 лет был самым молодым в Круге. Он был немцем, но его национальность совсем ничего не значила в такие времена, как эти, и в таких кругах, как этот. Веттлер сделал удивительную карьеру, последней остановкой которой до сих пор была должность министра сельского хозяйства в Европейском Политическом союзе. Конечно, братство помогло ему при его подъеме, но, по меньшей мере, в той же мере он был обязан этим своему интеллекту и усердию.

Джим Гленн прибыл из Нью-Йорка. Он был олицетворением «американской мечты». Он пробился с самого низа почти на самый верх. Гленн стартовал в восемнадцать лет как неизвестный журналист бульварной газеты в «**Большом яблоке**». Теперь, спустя 45 лет, он был одним из самых могущественных медиа-магнатов мира. Он руководил глобальной империей из телецентров и радиостанций, газет и журналов, спутников и информационных агентств. И он умел использовать свою позицию.

Профессор Роберт Скотт был британцем как из иллюстрированной книжки: бледная кожа, рыжие волосы и такая же рыжая волнистая окладистая борода. К этому добавьте поведение истинного джентльмена, подчеркнутое еще несколько гнусавым голосом. Его сферой была экономика. Самое позднее с тех пор, как он получил Нобелевскую премию по экономике десять лет назад, он был весьма востребованным советником многочисленных правительств и международных учреждений. Британский журнал

«Economist» назвал его однажды «серым кардиналом мировой экономической политики».

Совсем другого сорта был генерал Жан-Поль Паскаль. Он происходил из парижской семьи, мужчины которой почти всех поколений посвятили свою жизнь армии «Великой нации». Паскаль был абсолютным солдатом, что не должно было значить, что он не владел также чутьем в политических отношениях. Когда Франция, которая в 1966 году вышла из военных структур НАТО, несколько лет назад полностью вошла в оборонные структуры Европейского сообщества, он принял вскоре после этого командование первыми частями европейской армии. Оттуда Паскаля перевели к Объединенным Нациям, где он теперь был заместителем командующего войсками ООН.

Хироши Фуканага прибыл из Токио. Но с такой же вероятностью он мог бы прибыть из любой другой точки на глобусе.

Ведь для эффективного управления всемирного концерна, который он возглавлял и платежная ведомость которого охватывала в целом почти 650 000 имен, он имел в своем распоряжении три больших реактивных самолета, которые все вместе служили ему не только как транспортное средство, но и как жилье, место для работы и сна. Конгломерат фирм Фуканаги состоял из нескольких сотен связанных друг с другом предприятий, большинство из которых работали, прежде всего, в области электроники. Куда меньше было известно, что мультимиллиардер владел 70 % всемирных патентов в области геномной технологии.

Шестым в союзе был российский карьерный дипломат Сергей Каменев. Каменев полностью поддержал запущенный в 1985 году Михаилом Горбачевым процесс реформирования Советского Союза и его открытия в сторону Запада. После путча 1991 года открылось несколько важных вакансий в тогда новом российском министерстве иностранных дел. Каменев схватился за это. Через несколько лет он был выбран в Совет Безопасности Объединенных Наций. Серия убийств последних недель особенно болезненно затронула его. Как Олег Гаракин, которого он знал с ранней молодости, так и его коллега в Совете Безопасности, Алан Гринспэн, были его друзьями.

Томас Бекетт был номером семь. Как у первого среди равных в руках у него сбегались все нити, но необходимые решения принимались всеми вместе. И сегодня, в то время как солнце исчезло, и воцарилась ночь, нужно было принять важные решения.

Боцен, 15 декабря

Петер Филлигер выглядел плохо. Его глаза покраснели. Он уже давно больше не причесывал длинные волосы, футболку, которую носил, тоже давно не менял. Он как раз потушил сигарету, чтобы вслед за тем зажечь следующую. Пепельница рядом с компьютером была уже настолько полна, что несколько окурков угрожали выпасть из нее. Совсем рядом с ней стояла бутылка виски, которая еще позавчера предстала в

девственной целостности. Сегодня уровень в ней опустился настолько, что уже можно было предвидеть очень скорое осушение на дне бутылки. стакан, стоявший напротив, даже в третьеразрядном кафе возвратили бы официанту. Оставалось только надеяться, что алкоголь действительно его дезинфицировал.

Одиннадцать дней и ночей сидел уже Филлигер перед монитором, прерываясь только на несколько часов сна каждую ночь и немногочисленные общие беседы троих. Он даже еду большей частью перенес сюда к письменному столу. Вчера, после четырнадцати часов непрерывной работы за компьютером, колонны чисел и буквы внезапно начали передвигаться. Сначала он думал, что с монитором что-то не в порядке. Все же потом, когда он потер себя рукой по закрытым глазам, это снова прошло. Он просто ужасно устал. Десять минут спустя он заснул в своем кресле, правой рукой все еще держа мышь. Утром Клаудия нашла его в таком виде и сделала очень озабоченное лицо.

То, что началось как дружеская услуга, для Филлигера все больше и больше превращалось в кошмар. Конечно, его тоже интересовало, что выйдет из всей этой истории в конце. Но постепенно это дело стало для него плохо пахнуть. Он ведь хотел начать новую жизнь в Норвегии. Теперь он днями сидел перед монитором, чтобы выманить предполагаемые тайны у двух серебристых дисков, которые они вообще и не содержали, возможно. И при этом он еще подвергался опасности попасть в вихрь событий и, вероятно, в один не далекий день вместе со своим другом Гансом и с Клаудией быть арестованным секретной службой ООН. Быть другом, действительно, порой бывает совсем не просто.

В тысячный раз он двигал мышь туда-сюда, стучал между тем снова и снова пальцами по клавиатуре, чтобы сообщить внутренностям машины, что они должны были делать. До сих пор данные, которые Пьер Мартен записал когда-то на обоих лазерных дисках, сопротивлялись всем попыткам отдать свою тайну. Теперь наступила следующая попытка.

Как всегда, прежде чем Филлигер задавал последнюю команду в компьютер после продолжительных подготовительных работ, которая должна была побудить его запустить сложные арифметические процессы сложный, он позволял себе глоток виски. В момент, когда он оставлял стакан, он нажимал на клавишу и закрывал глаза. Опыт последних дней научил его, что машине требовалось примерно от двух до трех секунд для арифметических процессов, прежде чем результат был виден на экране. Это было не долго, но все же, достаточное время, чтобы дать короткую паузу разрядки замученным глазам.

Филлигер открыл их вновь, посмотрел на экран, снова закрыл, снова открыл еще раз. Он изверг громкий крик и вскочил. При этом бутылка виски с грохотом упала, покатила по столу и упала, наконец, на пол с шумом, хотя и не разбилась. Его крик прекратился только тогда, когда Ганс Вайгерт и Клаудия Аполонио вбежали в комнату. Вайгерт был довольно рассержен.

- Что это с тобой? Ты совсем съехал с катушек! Там снаружи стоят шпионы ООН. Если они поймут, что тут есть еще кто-то...

Вайгерт прервал фразу, когда заметил, что ухмылка не хотела исчезать с лица его друга.

- У меня получилось!

Клаудия двинулась в направлении монитора, Вайгерт пытался оттеснить ее в сторону.

- Но это же не может быть правдой! Ты действительно сделал это!

Клаудия бросилась на шею Петеру и громко поцеловала его в щеку. Потом она снова повернулась. Филлигер уселся на свое место перед экраном. Оба других пристально как очарованные смотрели на то, что появилось там и теперь – больше не зашифрованное – предстало перед глазами наблюдателя.

- Ты уже все просмотрел? Как тебе это удалось? Это...?

Вайгерт уже не мог сдерживать своего волнения.

- Нет, черт побери! Я еще не дошел до того, чтобы посмотреть все. И как у меня это получилось, все же, теперь не имеет значения. Код раскрыт, это главное! И теперь давайте спокойно проверим, что дядя Мартен завещал нашему маленькому Гансу.

Клаудия была первой, которая прокомментировала это.

- Имена, адреса, телефонные номера, даты рождения, функции в профессии, короткие биографии! Елки зеленые! К чему это все?

Филлигер дальше листал файл, так быстро, что больше нельзя было читать вместе. Наконец, он дошел до конца.

- Вот что это! Список людей с адресами, а также несколько биографических примечаний к каждому. Более ничего. Скучновато, не так ли?

- Что же тут скучного!? Этот список мог бы иметь для нас самое большое значение.

- И какое, позвольте мне спросить? Кто все же люди, которые там перечисляются?

Вайгерту в голову пришла идея.

- Сколько их?

Филлигер нажал на несколько клавиш.

- Странно, точно 333.

- Давай уже, попробуй второй диск!

Филлигер сделал, как ему сказали. Он и тут вскрыл код тем же методом что и на первом диске. Результат был идентичным, тоже одинаково построенный список людей, однако - так показалось, по меньшей мере, на первый взгляд - с другими именами.

- А тут их сколько?

- Наш француз, кажется, был шутник. Тут тоже 333.

- Вместе у нас есть 666 имен. Ну, за здоровье! Можешь ли ты связать оба файла и проверить, встречаются ли там имена дважды?

- Я что, новичок? Конечно, я могу.

Несколькими секундами позже результат появился.

- Нет ни одного полного имени, которое встречалось бы дважды или чаще. Несколько фамилий и несколько имен идентичны, но в этом нет ничего неожиданного при количестве 666 человек.

- Дальше! Поищи теперь Бернхарда Фолькера! Давай!

- Так, уже делаю... Ошибочный запрос, такого нет.

- Ищи Алена Гринспэна.

Филлигер снова нажал на несколько клавиш.

- Тоже нет. Теперь ты, конечно, хочешь поискать также Олега Гаракина?

- Догадался, старина!

- Ошибочный запрос. Ничего такого тоже нет.

Теперь подключилась Клаудия.

- Попробуй с Карлом Штайнером. Вдруг тут нам повезет чуть больше.

Им повезло. Набор данных появлялся на экране: «Штайнер, Карл. Родился: 9 сентября 1918. Вступление в СС: 1 января 1937. Применение в Вевельсбурге. Посвящение: 21 декабря 1940. Уехал 7 июля 1942 как член экспедиции СС в Тибет. Живет с тех пор в Тибете. Контакт через монастырь Ташилунпо».

Внезапно зазвучал хлопок. Вайгерт шлепнул себя ладонью по лбу.

- Конечно! Вот это! Знаете ли вы, что такое этот список?

Филлигер в данный момент не был настроен играть в угадайку. Он был слишком занят тем, чтобы достать из-под стола упавшую бутылку виски. Итак, это была очередь Клаудии.

- Я кое о чем догадываюсь. Но я не хочу украсть шоу у тебя.

Петер сделал большой глоток из спасенной бутылки. Последний глоток еще оставался. Он высоко поднял ее.

- Хочет ли еще кто-то?

Вайгерт просто проигнорировал предложение своего друга.

- Ведь Штайнер рассказал, что, прежде всего, в конце Второй мировой войны целый ряд людей **Агарты** или, скажем лучше, людей «**Туле**» сбежали из Германии, как говорил Штайнер: чтобы вернуться в далекое время в другом виде. Это была структура существования **Агарты** за пределами Третьего Рейха. И этот список содержит имена этих мужчин и женщин!

- Ты балбес!

Так как никто не принял его предложение, Филлигер как раз позволил самому себе допить последний глоток виски.

- Ну, что нам это даст? Или ты веришь, что у них всех есть источник вечной молодости, как у твоего Штайнера? Они уже все давно в земле отдыхают!

- Подожди, Петер. Можешь ты отсортировать имена по датам рождения и установить, сколько из них родились в каком десятилетии?

- За это время до тебя уже должно было прийти, что такие забавы возможны. Итак, вперед.

Это продолжалось пять минут. Потом у Филлигера был результат.

- До 1920 года родились только три человека. Между 1920 и 1930 родились 17. Между 1930 и 1940 в целом 25 человек увидели свет мира. Здесь мы сделаем маленькое разделение. От 1940 до конца войны родились 48 человек. Это значит, что самый большой остаток из в общей сложности 573 человек родились уже после конца Второй мировой войны. Хочешь ли ты там также более точного распределения?

- Да. Установи, сколько из них моложе двадцати лет.

- Минутку... Таких... только восемь.

- Этого не может быть! То, что у нас в руках, по моему мнению, может быть только списком живущих сегодня приверженцев **Агарты**!

- И что с теми, которые родились после 1945 года?

- Они были отобраны, воспитаны и, наконец, посвящены как раз людьми «Туле», которые могли еще своевременно исчезнуть из Германии. Или это их дети. Структура хочет спасти жизнь себе и передать ее предполагаемые тайны, безразлично, что происходит вокруг. Это высказал со всей определенностью и Штайнер.

Клаудия подала голос сзади.

- Остается только вопрос, как Мартен вышел на этот список.

- Не догадываюсь. Он больше не может это нам рассказать, во всяком случае.

- А если он был, все же, один из людей Штайнера? Тогда вполне имело бы смысл, что убили его люди Шамбалы, как Штайнер и рассказывал тебе.

- Да, это было бы возможно. Распечатай содержание списка и скопируй файл, Петер.

Клаудия встала и принялась ходить по комнате взад-вперед. Внезапно она остановилась.

- Давайте предположим, что ты прав, Ганс. Штайнер намекнул по отношению к тебе, что его привидения уже скоро снова будут пробуждены к жизни. Тогда все эти люди играли бы при этом, вероятно, некоторую роль.

- Если я прав, и если Штайнер не лгал, то это могло бы быть именно так. В конце концов, у высказываний Штайнера с тех пор, как мы проверили убийство Гаракина, во всяком случае, весят значительно больше.

- С этим у нас в руках была бы настоящая бомба. Мы могли бы остановить Агарты.

- Я не знаю, как.

- Совсем просто. Мы передадим список секретной службе ООН.

- И тем самым также Шамбале, пандану Агарты, о которых мы даже не знаем, не скрываются ли за ними такие же сумасшедшие, только в другой одежде. Методы Штайнера и его сообщников мне не нравятся. Но я не могу утверждать, что подход другой стороны намного привлекательнее.

- В этом что-то есть. Но что мы можем придумать другое?

Филлигер прервал беседу обоих.

- Агарты, Шамбала и что я там еще знаю! У нас здесь есть поименный список, ничего более. Никто от вас не может доказать в данный момент, что это на самом деле. Или

вы уже лишились способности трезво мыслить!? А может быть этот Штайнер уже полностью заразил вас своими оккультными теориями заговора!?

Вайгерт постепенно разозлился от постоянной критики своего друга.

- Ты меня уже достал! Почему ты не можешь просто принять к сведению самое понятное и поверить тому, что рассказал Штайнер? За прошедшее время у нас есть, конечно, достаточно признаков того, что в его рассказе не было никакой чепухи! В случае Гаракина мы установили, по меньшей мере, что его жена отрицала перед судом свою вину. И ее алиби, подруга жены Гаракина, у которой та была во время совершения преступления, странным образом погибла в авто-катастрофе во время процесса. Похоже, что слова Штайнера вовсе не высосаны из пальца!

- А что, если мы попали в ловушку? Если все было только инсценировано как очень подходящая мозаика? Что тогда, умник!?

- Итак, кто тут верит в теории заговора? Все же, это...

Филлигер встал.

- Ну, тогда делайте все, что хотите. А я принесу чего-то выпить.

Он покинул комнату. Клаудия посмотрела ему вслед, потом повернулась к Вайгерту.

- Мы должны передать список не секретной службе ООН. Что было бы, если бы мы только намекнули, что владеем таким списком? И как предварительная работа, прежде чем мы начнем, мы захотим побеседовать с кем-то из Шамбалы. Если они тогда будут хлопать глазами, не имея никакого представления, о чем мы говорим, тогда...

Вайгерт перебил ее.

- Тогда мы снова стоим в самом начале. Но если они заинтересованы в списке, то они получают его. Причем сразу. Я не знаю, какие требования мы там могли бы выставить.

- Но получить они могут только то, что там есть.

- Ты не забыла, что они караулят под дверью? Мы могли бы спрятать список только здесь в доме, и там они нашли бы его, даже если им бы пришлось снести все стены.

- Ошибаешься, мой дорогой. Что с нашим джокером? Наши друзья из ООН, очевидно, не знают, что Петер здесь.

- Ты хочешь послать его, чтобы закопать где-нибудь компакт-диски, спрятать в банковском сейфе?

- Почему бы и нет? Список - это наш единственный козырь, с которым мы серьезно можем участвовать в игре. И если мы хотим участвовать в игре, то мы должны еще

провести большую подготовку. Имей в виду, время не ждет, при условии, конечно, что Штайнер не фантазировал. Мы должны позвонить Карлссону и договориться о встрече. Если он действительно хочет иметь список, мы должны разъяснить ему достоверно, что наш арест и допрос не дадут результатов. И мы сможем это только тогда, если мы сами не будем знать, где список спрятан.

- Ты полагаешь, что Петер подвергнет себя опасности, превратившись из дешифровщика в дичь на охоте? И что будет с нами? Клаудия, мы журналисты, а не шпионы! И это все не фильм, а кровавая реальность!

- Как раз поэтому. Или ты хочешь, чтобы Штайнер и сообщники смогли беспрепятственно выполнять свои планы?

- А если мы опубликуем список?

- Это было бы возможно. Но что, если секретная служба ООН или Шамбала не имеют никакого интереса к тому, что это происходит? Они скрыли убийство Гаракина. У Фолькера они попытались сделать то же самое. Они не смогли бы предотвратить, вероятно, публикацию списка, но они могли бы предотвратить выявление полной правды.

- И правда ли это?

- Что уже такое правда? Мир эсесовца в сегодняшнем Тибете или наш мир?

- Ты уже говоришь как Штайнер!

- Ты, все же, видел его сам. Является ли он реальностью или нет?

Вайгерт помолчал немного. Потом он вздохнул.

- Ты хочешь действительно полностью ввязаться в эту войну?

- А разве мы уже давно не в центре этой войны? Или мы должны закрыть глаза и уши и должны спрашивать себя - как о свершившихся фактах - как все это могло произойти? Мы на войне, Ганс. Сначала никто из нас, примерно как у Брехта, не хотел идти туда. Но потом война сама пришла к нам. Есть ли у нас другой выбор, кроме как сражаться?

- Я боюсь, что нет.

Боцен, 16 декабря

Джокер был готов. Ровно в 4. 25 утра Петер Филлигер натянул светлый чепец на свои длинные белокурые волосы и сообщил: «Готово». Задача была вполне ясно

сформулирована. Он должен был незаметно выбраться из дома и пешком спуститься вниз в Боцен. Там после посещения родителей во второй половине дня Клаудия оставила свою машину. Ее отец отвез ее на своей машине. Люди ООН, которые за ней следили, ничего не заподозрили. Филлигер засунул сейчас в карман брюк ключ от «Альфа-Ромео» Клаудии и техпаспорт на машину. Ему нужно было проехать на этом автомобиле только один час, потому что в Тренто он пересел бы на арендованную машину. Брат Клаудии должен был в тот же день до полудня забрать ее «Альфру» и снова припарковать у дома ее родителей. Примерно так было договорено.

Одновременно Клаудия использовала это посещение, чтобы снять тридцать миллионов лир с ее счета. Теперь деньги были спрятаны в анораче Филлигера рядом с обоими лазерными дисками. Этого должно было быть достаточно, чтобы попасть в Рим и прокрутить там несколько легальных и несколько менее легальных дел. В этом самым важным партнером Петера был бы Ливио Лучентини, о котором в досье римской полиции было написано кое-что об его близких отношениях с мафией.

Клаудия познакомилась с ним несколько лет назад в фешенебельном ресторане на берегу Тибра. Он очаровал ее с первого момента, и потому произошло так, что сразу после трапезы она оказалась у него прямо в постели. Серьезные отношения из этого не выросли. Но оба встречались несколько раз в год и несмотря на большую разницу в воздухе понимали друг друга прекрасно. И с того времени, как Лучентини однажды посвятил Клаудию в свою двойную жизнь, ничего в их отношениях не изменилось.

Приехав в Рим, Филлигер должен был связаться с седовласым членом достойного общества и получить для себя поддельные документы. Вайгерт и его друг после долгого обсуждения с Клаудией договорились о том, что Лучентини достал бы им и пистолеты. Хотя нельзя сказать, что они стопроцентно были уверены, что те им действительно понадобятся.

Но за прошедшее время пролилось уже слишком много крови, и слишком многими трупами была вымощена дорога **Агарты** и **Шамбалы**. Три друга уже давно попали слишком глубоко в этот смерч, так что им трудно было верить, что в случае чего их пощадят. Безопасность есть безопасность. И если уже Филлигер устанавливал контакт с Лучентини, то тот мог бы справиться и с этим делом. Клаудия с благодарностью отказалась от оружия.

Вооруженный новым именем, Филлигер должен был затем сделать следующий шаг: снять комнату в незаметном отеле и арендовать сейф в банке. Сейф должен был сохранить оба серебристых диска из наследия Пьера Мартена.

Завтра, ровно в шесть часов вечера, наступило бы время подтверждающего сигнала, что все получилось. Звонок в дом Клаудии, три раза, потом опять повесить трубку. Затем все еще раз. Если бы до тех пор не Филлигеру не удалось принять все необходимые меры, то в полдень следующего дня был еще второй срок для связи. Если он и тогда не даст сигнал, это значило бы, что он потерпел неудачу. Если секретная служба

ООН схватит его, то Вайгерт и Аполлонио узнали бы об этом и без того раньше. Но если бы он сделал все, что было договорено, это стало бы стартовым выстрелом для Ганса и Клаудии.

- Все ясно?

Вайгерт посмотрел своему другу в глаза.

- Ясно. Я чувствую себя как тогда, в армии. Ты уже знаешь, Ганс, это предвкушение радости смешано с кручением в животе, если речь шла о том, чтобы немного поиграть в сыщиков и разбойников с предполагаемым врагом.

- Только смотри, чтобы все прошло так же легко, как тогда.

- Ты уже и не помнишь? Тогда я всегда был самым лучшим в нашей роте в этих маленьких играх.

- Я помню. Но не забывай, что сегодня не маленькая игра. Это наш единственный шанс доставить в безопасное место список имен.

- Не бойся, они меня не поймают.

Филлигер всегда был самым критическим духом тройки. У него все еще были сомнения, на самом ли деле та история, за которой следили Ганс и Клаудия, была настолько важной. Но сейчас, когда он от компьютера перешел к приключениям, ему это стало безразлично. Он начал находить в этом что-то вроде удовольствия.

Клаудия глядела через окно, чтобы проверить, не изменили ли люди секретной службы ООН - по меньшей мере, те, которых она могла видеть - свое местонахождение. Потом она присоединилась к обоим мужчинам.

- Там снаружи все по-старому. Одна машина на улице перед домом и одна на полевой дороге за ним. Больше ничего не видно.

Тело Филлигера выпрямилось.

- Ну, тогда. Скажите приключению, что я иду.

Клаудия встала на цыпочки и поцеловала его. Сейчас ее глаза, в которых обычно всегда отражалась радость ее сердца, смотрели неуверенно и почти печально.

- Пожалуйста, будь осторожней.

- В этом ты можешь быть уверена.

Ганс Вайгерт на прощание хлопнул своего друга по плечу.

- Держи хвост пистолетом!

- Это не проблема на морозе. Так, а теперь спускайте песика с поводка.

Клаудия пошла на кухню и встала у окна. Она должна была предостеречь обоих, если бы кто-то вышел из машины перед домом или если бы она поехала. Вайгерт следил за второй машиной, осторожно высматривая из одного из больших окон жилой комнаты.

У агентов ООН там внутри была более опасная для Филлигера позиция. Ведь он должен был через дверь выйти в сад и пересечь его. Только если бы он смог незаметно перелезть через забор, он был бы в относительной безопасности. Из машины, которая стояла на полевой дороге, нельзя было видеть непосредственно дверь, но можно было просматривать примерно две трети сада.

Филлигер лишь чуть-чуть приоткрыл дверь. Холодный, пряный воздух ударил его и заставил задрожать от холода. По радио объявляли температуру утром в четыре градуса мороза. Он выглянул наружу. Час назад еще шел снег. Высота снега была всего несколько сантиметров, но все же достаточно, чтобы обнаружить утром его следы. Клаудия и Ганс должны были позаботиться об этом - когда рассветет, они немного порезвятся в саду. В конце концов, люди ООН не должны были заметить, что джокер был в игре.

Ночь была очень темной. Снежные тучи не пропускали никакого света звезд или луны. Дом стоял очень одиноко, немного за пределами маленького поселения. Улица перед ним не освещалась. Филлигер понимал, что темнота не особо ему поможет. Его противники наверняка были оснащены приборами ночного видения или инфракрасными очками. Он познакомился с такой техникой в армии и знал, как дьявольски хорошо функционируют эти приборы. Он нуждался только в одном - в удаче.

Филлигер глубоко всосал еще раз холодный воздух в свои легкие, потом проскользнул через щель двери. В десяти или пятнадцати метрах перед собой он видел контуры большой ели. Она должна была стать его первой остановкой. За нею в темноте начались кусты роз, которые, конечно, в это время года были без листьев. Они лишь очень слабо могли бы прикрыть его. Там ему пришлось бы скользить прямо по земле. Оттуда, где они заканчивались, оставалось еще пять метров до живой изгороди, которая непосредственно обвивала ограду сада. Он осторожно прикрыл за собой дверь и побежал.

- Эй, проснись!

Тайный агент ООН встряхнул своего коллегу, который задремал рядом с ним на сиденье машины. Оба договорились, что попеременно один из них один час должен был бодрствовать, в то время как другой мог спать. С полуночи они уже были на своем

посту. В шесть часов утра их должны были сменить. Автономный отопитель спасал их от холода снаружи. От скуки помогали только радио и не-сколько газет.

- Что случилось? Мой час сна уже кончился?

Он посмотрел на часы. Когда он увидел, что до оговоренной с коллегой смены оставалось еще чуть больше четверти часа, то захотел уже протестовать. Напрасно, так как коллега выключил внутреннее освещение и не дал ему сказать ни слова.

- Там в саду что-то шевелилось!

- Ты уверен?

- Я думаю, да.

Он прижал прибор ночного видения к своим глазам и принялся смотреть через окно.

- Что значит, ты думаешь? Ты же только что читал газету. Как ты мог бы точно знать, бегают там кто-то или нет?

Теперь оба пристально смотрели в направлении сада, который окружал дом, один невооруженным глазом, другой через специальные очки.

- Хреново, что у нас нет с собой инфракрасного прибора. Усилитель остаточного света здесь тоже не слишком помогает. Нам лучше было бы выйти и проследить.

- А ты знаешь, какой там мороз снаружи?

- Да, термометр бортового компьютера показывает минус 11.

- Ну вот.

- А если там действительно кто-то есть?

- Ты видел движение или человека?

- Движение. Тень или что-то такое.

- Теперь подумай. Мы здесь сидим в глуши. И вполне обычное дело, если заяц или косуля или еще какой-то зверь тут бродит. Эта работа и так меня уже достала. Мы тут уже столько дней сидим и не знаем, зачем. У меня совсем нет желания заморозить задницу снаружи, чтобы напугать зайца. Если ты непременно хочешь, то давай, выйди и посмотри сам.

Он снова хлопнулся на сиденье, чтобы продолжить сон. Другой напряженно смотрел наружу еще несколько секунд. Потом он отложил прибор ночного видения в сторону. Он снова включил внутреннее освещение и взял в руки газету.

Теперь Филлигер добрался до живой изгороди у забора. Сквозь ветви он бросал взгляд в направлении машины, которая стояла примерно в пятидесяти метрах от него. Странно. Внутреннее освещение только что еще было включено. Он замер. Его глаза пытались пробиться сквозь темноту. Но кроме контуров машины они ничего не могли теперь видеть.

Он чувствовал, как стучит его сердце. Что ему делать, если кто-то выйдет и подойдет к нему? Драться с ним? Едва ли, ведь тех двое. И перед домом еще двое. Убежать? Тоже не самый лучший выход. У него был бы шанс ускользнуть, но тогда люди ООН начали бы допрашивать Ганса и Клаудию. И они не смогли бы дать приемлемое объяснение, что кто-то шатался в саду и, в конце концов, убежал.

Вот! Теперь внутреннее освещение снова включилось. Они должны были что-то заметить. Но, пожалуй, этого было недостаточно, чтобы заставить их выйти. Прошло две минуты и ничего не происходило.

Филлигер медленно поднялся и полез через живую изгородь. Ветки задевали лицо и царапали ему кожу. Он схватился за проволочную сетку по грудь высотой и перепрыгнул через нее. Почти беззвучно он приземлился на другой стороне. Последний взгляд назад, но все там оставалось спокойным.

Перед ним был перелесок, одновременно угроза и защита. Он должен был пересечь его, что не было легкой затеей в темноте. И, прежде всего, он должен был снова выйти в правильном месте и тогда двигаться прямо к городу, где стояла машина Клаудии. Он мог справиться с этим почти за час. Но он слишком отклонился от пути, что стоило массу времени, а его у Филлигера не было.

Филлигер осторожно двинулся в путь. Он полностью сконцентрировался на земле, чтобы не наступить на ветви, треск которых мог бы его выдать. Никто не знал, не крутится ли тут еще кто-то, кроме тех четырех людей на двух машинах. Кроме своего чувства у него не было других возможностей ориентироваться. Луна и звезды были не видны, компаса у него тоже не было. Он знал только, что примерно через двести метров он натолкнется на маленькую тропинку, проходящую вдоль опушки леса и ведущую вниз в Боцен.

Тогда, в армии, он, Ганс и их товарищи делали что-то в таком роде десятки раз. Теперь Филлигер мог полностью полагаться на свои инстинкты, которые развились в то время. И действительно: через четверть часа он стоял на маленькой тропинке. Еще спустя тридцать девять минут беглого шага он добрался до «Альфы» Клаудии. Он сильно кашлял, но чувствовал себя при этом хорошо. Секретная служба ООН, Шамбала, Агарты или кто бы там ни был – они проиграли этот раунд. Филлигер завел двигатель. Джокер был в пути.

Рим, 16 декабря

- Могу я предложить вам что-то выпить? Может быть, коньяк?

Ливио Лучентини был с головы до ног человеком старой школы. Одним из последних, вероятно. Это Петер Филлигер уже успел заметить. И он умел жить. Не только потому, что он предложил Филлигеру коньяк.

Снаружи дом Лучентини выглядел совсем незаметным. Все же, во внутренней его части скрывалась обстановка, которая сделала бы честь любой международной выставке антикварных вещей. Ни в коем случае не хвастливо, а с максимальным вкусом. Единственным, что немного омрачало картину, были мужчины, встретившие Филлигера и проводившие его к их шефу. Нельзя, конечно, сказать, что это были грубые боевики. Но по ним было видно, что они не исходили из такой среды, где с первого раза можно было бы предположить окружение со вкусом. Без сомнения, они могли выгнать незваных гостей в очень не-деликатной, но весьма эффективной манере. И это, пожалуй, относилось как раз с самым незначительным заданием, за которые им платили.

- Может быть, у вас найдется виски?

Филлигер изменял своим привычкам только тогда, если это было действительно неизбежно.

- Скотч? Бурбон? Молт?

- Молт, пожалуйста.

- Хороший выбор, господин Филлигера. Со льдом?

- Нет, без льда, только немного воды.

Лучентини подошел к бару, который по своим размерам и, прежде всего, по его наполнению, вполне мог соревноваться с баром хорошего отеля. Филлигер, глядя на это, ощущал почти что-то вроде зависти. Он наблюдал за седовласым итальянцем, когда тот наливал виски в хрустальный бокал. Этот джентльмен был членом того, что обычно описывали как достойное общество. Филлигер до сих пор знал таких людей только из фильмов. Отличие от реальности, собственно, было не слишком большим, подумал он. Но разве ожидал он после описания, которое Клаудия дала ему, чего-то иного?

- Вот, пожалуйста.

Лучентини подал Филлигер бокал и уселся напротив него в хрупкое кресло. Рококо, предположил Филлигер. А может, и нет. Он мало разбирался в таких вещах.

- Cheers!

Седой выпил за здоровье своего гостя. Филлигер сделал большой глоток.

- Клаудия послала вас, потому что она нуждается в помощи?

- Совершенно верно.

Черты лица мафиози были расслаблены и приветливы. Все же, во взгляде было что-то от яркого света лампы, с помощью которой при допросах обвиняемого пытаются лишить сна.

- Почему она сама не пришла ко мне?

Филлигер ждал этого вопроса. Клаудия поручила ему, чтобы он, если понадобится, по мере возможности выдавал факты. Он решал сначала попытаться выдавать их в геопатических дозах.

- Она не может прийти сама, не подвергая угрозе себя и вас тоже. Некоторые, ну, скажем так, ...власти у нее на хвосте.

- Вы могли бы выразиться точнее? Что за власти?

- Чтобы быть точным, возможно, полиция. Но с уверенностью можно сказать, что это секретная служба Объединенных Наций.

- *World Intelligence Service?*

- Да.

Филлигер сделал еще глоток из своего бокала. Следующим вопросом, пожалуй, должно было быть «почему». Он ошибся.

- Откуда вы знаете Клаудию?

- Через общего друга. Он познакомился с ней во время учебы в университете в Болонье. Она пригласила его тогда в Боцен и я поехал с ним. С тех пор мы видимся один или два раза в год.

Взгляд Лучентини чуть смягчился.

- Этот общий друг, случайно, не журналист?

- Да. Он работает... или лучше: он работал в австрийской газете.

Лучентини откинулся назад и посмотрел на Филлигера. Потом он отставил бокал. Несколько секунд было тихо.

- Я могу предположить, что речь идет о Гансе Вайгерте?

- Вы правы. Это Ганс Вайгерт.

Что будет теперь? Слышал ли Лучентини о проблемах Вайгерта? Вероятно, он потреблял газеты и телевидение точнее, чем многие другие. В его ремесле та-кое тоже могло бы определенно пойти на пользу.

- Поэтому солодовое виски.

Лучентини улыбнулся. Филлигер ничего не понял.

- Что, простите?

- Клаудия несколько раз рассказывала мне о господине Вайгерте. А также о вас, хотя я должен признать, что я больше не мог помнить ваше имя.

Теперь пришел черед улыбнуться уже и Филлигеру.

- Я надеюсь, она сообщала вам только о наших положительных сторонах.

- Я думаю, да. Я прочитал о расследованиях вашего друга в газете. И не только об этом. Но и о его проблемах. Он сейчас у Клаудии в Боцене?

- В данный момент да. Но они оба там не одни. Около их дома секретная служба ООН соорудила, так сказать, свой новый филиал.

- Почему его еще не арестовали?

- Ганс, или скорее, мы всех втроем, идем по следу одной истории. О чем идет речь, вы наверняка знаете, если вы следили за газетами. Они хотят заставить Ганса замолчать, шантажируя тем, что обвинят его в двух убийствах, которых он, однако, не совершал. Секретная служба ООН поставила ему ультиматум. Либо он возвращается в свою газету, которая вышвырнула его, и отказывается от дальнейших расследований этого дела, или его арестуют. Секретная служба полагает, что так или иначе контролирует его и Клаудию, наблюдая за домом, в котором пребывают они оба. Поэтому ему предоставили одну неделю времени на размышление. Но служба не знает, что я тоже был в доме. И она не знает, что нам удалось добраться до документов, которые могли бы быть очень важны для определенных кругов. Чтобы эти документы не попали не в те руки, мы должны доставить их в безопасное место, по меньшей мере, на время.

Филлигер надеялся, что выдал не слишком много. Клаудия там, Клаудия тут. Он не совсем доверял Лучентини.

- И для этого вам нужна моя помощь?

Наконец, они перешли к делу. Филлигер был этому рад.

- Собственно, нам нужны только несколько мелочей. И мы готовы заплатить за это соответствующую цену.

- Что же вам нужно?

- Документы на вымышленные имена для меня и Клаудии, а также два пистолета.

Лучентини показал на бокал Филлигера.

- Еще один?

- Да, охотно.

Он встал и пошел к бару. Пока он наливал, он смотрел на Филлигера.

- Но вы же говорили, что вас трое: Клаудия, вы и господин Вайгерт. Но вам нужны документы только на двоих. Я из этого делаю вывод, что паспорт, который я прислал Клаудии примерно две недели назад, был сделан для господина Вайгерта. Это верно?

- Это верно. Ганс должен был для наших поисков уехать за границу.

Что теперь? Отправит ли его Лучентини восвояси, ничего не сделав, так как дело с Вайгертом было слишком опасным для него? Он ведь тоже должен был делать свой бизнес. Лучентини при этом едва ли нужны были проблемы с секретной службой ООН. У него и так, наверняка, уже было достаточно трудностей с полицией.

Мафиози вышел из-за бара, поставил два снова наполненных стакана на стол и сел. Филлигер перехватил инициативу.

- Послушайте, мне это нужно так быстро, насколько возможно? Вы поможете нам?

Лучентини поднял бокал в его сторону и выпил глоток коньяка.

- Я не знаю, что Клаудия рассказала вам о моем отношении к ней. Но я надеюсь, что она не думала всерьез, что я оставил бы ее на произвол судьбы, когда у нее возникли проблемы.

У Филлигера камень с души свалился.

- Само собой разумеется, мы заплатим за...

- Неужели вы хотите обидеть меня? Вы получите то, в чем нуждаетесь вы и ваши друзья. И, разумеется, вам не придется за это платить. Есть ли у вас при себе фотографии для документов - ваши и Клаудии?

- Да, конечно.

Филлигер покопался в своих карманах и вытащил конверт.

- Вот они.

Лучентини рассмотрел фотографии для паспортов обоих, сделанные Вайгертом в Боцене.

- Клаудия только немного изменила свою прическу. Вы же вообще выглядите так, как вы теперь сидите передо мной. Не очень оригинально.

- К сожалению, в спешке нельзя было ничего еще сделать.

- Я понимаю. Вы говорили, что хотите еще два пистолета?

- Да. Мы не думаем, что они нам понадобятся, но мало ли что может случиться.

- У вас есть еще три или четыре часа времени?

- Я думаю, что есть. Без фальшивых документов я все равно ничего не могу предпринимать в данный момент.

- Вы умеете играть в шахматы?

- Умею. Но мои лучшие времена уже давно миновали.

- Тогда я могу предложить вам сыграть со мной партию. А мои люди за это время позаботятся о ваших желаниях.

Боцен, 17 декабря

Старинные напольные часы в жилой комнате указывали на без четырех минут шесть. У них было только две стрелки, часовая и минутная. Как только прошли 60 секунд, минутная стрелка продвигалась еще на одно деление. О прохождении полного часа часы возвещали колокольным звоном. Оставалось 240 секунд, потом этот звон зазвучал бы снова.

Клаудия Аполлонио и Ганс Вайгерт сидели рядом на диване. Оба нервно курили их сигареты. В остальном они молчали. Их сторожа перед и за домом пока ни-чем им не мешали. Они не поймали джокера. Но добился ли Петер Филлигер, тем не менее, такого же успеха у Ливио Лучентини в Риме, они не знали.

Еще одна минута. Клаудия затушила свою сигарету в пепельнице. Она встала и начала ходить взад-вперед по комнате. Взгляд Вайгерта не отвлекался от часовой стрелки. 18.00. Колокольный звон зазвучал и распространил свою светлую мелодию. Спустя

двадцать секунд это закончилось. Радиотелефон, который лежал на столе перед Вайгертом, пока никак не реагировал.

Клаудия остановилась, потом сделала два шага к столу и выудила пачку сигарет. С беспокойными движениями она вынула сигарету и потянулась к зажигалке, чтобы зажечь ее. Когда она держала огонь у переднего конца сигареты, зазвенел телефон. Она затаила дыхание. Вайгерт теперь вместо часов уставился на аппарат.

Один, два, три раза. Потом звонок замолк.

- Петер справился.

Слова Клаудии были трезвыми, без какого-либо триумфа. В конце концов, игра с **Шамбалой** только теперь начиналась по-настоящему. Вайгерт только кивнул. Телефон зазвонил снова. Опять три раза, прежде чем закончил.

- Мы можем начинать.

- Стой! Подождем еще полчаса. Вызов естественно был перехвачен, даже если они ничего не могут с этим поделать. Но если мы прямо сейчас позвоним Карлссону, то они могли бы что-то заподозрить.

- О'кей. Я пока сделаю нам кофе.

Полчаса проходили мучительно медленно. Но, наконец, время пришло, и Вайгерт взял телефон и набрал номер бюро Карлссона. Тот ответил сразу.

- Ах, господин Вайгерт. Я вовсе не рассчитывал на ваш ответ так рано. По нашему соглашению у вас было бы еще три дня времени. У вас в Боцене сейчас плохая погода?

Его голос звучал цинично и одновременно уверенно в победе. Ну, ничего, это у него быстро пройдет.

- Оставьте ваши пустые фразы. Я принял решение.

- Это меня радует. Могу ли я сказать вашему шефу, что он может уже скоро ожидать вас снова у себя в газете?

- В этом я, к сожалению, вынужден разочаровать вас.

- Тогда я могу дать моим коллегам перед вашим домом приказ арестовать вас?

- Но и в этом пункте я должен разочаровать вас.

- Кто же мне может помешать?

- Я.

- Тут я считаю...

Вайгерт резко прервал его. У него теперь не было никакого желания долгой болтовни.

- Послушайте теперь меня очень хорошо, Карлссон. Я не буду повторять. Точно запишите, что я вам скажу.

Твердость в голосе Вайгерта, кажется, смутила разведчика ООН. Теперь самый важный момент. Реакция покажет, было ли трио вокруг Ганса Вайгерта на правильном пути.

- Во-первых: я знаю о **Агарты** и **Шамбала**. Во-вторых: у меня есть список точно с 666 именами. Это имена существующих сегодня спящих **Агарты**, которые только ждут того, чтобы пробудиться снова.

Реакция Карлссона была более чем однозначной. Он даже и не старался скрыть то огромное удивление, которое проявилось у него на лице. Рот оставался слегка открытым, глаза стали шире, чем незадолго до этого.

Они взяли верный след. **Вевельсбург, Тибет, Штайнер, Агарты, Шамбала**. Это действительно было правдой. Хотя Вайгерт едва ли еще сомневался в этом, это последнее понимание овладело им как шок. Несколько секунд никто из двоих не сказал ни слова. Тогда Карлссон снова взял себя в руки.

- Вы знаете, что мы в любое время можем забрать этот список у вас.

Фраза прозвучала, впрочем, больше как вопрос, чем как угроза.

- Конечно, я знаю это. И поэтому я тоже принял меры предосторожности. У меня больше нет этого списка. Он в надежном месте, которое не знаем ни я, ни моя подруга. Если вы арестуете нас, то вы совсем ничего этим не выиграете, вообще ничего.

- А что выиграете вы, если не передадите список властям?

- Я не говорил, что не сделаю этого. Но прежде у меня была бы еще одна маленькая просьба, в которой вы, конечно, мне не откажете.

- Вы хотите шантажировать секретную службу ООН?

- Скверное слово. Я хочу заключить с вами честную сделку. Вы сами сказали мне это при нашем последнем телефонном разговоре. Вы еще помните?

- К чертям! Чего вы хотите?

- Немного. Только беседу с одним из посвященных **Шамбалы**.

- И потом вы отдадите список?

- Может быть. Это будет зависеть от исхода той беседы. Я подчеркну, во всяком случае, еще раз, что бессмысленно арестовывать меня или Клаудию. Мы ничего не можем сказать, так как мы сами не знаем, где спрятан список.

- Но вы, по крайней мере, прочитали его?

- Быстро просмотрели. Но при этом я мог запомнить самое большее три или четыре имени. Это было бы слабой добычей для вас. Даже если бы вы обработали меня наркотиками, я не мог бы рассказать вам больше.

- Вы понимаете, что я не могу дать вам в данный момент окончательное согласие.

- Ну, конечно. У вас есть время до завтра, 18.00. Тогда я объявлю вам также место и время желаемого мной интервью.

- И если с вашими требованиями не захотят согласиться?

- Я думаю, это вряд ли случится. У меня есть кое-что, что ваши люди непременно хотят. Маленькая беседа - это для этого, пожалуй, очень небольшая цена. Не забываюте: завтра, в шесть часов вечера. Вайгерт повесил трубку.

Вена, 18 декабря

Толстый американец стоял в толпе людей и снова и снова выглядывал на информационное табло, светящиеся буквы на котором объявляли о прибытии все новых самолетов. Возле него плакал маленький мальчик. Его мать уже пять минут пыталась успокоить - безуспешно. Ожидание тети - как женщина снова и снова пыталась ему объяснить - пожалуй, оказалось для него слишком долгим. Киплинг ненавидел детей, особенно, если они не могли сидеть спокойно. Он прошел через толпу еще на несколько метров налево и одновременно попытался попасть вперед. Оттуда был лучший обзор, если двери раскрывались в таможенную зону и следующий поток путешественников выплескивался в зал для прибывающих.

Время торопило. Для машины, которую он ждал, информационное табло показывало двадцать минут опоздания. Теперь посадка была назначена на 17.25. Потом выход, ожидание багажа и - возможно - таможня. Времени было совсем мало. И никто не знал, что придумал бы этот венский журналист в том случае, если звонок придет к нему не своевременно. На удалении всего нескольких километров Олаф Карлссон сидел в одной из стеклянных башен городка ООН, с нетерпением ожидая перед телефоном. Вероятно, ему нужно будет принять звонок Вайгерта, но, вероятно, ему придется отдать своим людям приказ нанести удар. Томас Бекетт должен был принять решение, как только он выйдет из этой двери.

Джо Киплинг уже десятки раз смотрел на часы. Когда он сделал это еще раз, было 17.20. В тот самый момент зеленая лампочка загорелась рядом с номером рейса, который приковал к себе внимание адвоката. Наконец! Самолет приземлился. Как раз поток путешественников снова выходил из дверей. Вряд ли Бекетт уже мог бы быть там. Люди бросались друг другу на шею, целовались, отдавали часть своего багажа встречающим. Веселый смех, крики, лай собак. Человеческий поток, который выплевывала закрытая зона, становился слабее, терялся в массе людей в зале для прибывающих и прекратился, наконец, совсем. Дверь закрылась. Не прошло и четверти часа, как она открылась вновь. Теперь часы показывали 17.34.

Киплинг увидел Бекетта с первого раза. Он был одним из первых, кто выходил в зал. В отличие от многих других тело его не сгибалось под грузом тяжелого багажа. Бекетт нес только маленькую кожаную дорожную сумку в правой руке и пальто на левой руке. Киплинг ему помахал. Бекетт подошел к нему.

- Привет, Джо. Я надеюсь, вам не пришлось слишком долго ждать.

- Не стоит об этом говорить, Томас. Извините, если я сразу атакую вас кое с чем. Но времени очень мало.

- Это звучит не очень благоприятно. У вас есть машина?

- Да, она стоит там перед выходом. Проходите.

Мужчины двинулись. Киплинг обернулся. Двое агентов ООН, которых Карлссон выделил для их защиты, пробивались через людскую толпу всего в нескольких метрах за ними. Когда они дошли до машины, водитель вышел, чтобы положить багаж Бекетту в багажник. Пока мужчины садились на заднее сиденье, он стал рядом с автомобилем и зажег сигарету. Киплинг еще раньше объяснил ему, что он и гость хотели бы поговорить наедине. Мужчина понял. Это был не первое задание такого рода, которое он выполнял.

- Что там такого важного?

- Мне жаль, чтобы мы не смогли найти вас раньше. Мы пробовали всюду, но это было невозможно.

- Я знаю. Нужно было провести несколько бесед. Вы понимаете, что я не хотел инструктировать моих секретарш об этом.

- Естественно.

Киплинг снова посмотрел на часы. Теперь действительно пришло время проинформировать Бекетта без лишних слов.

- Этот журналист вышел на нас.

Бекетт не сразу понял.

- Который?

Киплинг неумышленно простонал.

- Ганс Вайгерт. Он связался с секретной службой ООН, чтобы сообщить нам свой ответ на ультиматум, который мы ему поставили.

- Я предполагаю, он смирился?

- Как раз нет. Он сам поставил нам ультиматум. И он истекает через двенадцать минут.

Бекетт потянулся к бару, который был размещен в задней части салона машины, и вынул маленькую бутылочку коньяка и рюмку.

- Чего он хочет?

- То, чего он хочет, не так важно. Гораздо важнее то, что у него есть.

Бекетт открыл бутылочку и налил содержимое в коньячную рюмку. Между тем Киплинг продолжал рассказывать.

- Он знает больше, чем мы когда-нибудь могли предположить. И он утверждает, что у него есть список спящих **Агарты**. Вайгерт действительно воспользовался этим именем: **Агарты**. Список охватывает 666 имен, говорит он.

- 666!?

Рюмку снова оставили нетронутой.

- Этого не может быть! У нас есть только дюжина имен!

- У нас мало времени, Томас. Он хочет получить ответ до 18.00.

- Ответ на что?

- Его требование это беседа с посвященным **Шамбалы**.

- Я, пожалуй, предполагаю, он и это слово тоже произнес?

- Точно.

- И почему мы не арестовываем его?

- Потому что он утверждает, что его список спрятан в одном месте, которое он сам не знает. У него должны быть посредники, которые работают для него. Арест принес бы мало пользы.

- К черту! Как могло случиться, что вы теперь понятия не имеете, где находится список!?

В то время как Бекетт поднимался прямо, Киплинг упал дальше назад на обивку сиденья.

- Секретная служба ООН наблюдала за ним и за его подругой круглые сутки. Это могло случиться только до того, как мы разыскали его в Боцене.

- Это было нужно только потому, что эти болваны из ООН схлтурили во второй раз после истории Мартена! Меня это уже достало!

Киплинг вынул носовой платок и вытер себе капли пота с лица. Ситуация была для него исключительно неприятна.

- У нас есть только лишь несколько минут. И мы не знаем, что произойдет со списком Вайгерта, если мы не позвоним.

- Почему он непременно хочет говорить с одним из нас?

- Я не знаю. Об этом он ничего не говорил. Я подумал о том, что мы пошлем Карлссона. Он - заместитель шефа секретной службы ООН в Вене. Среди нас он совсем не большой человек, но он мог бы со своими людьми ударить сразу, как только Вайгерт обнаружит свою слабую сторону.

- И при этом снова все испортят. Нет, ни в коем случае. Это кто-то из верхних градусов должен будет поговорить с Вайгертом. Так как если у него действительно есть список людей **Агарты**, то он знает, вероятно, еще гораздо больше. Сколько и что, вот это мы должны разузнать. Вероятно, он может помочь нам.

Бекетт посмотрел на свои наручные часы. Было 17.58.

- У вас есть номер, где можно достать Вайгерта?

Киплинг вытянул листок из сумки и подал его Бекетту. - Вы что, собираетесь позвонить ему сами?

- Да. Но я выключу камеру, так что он услышит только мой голос.

- Ваш немецкий язык достаточно хорош для этого?

- Да. Но пусть лучше Вайгерт довольствуется английским. Я ненавижу говорить по-немецки.

Бекетт взял телефон в машине и набрал номер. Когда Ганс Вайгерт поднял трубку в Боцене, экран оставался темным.

- Кто говорит?

- Это имеет мало значения, господин Вайгерт. Вы хотели ответ на ваш ультиматум.

- Совершенно верно. Вы принадлежите к Шамбале?

- Даже если я теперь скажу «да», какие были бы для этого доказательства?

- Никаких. Но то, что произойдет со списком, которым я обладаю, будет зависеть также от ваших ответов на мои вопросы. Но я могу, вероятно, предположить, что вы готовы к встрече?

- Да, я готов.

- Тогда давайте я перейду к делу. Завтра – это немного рано. Итак, я предлагаю послезавтра. Где вы находитесь в данный момент?

Бекетт немного помедлил. Но какая уже разница, если он скажет правду?

- В Вене.

- Как я и думал. Вена кажется мне опасным местом. Если я не ошибаюсь, ежедневно в 14.00 из Вены в Рим вылетает самолет. То есть, вы могли бы послезавтра между половиной шестого и шестью часами вечера без проблем быть в Риме.

- Это можно было бы сделать.

- У вас и так не было бы никакого другого выбора, мистер неизвестный. Теперь о точном месте. Маленькая улица впадает в западную сторону площади Пьяцца Навона. На углу находится кафе. Сядьте там внутри и положите последний номер газеты «Листок», чтобы отчетливо было видно. В Риме вряд ли ее кто-то читает. Путаница исключена. Вы поняли?

- Да. Я не глухой.

- Будьте пунктуальны. И еще кое-что: я уже говорил тому из секретной службы ООН, что арестовывать меня или Клаудию Аполонио не имеет никакого смысла. Никто из нас не знает, где список. Позаботьтесь о том, чтобы ни у кого не появились всякие глупые мысли.

- Если у вас самих нет возможности добраться до списка, как вы можете тогда выполнить вашу часть соглашения?

- Вы меня неправильно поняли. Если я говорю, что не знаю, где список, это еще отнюдь не значит, что у меня нет возможности добраться до него. И о соглашении, при котором я бы брал на себя какие-то обязательства, не может быть и речи. Может быть, вы получите список. Может быть, что и нет.

- Вы играете в покер с дьявольски высокими ставками, Вайгерт.

- Вы на моем месте поступали бы иначе?

- Вряд ли.

- Вот видите. А в том, что я в таком положении, виноваты, в конечном счете, вы и ваши сообщники. Итак: послезавтра, 17. 30, Пьяцца Навона, Рим. Пока.

Бекетт выпустил трубку из руки и обратился к Кипплингу.

- У Вайгерта, кажется, побольше профессионализма, чем у ваших горилл из секретной службы.

- Это не мои гориллы.

- Все равно. Мы поговорим с вашим контактным лицом из ООН. Теперь у него, вероятно, будет шанс исправить свои ошибки. Пусть он прикажет своим коллегам в Риме устроить герметичную засаду.

- Но вы же слышали, что это не принесет нам никакой пользы.

- Мы посмотрим. Вероятно, Вайгерт обнаружит свою слабую сторону в беседе. Тогда мы должны быть готовы. Но могло бы случиться еще гораздо хуже...

- Еще хуже?

- Да. Не думали ли вы уже о том, что, вероятно, могло бы произойти, если сам Вайгерт один из **Агарты**? Тогда я у них там как на тарелочке. Если действительно существуют те 666 спящих, а мы знаем едва лишь дюжину из них, почему мы должны были знать тогда все о Вайгерте?

Кипплинг вздохнул.

- Этого я не могу себе представить.

- Вы уже много чего не смогли себе представить. Но, во всяком случае, мы будем действовать наверняка. Давайте уже поедем, наконец.

- И куда?

- К вашему славному супершпиону, естественно.

Двое других агентов ООН, которые следовали за Киплингем и Бекеттом уже в зале для прибывающих, теперь поехали за ними на своей машине на некотором расстоянии.

- Что, собственно, решил совет, Томас? Теперь Киплинг стал снова немного спокойнее.

- Не слишком много из того, что имело бы значение для вас.

Так, как Бекетт высказался «для вас», это был ясное замечание о более низком положении Киплинга в иерархии братьев.

- Только вот что: Мы купим себе одного из спящих, которых мы уже знаем. Насколько мне известно, один из них и так уже живет в Риме. Если уж Вайгерт хочет так или иначе увидеть нас там, то мы сразу воспользуемся этим.

Рим, 19 декабря

Скоро придет это время. Предстоял великий день. Символ судьбы возвратился бы в руки тех, кто этого заслуживал. Еще тлел огонь в сердцах, как он делал это в течение десятилетий. Но инициация разожгла бы его и позволила бы подняться пламени высоко ввысь. Она стала бы стартом для нового будущего, за которым прошло бы все, что до сих пор еще действовало. Новое время со всей его силой стояло у дверей. Оно только ждало того, чтобы люди Агарты распахнули ворота.

Беттино Аньелли выпрямился и снова сконцентрировался на своей работе. Теперь было не время для таких мыслей. Он начал перелистывать списки, которые лежали перед ним на его письменном столе. Они содержали, прежде всего, цифры: балансовые итоги, издержки производства, собственные участия и участия заемного капитала, кодовые числа для отдельных пунктов расходов, материальные расходы и так далее. В некоторых местах лиловыми чернилами своей авторучки он оставлял короткие примечания.

Аньелли был шефом пользующейся хорошей репутацией римской фирмы, которая занималась бизнес-консалтингом. Со 112 служащими и славой, которой многие завидовали, он принадлежал к большим величинам в этой отрасли. Много известных предприятий искали его совет. Объединения, изменения структуры, рационализации, диверсификации: если нужно решить затруднительные производственно-экономические проблемы, к этому охотно привлекали Аньелли и его топ-специалистов. Они не были дешевы, все же, их успехи стали за прошедшее время легендарными. И потому им охотно платили.

Без сомнения это привело Аньелли к значительному богатству. В одном из аристократических кварталов Рима он владел великолепным, окруженным чудным парком,

домом. Часто там происходили шумные праздники, которые принадлежали к вождельным местам постоянных встреч римского высшего света. При этом не только пили французское шампанское и лакомились русской икрой, но и заключали сделки. То, что происходило за толстыми дверями библиотеки синьора Аньелли, не всегда точно соответствовало букве закона. И уже иногда случалось, что конверт с банкнотами менял владельца, например, чтобы получить разрешения на строительство, обойти расходы на защиту окружающей среды или подписать налоговые декларации как правильные.

В течение лет Аньелли обзавелся прекрасными связями в экономике и политике. Уже только по одному его положению в этом не было ничего особенного. Кроме того, он очень тщательно собирал данные об уязвимых местах людей, посещавших его виллу и его бюро. Например, при сделках и договоренностях, происходивших в его библиотеке, он сам присутствовал редко. Ему доверяли и рассматривали его дом как нейтральную территорию, как будто специально созданную для конфиденциальных бесед со всех сторон. Но благодаря скрытой видеокамере Аньелли, тем не менее, точно знал все подробности. И если порой требовалось его непосредственное присутствие, он обращал особое внимание на то, чтобы не было улик его участия в незаконной сделке.

Работа консультанта по проблемам менеджмента предоставляла ему дальнейшие важные сведения об уязвимых местах и темных пятнах в фирмах его клиентов. И тогда там еще были Лаура, Жаклин и Карла. Их хорошо оплачиваемым услугам он был обязан тем, что интимные тайны менеджеров и политиков тоже попадали в его архив. Стефано дополнял трех, в тех случаях, когда оружие женщины не было достаточно острым.

За пределами вечного города, в Кастелли, стояла вилла Аньелли. В то время как его вилла в Риме была открыта для многих людей, приглашения на виллу в Кастелли принадлежали к числу крайне редких. Лишь очень маленькому кругу близких друзей разрешалось заходить в его личное убежище. Там, в скромном помещении, от которого ключ был только у него самого, за последние месяцы принимались решения, как использовать в будущем контакты Аньелли и накопленные им знания о слабостях других.

Богатство всегда было безразлично Аньелли. Оно было для него только средством ради цели, вкладом в дело возрождения **Агарты**, возрождения, у колыбели которого стоял бы и он. Уже скоро...

Как раз он снова делал пометку в одном из списков, когда переговорное устройство издало достаточно громкий зуммер. Зазвучал голос его секретарши.

- Здесь господин Шонфельд, который хотел бы поговорить с вами. Он адвокат и говорит, что это очень срочно.

Шонфельд? Аньелли при всем желании не мог вспомнить о том, что хоть раз встречался с адвокатом с таким именем.

- И чего же он хочет?

- Он не хотел говорить это мне. Только, что это безотлагательно. Он привел двух коллег.

- Хорошо, пусть заходят.

Аньелли собрал документы, которыми он занимался, и спрятал их в ящик письменного стола. Дверь в тот момент уже открывалась. Вошло трое мужчин. Аньелли поднялся. - *Buon giorno, Signori*^[4]. Чем я могу быть вам полезен?

- Вы - Беттино Аньелли? В голосе, обратившемся к нему на английском языке, не было ни малейшего дружелюбия.

- А кто же еще? Чего вы хотите?

Мужчина, спросивший его об его имени, был, очевидно, самым высоким по рангу из троих. Теперь он вынул документ из кармана своего пиджака.

- Олаф Карлссон, *World Intelligence Service*. Мы хотели бы, чтобы вы следовали за нами.

- Это, должно быть, недоразумение. Против меня же нет никаких...

- Ни в коем случае. Но я уверен, что вы все же пойдете с нами.

- И что делает вас такими уверенными?

- Одно лишь слово: *Агрти*.

Аньелли едва заметно вздрогнул. Между тем, железный кулак заворочался в его животе. Вот оно! *Шамбала* приготовилась к контрудару. О скольких они знали? Был ли он единственным? Или они забирали в тот же самый момент десятки других по всему миру? Как они вышли на него? Только не сдаваться теперь!

- Мне жаль. Я не знаю, что вы хотите этим сказать.

Карлссон одарил его снисходительной улыбкой.

- Все же, вы это знаете. Но мы не хотим тратить слишком много времени на дискуссии. Теперь вы скажете вашей секретарше, что вам срочно нужно уехать в длительную командировку. Но вы не скажете ей куда именно.

- Но вы же не думаете всерьез, что я так просто пойду с вами? У вас есть ордер на мой арест?

- Да.

- И это при том, что против меня ничего нет?

- Бумага все стерпит. Что мне туда вписать?

- Но это, пожалуй, переходит все границы! Я буду...

Мужчина, стоявший слева от Карлссона, вытащил пистолет и направил его на Аньелли.

- Ничего вы не будете. Если вы не будете подчиняться приказам господина Карлссона, я смогу вас очень сильно огорчить.

- В офисах вокруг мои сотрудники. Вы не можете так просто вытащить меня отсюда!

Человек с пистолетом ухмыльнулся.

- Вам больше понравится, если я стрельну вам в колено? Тогда мы скажем, что вы сопротивлялись аресту, и трое служащих ООН смогут это подтвердить.

Аньелли чувствовал себя жалко. Он был в их руках. Все же, если они хотели забрать его с собой, это значило, что они что-то хотели от него. Они не представились его подчиненным как сотрудники ООН. Это не предвещало ничего хорошего. Аньелли решил участвовать в игре – пока что, по меньшей мере. **Агарты** был для него важнее, чем жизнь.

Голос Карлссона становился еще резче.

- Сообщите теперь, наконец, вашей секретарше. И не забывайте: никаких фокусов!

Рим, 20 декабря

Томас Бекетт сидел за маленьким столом в кафе на площади Пьяцца Навона. Перед ним лежал «Листок». Часы над входом показывали без двух минут шесть. Ганс Вайгерт должен был прибыть в любой момент. С сегодняшнего утра, однако, журналист был скорее проблемой номер два. Борьба приняла новый оборот. И Бекетт знал, что значение этого оборота ставило все остальное далеко в тень.

Агарты снова нанесли удар. На этот раз он не попал в кого-то из цепи братьев. И все же **Шамбала** потеряла что-то, что было гораздо ценнее, чем люди: судьбу. Через семь минут после полуночи Бекетт проснулся в холодном поту. Это был момент, когда в

Вене чья-то рука торжествующе держала символ власти. Бекетт предвидел это. Утренние новости это ему подтвердили. Штурм **Агарты** должен был начаться совсем скоро. И Бекетт не знал, как он мог встретить его. Но, вероятно, у Вайгерта был какой-то след.

Клаудия припарковала **«Мерседес»** точно перед кафе. Им повезло. Как раз было свободное место. Хотя машина ее отца выделялась, зато была быстрой. Возможно, им это понадобится.

- Ты действительно не хочешь пойти со мной?

- Нет. Мистер Неизвестный будет словоохотливее, без сомнения, если пойдет только один из нас. Если он должен сказать что-то действительно важное, то для него будет иметь значение, что никакие другие свидетели не будут присутствовать. А если ему нечего сказать, то это и так все равно. Я посижу здесь.

Ганс Вайгерт огляделся. На Пьяцца Навона господствовало предрождественское оживление. Не было ничего особо подозрительного, как бы он ни старался что-то увидеть.

- Я уже знаю, о чем ты думаешь, Ганс. Но теперь и это тоже не имеет значение. Если они действительно хотят нас схватить, то они сделают это. Поэтому ничего не изменит, если ты теперь где-нибудь узнаешь человека из секретной службы или полицейского. Мы все равно решились действовать так. И теперь мы должны идти.

Вайгерт посмотрел на нее нерешительно, будто хотел спросить, действительно ли правильно все, что они запланировали. По лицу Клаудии мелькнула улыбка.

- Итак, синьор Вайгерт, вперед! Мы, так или иначе, опаздываем на десять минут. Ты же не хочешь заставлять **Шамбалу** ждать?

- Ничего другого, видимо, не остается.

Вайгерт открыл дверь и вышел. Клаудия еще прокричала вслед ему: - Береги себя и выпытай у него его тайны!

- Да.

Вайгерт больше ничего не мог произнести. Затем он захлопнул дверь.

Через три машины за **«Мерседесом»** был припаркован незаметный автофургон. На стенках у него была надпись известной римской булочной. Снаружи машина выглядела уже достаточно старой. Ничто не позволяло сделать вывод о том, что за изуродованной в нескольких местах ржавчиной жестью скрывалась самая современная техника. И под капотом двигателя, на котором впереди слева видна была большая вмятина,

находился форсированный двигатель, по мощности едва ли уступавший «Мерседесу» отца Клаудии.

- Всем внимание. Объект прибыл. Транспортное средство: темно-синий лимузин «Мерседес» с номерными знаками Боцена, припаркован непосредственно перед кафе. Второй объект, женщина, осталась в машине. Конец.

Йэн Роупер отложил микрофон.

- Вот уже и пора.

Его коллега Трефор Джиллис передал ему пакет чипсов. - Вот. Только теперь начинается настоящее ожидание. Роупер взял пакет и вынул горсть ломтиков жареной картошки.

- Ожидание это самое противное в нашей работе. И большая часть этой работы как раз и состоит из ожидания.

Он засунул несколько чипов в рот. Джиллис глотнул пива из банки.

- Ты прав: противное. Если бы, по крайней мере, чаще хоть что-то происходило, то было бы легче это переносить.

Роупер посмотрел на его коллегу, который сидел с ним в оснащенной грузовом отсеке автофургона.

- Под этим ты, пожалуй, понимаешь и что-то вроде той акции с французом и его женой?

- Вероятно. Это была по крайней мере серьезная работа.

- С тобой явно что-то не в порядке, Тревор. Иногда я думаю, ты поступил в [World Intelligence Service](http://WorldIntelligenceService.org) только, чтобы убивать людей.

- Это как раз тоже часть работы, как и ожидание. Иногда это должно быть.

- К чертям все это! Есть ведь, наверное, различие, застрелишь ты какого-то террориста или повесишь старую женщину на потолочной балке!?

- Почему старуха должна была быть менее опасна, чем араб с автоматом Калашникова в руке? Наконец, мы далеко не всегда знаем, почему мы должны выполнять работу. Да и зачем? Те, кто наверху, дадут нам уже правильные распоряжения.

Джиллис сделал глоток из банки и вытер пену со рта тыльной стороной руки.

- Я иногда в этом сомневаюсь. Или ты можешь понять, почему мы должны были заснуть в карманы женщине кирпичи?

- Фальшивый след, что же еще. Как часто мы уже оставляли патронные гильзы, я знаю, окурки, отпечатки губной помады или что-то еще? И что, ты каждый раз спрашивал, зачем это, если они тебе этого не говорили? Я скажу тебе еще одно: думать – это смерть. Предоставь это спокойно тем, кто там наверху. А мы пока спокойно будем делать нашу работу.

В то время как оба мужчины из секретной службы ООН беседовали, всего в нескольких улицах от Пьяцца Навона из трамвая вышел Стефано Лоренцо. Он не особенно торопился, так как шел на работу. Его профессия тоже была одной из тех, которая требовала порой долгого ожидания. И как агенты [World Intelligence Service](#), о которых он, конечно, не знал, что они сидели всего в паре сотен метров в их фургоне, он тоже должен был действовать быстро, если это требовалось.

Стефано Лоренцо был успешен в своем ремесле. Он вырос в пригороде Рима, где иногда случалось, что крысы боролись за еду с младенцами. Там, где полиция к некоторым приходила чаще, чем почтальон. Лоренцо научился обходиться с ножом раньше, чем с азбукой. Уже в пятнадцать лет он овладел улицей, на которой он жил. Более старшие признали его, так как он взбирался наверх жестче и более бескомпромиссно.

Это было уже десять лет назад, на одних из этих пасхальных выходных, когда Рим был полон туристов, которые все хотели хотя бы раз взглянуть на Папу. Стефано Лоренцо никогда не понимал, почему этого человека так боготворили. Пока он в бесчисленных государствах сочинял басни о голодающих в третьем мире, выступал против абортос или говорил о новой евангелизации Европы, маленький Стефано в римских трущобах боролся за свое существование. На улицах, куда этот Святой отец еще никогда не ставил свою ногу. При этом они находились на удалении всего нескольких минут езды от Ватикана.

Как уже сказано, в те пасхальные выходные десять лет назад – или это даже уже одиннадцать? – Стефано Лоренцо, тогда семнадцати лет, украл его первый «[Порше](#)». Красного цвета. Просто так. Немецкий турист, которому принадлежала машина, смог бы позволить себе новый, думал он. Все же, когда Стефано несколько часов носился по городу на спортивном автомобиле, за ним погнался полицейский патруль, вовсе не из-за украденной машины, а из-за превышения скорости. Стефано был быстрее людей в форме. Через шесть, семь перекрестков он оторвался от них. Он же не хотел попадаться. Он приехал к своему другу, владельцу авторемонтной мастерской. Продажа «[Порше](#)» принесла ему двадцать миллионов лир. Неплохо для его тогдашнего положения.

И так он решил специализироваться в будущем на кражах машин. За прошедшее с той поры время он стал одним из лучших взломщиков автомобилей, которых Рим когда-либо видел. В определенных кругах он был чем-то вроде легенды. Если у него был заказ, он поставлял точно то, что требовалось, какими бы странными не были некоторые желания. Однажды кто-то заказал настоящую пожарную машину. Лоренцо угнал его во время крупного пожара на глазах полиции. Три дня спустя он узнал, что маши-

ну использовали при террористическом нападении. С тех пор он был несколько осторожнее при таких специальных заказах.

Если он выезжал, так сказать, на свободную охоту, то он брал только самое лучшее из лучшего, преимущественно роскошные машины иностранного происхождения, что, конечно, не должно было значить, что он как итальянский патриот пощадил бы «Феррари» или «Мазератти». Но только «Мерседес» остается как раз «Мерседесом». Даже в Италии.

Стефано Лоренцо поднял воротник. Ветер был холоден, по меньшей мере, для Рима, и начал моросить мелкий дождь. Посмотрим, что ждало его сегодня, то есть, незадолго до Рождества.

Несколько шагов и Вайгерт достиг входа в кафе. Он вошел и осмотрелся. Учреждение было простым и для кого-то, кто привык к венской культуре кафе, прямо-таки безвкусным. Пластмасса и хром. Но, по крайней мере, чисто. Толстая женщина, где-то около пятидесяти, стояла за стойкой и была занята как раз тем, что мыла несколько чашек. Примерно половина столов была занята. Вайгерт медленно все рассматривал. Где был его человек? Где был тот, у кого на столе лежал бы номер «Листка»?

Там! Это мог быть он. Вайгерт подошел поближе, чтобы удостовериться, что га-эта, которую читал мужчина, была именно «Листком». Ошибка. Это была «Коррьере делла Сера». Он как раз хотел повернуться, когда узнал знакомые буквы на столе в заднем углу кафе: первая полоса той газеты, для которой он еще недавно работал. Но для наслаждения прошлым у него теперь не было времени.

Зеленые глаза мужчины за столом смотрели вопросительно и одновременно требовательно. Вайгерт подошел поближе. Так как он еще при телефонном разговоре заметил американский акцент, он обратился к нему по-английски.

- Прошу прощения, не вы ли ждете здесь Ганса Вайгерта?

Томас Бекетт протянул ему руку. Вайгерт, чуть помедлив, схватил ее. Редко он чувствовал себя так неуверенно.

- Пожалуйста, садитесь, господин Вайгерт. Я рад знакомству с вами.

- Могу ли я предложить, чтобы мы воздержались от таких вежливостей, и сразу перешли к делу?

- Не хотите ли вы сначала заказать что-то выпить?

Бекетт не стал ждать ответа, а помахал толстой женщине у стойки. Пока она протискивалась к ним между столами, Вайгерт осмотрел своего собеседника. Элегантный серый костюм стоил, вероятно, столько же, сколько Вайгерт еще до недавнего времени зарабатывал за месяц. Руки были тонкими и ухоженными. На пальце было малень-

кое, незаметное кольцо, чуть расширенное в одном месте. Там была выгравирована маленькая пирамидка, которая в ее верхнем конце не сбегалась под острым углом, а была срезана прямо. Над ней можно было увидеть маленький треугольник. Дешево выглядывшие очки представляли собой странный контраст с дорогим костюмом. Над ртом маленькие узкие усики. В остальном, лицо было гладко выбрито. Белокурые волосы были немного растрепаны, пожалуй, вследствие ветра снаружи.

Вайгерт понятия не имел, что у Бекетта обычно не было усов. И он также не знал, что его настоящий цвет волос был коричневым. Так же, что он не нуждался ни в каких очках. Бекетт предпочел изменить свою внешность с помощью гримера секретной службы ООН. Как успешный крупный предприниматель он, наконец, не был совсем неизвестным, даже если он старался избегать много-численных общественных обязательств, которые влекла за собой его позиция. Для журналиста как Ганс Вайгерт, тем не менее, было бы возможно узнать его личность с помощью каких-нибудь архивов. Поэтому Бекетт охотно воспользовался услугами [World Intelligence Service](#).

- Сеньоры?

Хозяйка закончила свой бег с препятствиями и добралась до них. Вайгерт активировал несколько знакомых ему итальянских слов, и заказал капучино. Потом он обратился к Бекетту.

- Кто вы?

- Это играет роль?

- Вы предпочитаете оставаться неизвестным?

- Именно так. И я думаю, что нет большой разницы, знаете ли вы мое имя или нет.

- Ладно, как хотите.

Вайгерт вынул свои сигареты из кармана и закурил. Толстая женщина поставила капучино перед ним на стол. На белом колпачке из сливок было несколько темных крошек. Шоколадные крошки. Неуверенность Вайгерта все еще не улеглась. Он решил сначала объявить борьбу сливкам, чтобы продемонстрировать, что он не слишком торопится. В конце концов, это он предлагал то, в чем другой был заинтересован. Вероятно, его собеседник должен был бы начать партию. Когда он как раз захотел засунуть себе в рот вторую ложку со сливками, этот момент настал.

- Вы очень далеко зашли со своими поисками, господин Вайгерт.

Был ли это теперь вопрос или утверждение? Вайгерт отложил ложку в сторону и затаился своей сигаретой.

- Дальше, чем вы бы хотели допустить это.

- Но как журналист вы должны были бы знать, что иногда может быть лучше кое о чем не писать. Наконец, ваша профессия требует наряду с определенными другими навыками также надлежащей доли чувства ответственности.

- И вы хотите определять, кому позволено что писать и когда?

- Нет, конечно, нет. Но...

- Тогда оставьте эту чепуху. При убийстве Фолькера хотели кое-что скрыть. Хотели навесить на меня оба убийства в Вевельсбурге, потому что боялись, что я при моих поисках копал бы глубже, чем некоторым хотелось. И теперь хотят меня заманить: снять обвинения, вернуться в мою газету, но в обмен на это - молчать. И за всем этим стоите вы и ваши люди!

- Кто бы за этим ни стоял, это ничего не меняет в ответственности, которую вы несете как журналист.

- Ответственность за что? За то, что никто не узнает, что привидения Агарты снова живы? За то, что в темноте останется то, что делает Шамбала?

Вайгерт медленно разбушевался. Бекетт внешне не показывал признаков нетерпения или нервозности. Внутри, тем не менее, он был очень напряжен. Судьба... Агарты отняла ее у Шамбалы.

- Откуда вы знаете, собственно, о Агарты и Шамбале?

Вайгерт задумался. Следует ли ему теперь рассказать о его беседе со Штайнером? Но тогда секретная служба ООН его схватит. Важный источник информации, к которому, вероятно, придется вернуться еще раз, тогда исчез бы. Значит, нет.

- Я просто об этом знаю. Вернемся к предыдущему вопросу: ответственность за что?

- Есть вещи, которые люди не могут понимать. Это просто было бы слишком сложно для них. Если отобрать у них все их прежние точки опоры, с помощью которого они ориентируются в жизни и в истории, тогда последствия трудно себе даже представить. Хотите ли вы на самом деле рассказать кому-то, что нити политики прядутся в другом месте, а не там, где полагают люди? Что произошло бы, если вы, Вайгерт, смогли бы доказать обществу, что такие люди как я или Бернхард Фолькер чувствуют себя обязанными исключительно идеям Шамбалы? И что произойдет, предположим, если бы вы смогли доказать то же самое о сотнях или тысячах значительных личностей на свете? Демонстрации, беспорядки, восстания, вероятно, даже войны были бы последствием. Никто не мог бы верить больше в то, что до сих пор было ему свято. Какая польза была бы человечеству от этого? Ведь оно не поняло бы, что такое руководство идет ему только во благо. А какой толк был бы от этого вам, господин Вайгерт? Или вы хотите чего-то такого?

Как там говорил Штайнер? Одни, которые следовали дорогой левой руки, хотели передать людям дуновение божественного. И другие, которые вступили на путь правой руки, хотели, чтобы их и дальше почитали как богов. **Агарты и Шамбала**. В этом было различие. Вайгерт вспомнил слова Штайнера. До сих пор от них ему было мало пользы, однако медленно туман начинал редеть.

- Я не знаю, хочу ли я этого. Но я хочу сообщить правду, а именно всю правду.

Бекетт откинулся назад и сделал глоток из стакана, который перед ним стоял.

- Правду? Какую правду? Вашу правду? Правду женщины там за стойкой? Правду рабочих, которые сидят вместе вон там? Или мою правду? Настоящую правду, Вайгерт, не может понять каждый первый встречный. Если бы вы могли людям объяснить логично, что **«Бог мертв»**, тогда это стало бы для многих людей шоком. Но если вы объясняете им, что Бог жив, причем среди них самих, тогда шок был бы еще больше.

- И это Вы бог, или как?

Бекетт должен был улыбнуться. Вокруг его глаз образовывались маленькие складки. Это продолжалось только коротко, затем он снова стал серьезным. Он потянулся к карману своего пиджака и вытащил портмоне. Тонкими пальцами он выдернул оттуда банкноту. Это была купюра в один доллар.

- Вы собираетесь уже расплатиться, или что?

- Нет, нет. Наша беседа ведь только началась. Я просто хочу вам кое-что показать.

Он положил долларовую купюру на стол, обратной стороной кверху. Потом он придвинул ее поближе к Вайгерту.

- Это Бог.

Вайгерт посмотрел на денежный знак, затем на Бекетта.

- Если вы хотите этим сказать, что люди сегодня поклоняются только лишь деньгам, тогда нужно...

- Нет, нет. Это было бы слишком просто. Но Бог оставляет следы.

- На долларовой купюре?

- Так сказать. Видите пирамиду?

Только теперь Вайгерту бросилось в глаза, что это была та же пирамида, которая была выгравирована и на кольце его собеседника.

- И? Что с нею?

- В самом низу вы найдете цифровое обозначение года, 1776.

- Ничего странного, это же год, в который США провозгласили свою независимость.

- И это тоже. Сложите теперь сумму цифр этого числа.

Вайгерт чувствовал себя одураченным. Но он посчитал.

- Двадцать один.

- Очень хорошо. Двадцать один, то есть трижды святое число семь.

- Ну и что? Вы собираетесь доказать мне теперь существование семи гномов?

Бекетт проигнорировал цинизм Вайгерта.

- Посчитайте теперь ступени пирамиды над цоколем с цифровым обозначением года.

Вайгерт посчитал.

- Двенадцать.

- Точно. Число совершенной общности, которая поднимается над основой. Двенадцать апостолов, двенадцать рыцарей круглого стола, что бы то ни было.

- Послушайте-ка, к чему все это?

- Рассматривайте это в качестве маленькой игры. Что над пирамидой?

- Вы считаете меня идиотом? Сияющий треугольник с глазом там. Понятия не имею, что он потерял там.

- О, это глаз Бога, который видит все, как хороших, так и плохих. Он стоит над двенадцатью уровнями. Это, так сказать, высший уровень, который возглавляет нижние двенадцать и то, что еще лежит под ним. Вместе тринадцать ступеней, второе святое число, двенадцать плюс один.

Сначала Вайгерт думал, что он встретился с сумасшедшим. Но потом он должен был вспомнить о Тибете и о Штайнере. Таких было больше, чем он думал. Что говорил Штайнер? Вы видите чайник, но не руку, которая его держит и двигает. Теперь он видел долларовую купюру. Были ли символы на ней знаками власти, которая стояла за ней?

- Так, господин Вайгерт, теперь посчитайте-ка листья на оливковой ветви, которую орел держит в правой лапе.

Вайгерт снова посчитал. Вполголоса он пробормотал результат.

- Тринадцать.

- А теперь пересчитайте стрелы, которые орел держит в другой лапе.

Последний раз, поклялся себе Вайгерт. Потом он ничего больше не будет считать.

- Тринадцать.

- Посчитайте теперь звезды над орлом.

- Я могу, похоже, обойтись без этого. Я предположу, что результат снова тринадцать, или как?

- Верно.

Вайгерт копался в своих исторических познаниях. Минуточку...

- Все это меня не особо удивляет. В конце концов, США были основаны тринадцатью штатами.

- Да, и это тоже. И новое время началось с этого. Впрочем, вы прочитали изречение под пирамидой?

Он сделал это.

- «*Novus Ordo Seclorum*». Если меня не подводят мои скромные знания латыни, я сказал бы «Новый мировой порядок».

- Вы попали в точку. Если вы теперь перевернете банкноту...

Вайгерт последовал совету.

- ...то вы увидите там портрет Джорджа Вашингтона, первого президента моей страны. Вашингтон был принят в 1752 году в ложу Фредериксбурга. В 1788 году, через год после своего избрания президентом, он стал магистром стула ложи Александрии. И как каждый американский президент после него, так он то-же приносил свою клятву на Библию. В случае Вашингтона она принадлежала ложе Святого Иоанна номер 1.

До Вайгерта медленно начало доходить. - Масоны? Шамбала?

- Называйте это, как хотите. Слова – это не вещи. Впрочем, на банкноте наряду с изображением Вашингтона вы увидите под угольником, который является, впрочем, масонским символом, ключ. Это ключ Соломона. Он требует скрытности.

Короткий взгляд, затем Вайгерт снова отодвинул банкноту по столу, как будто бы он этим просто мог устранить также Шамбалу и ее следы. Бекетт положил ее назад в портмоне. – Знаете ли вы теперь, что такое Бог? Вайгерт этого не знал, но он догадывался, что дела редко обстоят так, как их себе представляют. Как и Штайнер, человек на другой стороне стола тоже был странником между двумя мирами. Они все пробовали позволить Вайгерту посмотреть в другой мир. Однако одновременно они разъясняли ему, что он никогда не смог бы его понять. Они могли быть правы. Но, здесь, в этом мире, они же не могли лишить его дома. Действительно нет? Или они и здесь не оставили уже давно свои следы?

- Вы внезапно стали так молчаливы. Вам не понравилась моя маленькая игра в числа? Но вы же хотели узнать больше о Шамбале.

- С вашего позволения, но долларовая купюра кажется мне как несколько необычной для этого.

- Я думаю, это был хороший пример. Подумайте еще раз о пирамиде. Двенадцать размещенных друг над другом уровней наблюдают за основой. И божественная власть ведет их. Сможете ли вы понять теперь, что значит иметь ответственность?

- Под ответственностью над основой, как вы это называете, вы имеете в виду власть над людьми?

- Слово «власть» имеет такой отрицательный оттенок в вашем голосе. Но не обязаны ли прямо-таки те, кто видят глубже, взять на себя руководство? Не ради воли себя самих, а для пользы человечества. Это та ответственность, которую я имел в виду.

Бекетт наклонился вперед. Теперь он говорил совсем тихо и настойчиво.

- Вы могли бы взять на себя часть этой ответственности, господин Вайгерт.

Вот откуда дул ветер.

- Вы имеете в виду... я и Шамбала?

- Да, я имею в виду как раз это. Вы оказались бы в лучшем обществе.

- В обществе президента Еврофеда Бернхарда Фолькера, в обществе члена Совета Безопасности ООН Алена Гринспэна или российского министра экономики Олега Гаракина?

Последнее имя сработало. Удивление отразилось на лице Бекетта.

- Вы знаете о Гаракине?

Один – ноль в мою пользу, подумал Вайгерт.

- Да. Я сделал свои домашние задания.

Бекетт снова попался. Этот журналист был опаснее, чем он думал. Но если уже нельзя было его бить, то нужно было как раз завоевать его на свою сторону.

- Я предполагаю, вы добавили, пожалуй, также к результату ваших поисков тот таинственный список, о котором вы говорили?

Проклятье! Он не подумал о самом близком! Но он бы это очень скоро наверстал. Но он не мог выдать это своему собеседнику. Теперь нужно было блефовать.

- Естественно. И я могу вас уверить, что мои поиски были очень обширны.

Бекетт размышлял. Если Вайгерт говорил правду, то он собрал огромное количество взрывоопасного материала. Взрывная сила его равнялась бы взрывной силе атомной бомбы, если бы материал попал не в те руки. Журналист, похоже, еще сам не понимал в полной мере значение того, на что он натолкнулся, но он не упустил бы, стоило ему только догадаться. Это было понятно. Вайгерта необходимо было обезвредить. Но как? Арест? А что, если он передал свои документы кому-то, который должен был опубликовать их, если Вайгерт не даст о себе знать до определенного момента? Или ему пришло в голову что-то совсем другое? В конце концов, он сам сказал, что его арест не будет иметь смысла. Он был бы шансом, но риск был бы намного больше. Вероятно, он смог бы склонить Вайгерта, все же, к тому, чтобы тот отдал результаты его поисков.

- Что с этим списком? Почему вы не хотите передать их секретной службе ООН? Или вы не знаете, что мир должен был быть обязан людям Агарты Третьим Рейхом? И теперь те же люди снова готовы захватить власть. Гаракин, Фолькер и Гринспэн: три трусливых покушения на выдающихся людей. Проведенные в духе, который мы в течение десятилетий считали мертвыми. Вы на самом деле хотите, чтобы это привидение не остановили?

- Меня просветили о связи между Третьим Рейхом и Агарты. Но я не уверен, должен ли я во все это верить.

- Я не знаю, что вы слышали и от кого. Но, судя по тому, что вы, кажется, осознаете, по меньшей мере, значение ордена «Туле», я склоняюсь к точке зрения, что вас проинформировали правильно. Есть очень мало людей, которые знают всю правду.

Теперь этот человек на самом деле заговорил еще и об ордене «Туле». Со Штайнером это было еще немного понятно, но это, похоже, медленно превращалось в общее достояние. Все же, действительно ли он, Ганс Вайгерт, со времен своей поездки в Тибет когда-нибудь серьезно сомневался в том, что это не могло бы быть так?

- Что? Вы действительно хотите, чтобы **Агартти** еще раз пробудился к жизни? Помогите нам остановить этот призрак! Или у вас на совести будут такие политические изменения, за которые вы сами себя никогда не сможете простить.

Вайгерт потушил свою сигарету и немного склонил голову в бок.

- Вы хотите, чтобы я присоединился к **Шамбале**. Но одновременно заявляете мне, я никогда не мог бы понять этот другой мир. Как это?

- Вы научились бы этому. Не каждый может просто так прийти к нам. Мы обращаемся к тем, в которых мы уверены, что они могут внести вклад в исполнение представлений о **Шамбале**. И вы сумели бы это. Вас бы приняли в одну из лож и посвятили. И вы работали бы над собой, чтобы подниматься по ступенькам познания от градуса к градусу, вступив, так сказать, на дорогу от человеческого к божественному. Медленно вы научились бы понимать. Вы были бы частью общности, которая ведет человечество к лучшему. К миру, гуманности и толерантности. Эта общность влиятельнее, чем вы можете себе представить. Как я слышал, ваш шеф через пару лет уйдет на пенсию. Такой газете как **«Листок»** очень пошло бы на пользу, если во главе ее будет тот, кто предан ценностям **Шамбалы**. Еще лучше, если бы этот человек сам вышел из рядов этой газеты.

- Минутку! Значит ли это, к примеру, что Бергманн тоже на вашей стороне?

- Кто принадлежит к **Шамбале**, тот может признавать в лучшем случае только в принадлежности самого себя. Он должен молчать о своих братьях перед профанами. Каждый должен выполнять эту клятву, кто входит в наши ряды.

- И он должен молчать, пожалуй, также о дерьме, в котором увязли вы и ваши товарищи? Об убийствах, которые совершаются от имени **Шамбалы**, о влиянии, которое оказывают братья на политику, о должностях и сделках, которые они устраивают между собой? Что там насчет убийств Пьера Мартена и его жены? Или со скандалом Пи-2!? Так, что ли, выглядит исполнение ваших величественных идеалов гуманности и толерантности?

Теперь Вайгерту это надоело. Единственным различием между этим человеком и Штайнером был только больший цинизм его нынешнего собеседника. Но, вероятно, собеседник вовсе не замечал этого. Он просто был убежден в том, что маленький круг потомков богов должен был возглавлять глупую массу людей. По своему он был совершенно последователен.

Вентилятор в замаскированной под автофургон булочной машине секретной службы перестал работать. И независимое отопление не регулировалось так, как этого хотели бы Роупер и Джиллис охотно. В машине было 27 градусов тепла, а в воздухе от чрезмерного потребления обоими сигарет можно было хоть топор вешать.

- Теперь я срочно нуждаюсь в охлаждении и немного в свежем воздухе. Здесь больше нельзя выдержать.

Джиллис встал и натягивал халат, который висел на крючке у задней двери кормы. На нем тоже был логотип булочной, который украшал наружную стенку машины. В [World Intelligence Service](#) работали основательные люди.

- О'кей. Я пока остаюсь здесь. Оба будут бесконечно болтать и без того еще до-вольно долго там внутри. И в конце все будет бессмысленно, так или иначе. Ты увидишь, нам снова не разрешат арестовать этого Вайгерта.

- Да мне и наплевать на это. Главное, чтобы я сегодня добрался до кровати раньше, чем в последние дни.

- Не забывай сделать вид, как будто нам тут нужно выгрузить что-нибудь. Возьми корзинку с булочками и зайди в какой-то дом. Булочки можешь выбросить в мусорный контейнер, чтобы ты снова вышел с пустой корзинкой.

Джиллис ворчливо покосился на своего коллегу.

- Ты думаешь, я только со вчерашнего дня в конторе? Я уже до крови натер себе задницу в таких делах, когда ты еще был лондонским «бобби».

- Ладно. Не задерживайся слишком долго. Я потом тоже хочу выбраться из этой сауны.

Джиллис открыл заднюю дверцу и вышел. Он взял с собой корзинку, поставил ее на улицу и снова захлопнул дверь. Медленно он прошел к входу в дом, который находился на удалении примерно двадцати метров от их машины. С облегчением он вдыхал прохладный, свежий воздух.

Когда он хотел уклониться от собаки, которая обнюхивала его ботинки, он столкнулся с каким-то мужчиной. Он только бегло взглянул на маленького итальянца. Пробормотав: «Скузи», он прошел мимо и медленно двинулся дальше.

Стефано Лоренцо только на мгновение посмотрел Джиллису вслед. Потом он повернулся, и взгляд его снова бродил вдоль ряда припаркованных у обочины машин. В нескольких метрах дальше он внезапно увидел темно-синий «Мерседес». Ему максимум несколько месяцев, оценил он. И, кроме того, самая лучшая модель этой серии. Осторожными шагами, как будто он шел к выставленным на продажу товарам, он двигался дальше. Когда он был на одном уровне с машиной, он увидел, что кто-то сидел за рулем. Женщина. Она, кажется, ждала кого-то. Ключ зажигания находился в замке. Лоренцо неторопливо прогуливался мимо и посмотрел налево в стекла кафе.

Это могло бы получиться. Он должен был только открыть дверь и действовать так, как будто он хотел спросить о чем-то женщину. Потом молниеносно схватить ее, выдернуть из машины, запрыгнуть вовнутрь и закрыть дверь. Нажать на газ и смыться. Дело

пяти или десяти секунд. Он редко крал машины таким способом, но все же в этом случае соотношение риска и прибыли показалось ему вполне подходящим. За эту роскошную «тачку» его скупщик краденого отдал бы, по меньшей мере, двадцать тысяч ЭКЮ.

Лоренцо остановился перед витриной обувного магазина и осторожно посмотрел в сторону. Тротуар был достаточно оживлен. Если бы женщина в машине закричала, когда он ее вытаскивал, то люди сначала предположили бы, что она ссорится со своим мужем. И пока первые бы поняли, в чем тут дело, он был бы уже далеко. У него не было сомнений. Это получилось бы.

Бекетт как раз садился. Его взгляд был серьезен. Вайгерт оказался крепким орешком. Похоже, его действительно вдохновлял наивный идеализм вытащить правду на свет и открыть доступ многим к тому, что они все равно не смогли бы понять. Даже намек на открывающуюся вакансию Бергмана его не соблазнил.

- То, в чем вы упрекаете нас, господин Вайгерт, может быть верным. Но я все же считаю, что ваша оценка ошибочна. Мы вынуждены поступать так, потому что мы защищаемся от тех, кто нападает на наш путь к гуманизму и толерантности. И этот путь в серьезной опасности.

- Давайте предположим, что список спящих **Агарты**, которым я владею, полон. Верите ли вы всерьез в то, что всего 666 человек могут достигнуть чего-то, что выходит за рамки нескольких политических покушений?

Бекетт испугался. Что!? 666!? Если Вайгерт действительно владел подлинным списком, то **Агарты** были куда более живы, чем Бекетт когда-нибудь мог бы считать возможным. И **Шамбала** знала всего дюжину ее противников. Этот проклятый журналист должен был отдать список.

- Вы наивны, Вайгерт. Это не какие-нибудь 666 человек. Это люди, которые располагают способностями, о которых вы только можете мечтать. И этих людей нельзя уравновесить ни деньгами, ни целыми дивизиями. Но, кроме того, **Агарты** со вчерашней ночи обладает еще чем-то, что даже еще бесконечно ценнее, чем эти люди. Чем-то, что только придает им способности для настоящей власти.

Тревор Джиллис вываливал содержимое корзинки в одно из больших мусорных ведер, которые стояли в прихожей. Он поставил корзинку и сделал несколько приседаний. Потом он повертел руками, и, наконец, пробежал несколько шагов на месте. Он снова поднял корзинку и через большие деревянные ворота вышел на тротуар, который был ярко освещен многочисленными лампами и светом, проникавшим из витрин и кафе.

Профессия Джиллиса научила его воспринимать любую мелочь и уделять ей внимание. Самая большая часть этого оказывалась позже бесполезной, однако одновременно

уже дважды случилось так, что это его незаурядное профессиональное внимание спасало ему жизнь.

Там впереди навстречу ему шел тот же маленький, черноволосый мужчина, с которым он столкнулся две минуты назад. Но тогда он шел еще в другом направлении. Он должен был повернуть несколько шагов после кафе, которое было объектом контроля.

Джиллис подумал, стоит ли ему из автофургона вызвать слежку за мужчиной. Но для этого понадобились бы, по меньшей мере, двое из восьми задействованных в операции агентов. А если все окажется пустышкой и при этом еще осложнит возможный арест Вайгерта и его подруги, то у него могут возникнуть проблемы.

Момент! Что это было? Мужчина остановился перед «**Мерседесом**», в котором сидела подруга Вайгерта. Он что-то ей объяснял. Теперь она открыла дверь. Джиллис ускорил шаг, чтобы побыстрее приблизиться к автофургону и своему коллеге. Между ним и «**Мерседесом**» было примерно пятнадцать метров и добрая дюжина пешеходов на тротуаре.

Внезапно мужчина запустил свою руку внутрь машины и схватил женщину. Джиллис выронил корзинку и принял стойку у капота припаркованной машины. Одновременно он опустил свою руку под пальто, нащупал свой «**Ингрэм**» и выхватил его из кобуры. С капота он мог целиться в свою цель над головами пешеходов. Когда он добежал к машине, его маленький пистолет-пулемет был у него уже наготове. От падения корзинки до указательного пальца на крючке не прошло и секунды. Когда Стефано Лоренцо вырвал Клаудию из машины, было уже слишком поздно остановить пули.

- Как прекрасно. И что же это такое, что наделяет способностью настоящей властью?

Вайгерт постепенно становился нетерпеливым. Он уже целых двадцать минут разговаривал с незнакомым ему собеседником. И он все еще не дошел до тех вопросов, которые он, собственно, хотел ему задать.

- Вы прибыли из Вены, господин Вайгерт. Вплоть до прошлой ночи там во дворце лежал один предмет, который не только делал историю, но и сам был историей. Его обычно называют «**святым копьем**». Но для нас, посвященных **Шамбалы и Агарты**, это копьё судьбы. Римский легионер Лонгин когда-то пронзил этим копьем тело Иисуса. И с этой даты копьё свято. Оно, чаша и терновый венец – единственные предметы, которые вступали в контакт с кровью Иисуса Христа. Чаша, больше известная как **Святой Грааль**, и терновый венец считаются пропавшими без вести. Копьё же существует. Тот, кто владеет им, владеет властью, как к добру, так и к злу. Мы верили, что ни у кого нет шанса проникнуть в сокровищницу. Все же, **Агарты** получили копьё, как им это уже удалось десятилетиями раньше. Вы, Вайгерт, могли бы помочь нам найти его и предотвратить, таким образом, пробуждение **Агарты**. Если...

- Погодите! Я понятия не имею, о чем вы там говорите.

- Что...

Вайгерт взмахнул рукой, когда услышал, как снаружи раздались выстрелы. Его зрачки расширились. Он воспринимал все как в скоростной кинокамере. Снаружи перед кафе он увидел, как тело Клаудии тряслось от попадающих в нее пуль. Она ударилась о мужчину, который держал ее за руку. Выстрел попал в затылок Клаудии. Он пробил черепной свод, пробил себе дорогу через мозг и вышел почти над глазом, чтобы, наконец, застрять в шее маленького мужчины, которого Вайгерт никогда прежде не видел. Из его раны сейчас брызгали каскады крови. Пуля пробила артерию. Клаудия упала на землю. Ее тело повернулось в падении и ударилось боком о бетон тротуара. Мужчина, об которого она ударилась, скользнул с открытой дверью машины у спины к земле и остался лежать наполовину на Клаудии.

Трое рабочих, сидевших через несколько столов, как раз еще углубленные в их карточную игру, при треске выстрелов вскочили. Внезапно у каждого из них оказался в руке пистолет. Двое бросились к двери. Третий сначала казался нерешительным, потом он повернулся к Бекетту и Вайгерту.

То, что произошло за считанные секунды, для Вайгерта показалось длившимся минутами. Клаудия и неизвестный, который наполовину лежал на ней, были мертвы. Это было познанием, которое восприняло подсознание Вайгерта. Он и Бекетт тоже вскочили. В глазах Вайгерта можно было узнать только лишь чрезмерную ярость и отчаяние, когда Бекетт на него посмотрел. Вайгерт ударил его кулаком в грудь. Бекетт закричал, отшатнулся назад и упал на кресло. Но все это Вайгерт уже не замечал.

Он прыгнул к двери, которая вела к туалетам. Третий карточный игрок попытался проложить себе дорогу через хаос, который охватил кафе. Вайгерт пробежал вдоль по коридору к туалетам к двери, которая, кажется, выходила наружу. Внезапно она раскрылась, и вбежал мужчина с пистолетом в руке.

Реакции Вайгерта протекали с отключенным сознанием, так, как один японец научил его много лет назад. В движении он высоко прыгнул, подтянул левую ногу и ударил правой ногой со всей силой вперед. Одновременно он изверг резкий крик, в котором воплотились его накопившаяся ярость и безграничное отчаяние. Пятка со всей мощью ударила в лицо мужчины. Одновременно прозвучал выстрел из его оружия. Оба упали на землю. Мужчина, пораженный ударом ноги, а Вайгерт, потому что потерял баланс. Пуля попала в стену за ним.

Он встал на ноги, перепрыгнул через как бы безжизненно лежащее тело и вырвался через дверь. Переодетый рабочим тайный агент прервал преследование, когда увидел своего коллегу. Из его носа и рта текла кровь. Челюсть была необычным образом свернута.

Между тем, Вайгерт на руках подтянулся вверх на стену, которая окружала двор, и упал с другой стороны в темноту. Он начал бежать. Его слезы смешивались с каплями

дождя и увлажняли лицо. Все мосты были сожжены. Теперь уже больше не было никакого пути назад.

Рим, 20 декабря

Постучали три раза. Филлигер встал и пошел к двери.

- Кто там?

- Это я, Ганс. Открывай уже!

Он открыл. Вайгерт ворвался и упал в кресло. Взгляд его показывал, что что-то случилось.

- Что с тобой? Что-то пошло не так?

- Клаудия мертва.

Сначала Филлигер несколько секунд совсем ничего не говорил. Потом он подтянул второе кресло, которое стояло в комнате, и сел.

- Повтори еще раз!

Вайгерт глубоко втянул воздух. Когда он говорил, голос его ломался. Снова и снова он делал короткие паузы, в которых ужасное развитие событий еще раз происходило в его воображении.

- Они застрелили Клаудию..... Мы прибыли как оговорено в кафе. Она ждала... в машине снаружи. Я вошел.... Там внутри... в кафе... был мужчина. Мы беседовали. И тогда...

Вайгерт сглотнул, чтобы устранить комок в горле. Ничего не помогало. Тогда он продолжил.

- Внезапно прозвучали выстрелы.... Я смотрел из окна... Снаружи на улице кто-то вытаскивал Клаудию из машины... В тот момент в нее попали...

Филлигер вскочил и оттолкнул в сторону кресло сильным движением руки.

- Вот сволочи!

Филлигер начал ходить взад и вперед. До двери, которая вела в коридор, там поворачивал и снова шел назад. Когда он второй раз дошел до двери и повернулся, он еще раз процедил сквозь зубы слова, которые он уже раньше использовал. В его голосе лежала бессильная ярость.

- Вот сволочи!

Вайгерт что-то хотел сказать, но не знал, что. Филлигер остановился и посмотрел на него. В его глазах вспыхнул гнев.

- Почему они, собственно, не схватили тебя?

Между словами послышался тихий упрек. - Честно, Петер. Я ничего больше не мог сделать для Клаудии. Она... В нее попали несколько раз. Минимум четыре или пять выстрелов... Один из них... в голову...

Пока Филлигер шел к кровати, на которой лежал кейс, он спросил:

- Кто это был? Один из людей ООН?

Он открыл кейс, полез вовнутрь и вынул пистолет и заряженный магазин. Он одним толчком задвинул магазин в пистолет и дослал патрон в патронник.

Вайгерт встал и медленно приблизился к другу.

- Что ты собираешься сделать с этой штукой? Ведь что бы ты ни сделал, ты все равно не сможешь ее оживить!

Он положил руку на плечо Филлигера. Его тело слегка дрожало.

- Итак, кто это был?

Вайгерт сел на край кровати.

- Я этого не знаю. Правда. Выстрелы были сделаны с того места, которое я не мог видеть из кафе.

Филлигер задумчиво рассматривал оружие, которое держал в руке. Потом он осторожно положил его назад в кейс и сел возле Вайгерта.

- Что ты сделал, после того, как это случилось?

- Я убежал. Почему, я тоже не знаю. Это было как в трансе.

- Они пытались поймать тебя?

- Да.

В памяти Вайгерта снова появились трое мнимых рабочих, у которых внезапно появились пистолеты в руках. И потом мужчина в коридоре к туалетам. Крик. Скачок. Выстрел. Полицейские оцепления на улицах, от которых он ускользал, когда бежал по

городу. Потом телефонный разговор с Ливио Лучентини, из которого он узнал, где можно было найти Филлигера.

- Ты был быстрее.

- Мне повезло.

- Это значит, что они и тебя тоже хотели прикончить. И если они узнают, что я тоже в этом деле, тогда я следующий.

Вайгерт уставился на узор дешевого натяжного ковра на полу.

- Вероятно.

- Агарты или Шамбала?

- Что ты имеешь в виду?

- Я имею в виду, кто хочет убить нас. Агарты или Шамбала?

- Я не знаю это. Да и есть ли тут разница?

- Едва ли.

Снова некоторое мгновение только тягостная тишина господствовала между обоими мужчинами. Можно было слышать лишь шум движения, который проникал с улицы. Филлигер поднялся с кровати и пошел в ванную. Он вернулся с двумя стаканами. Он поставил их на маленький столик, который стоял в углу комнаты, возле бутылки виски, которая уже нашла там свое место. Он налил и подал один из стаканов Вайгерту. Потом он снова сел на кровать. Оба выпили по глотку.

- Уверен ли ты, что она мертва?

Филлигер смотрел на друга вопросительно. Вайгерт не ответил на взгляд.

- Да.

- Черт!

Снова тишина. Филлигер зажег сигарету. Затем следующий вопрос.

- Что теперь?

- А что еще? Мы сдаемся. То есть, ты постараешься снова добраться к себе в Норвегию. Они еще, видимо, ничего не знают о тебе. А я иду в секретную службу ООН.

Филлигер сделал глубокую затяжку.

- И для этого ты убежал? Для того, что ты только теперь поделиться с ними на самом деле?

- Проклятье, Петер, мы больше не держим это дело под контролем! Если мы продолжим, нас, вероятно, всех прикончат!

- А если мы не продолжим? Что тогда? Что, ты хочешь просто так забыть все, что мы узнали? Ты хочешь поступать так, как будто ничего никогда не было? Агартти, Шамбалы, Штайнера, Вевельсбурга, Мартена, его жены, Фолькера, Гринспэна, Гаракина, спящих и всего, что я там еще знаю? И ты хочешь теперь капитулировать!?

Вайгерт молча встал, чтобы налить виски в пустой стакан. Филлигер прошел за ним, взял его за плечо и круто повернул.

- Если ты сделаешь это, Ганс, тогда мы были с тобой друзьями самое долгое время. Клаудия не воскреснет, если мы продолжим. Но у нас есть долг по отношению к ней. И мы взяли на себя ответственность с этой проклятой историей, черт бы ее побрал! И никто не может забрать ее у нас!

Ответственность...? Не использовал ли тот мужчина в кафе те же самые слова, как теперь Филлигер?

- Странно. Тот мужчина в кафе тоже говорил об этом.

Филлигер был раздражен. - Что?

- Об ответственности.

- Что же он, собственно, еще рассказал? И кто это был вообще?

- Я не знаю, кто он. Он не хотел это мне говорить. Он ничего не рассказал, собственно, не слишком много важного, по меньшей мере. Стрельба помешала нам. Он показал мне долларовую купюру...

- Зачем?

- Он хотел этим показать мне, что бог оставляет свои следы.

- Ты не перегрелся?

- Почему?

- Причем тут бог и долларовая купюра?

- Я сказал «бог»? Я имел в виду Шамбалу.

- И?

- Ну, прямо перед тем, как началась стрельба, он говорил еще о символе, о символе якобы огромного значения, так как он вступал в контакт с кровью Иисуса Христа. По крайней мере, эти эзотерики придают ему, очевидно, главное значение. Тот, кто владеет им, владеет властью над добром и злом. Этот человек утверждал так, по крайней мере.

- Что это был за символ?

- Какое-то копьё, которое якобы лежит во дворце Хофбург. Люди Агарты якобы выкрали его прошлой ночью.

- В Вене?

- Да.

Филлигер с треском поставил стакан на стол и быстрыми шагами прошел к кровати. Рядом с кейсом стояла дорожная сумка. Он открыл ее и начал в ней рыться. Внезапно он вытащил газету из сумки и бросил ее Вайгерту. Тот перехватил ее.

- Что мне с ней делать?

- Читай. Там твое копьё.

Вайгерт развернул газету и рассмотрел ее поближе. Это был вечерний выпуск газеты «International Herald Tribune», который должен был поступить из типографии несколько часов назад. Ему не пришлось долго искать. Статья была на первой странице. Объявление в конце статьи рекомендовало дальнейший репортаж на третьей странице. Он начал читать.

Все, что он мог взять из текста на первой странице, было более или менее точным описанием событий, на которое уже намекнул мужчина в кафе. Прошлой ночью неизвестные преступники проникли в строго охраняемую сокровищницу венского дворца Хофбург. Как именно, об этом не было еще точно известно. Следы отсутствовали. Примечательно, что то, что могло бы быть одной из самых больших краж произведений искусства в истории, прошло в высшей степени «легко», если можно так сказать. Из всей сокровищницы был украден только один предмет. При этом речь шла о так называемом святом копьё, которое было одной из регалий трона династии Габсбургов. Даже из витрины, которую открыли преступники, чтобы изъять копьё, не пропало ничего, кроме одного этого предмета. Следовательно, мотивы преступников оставались загадкой.

Прежде чем Вайгерт перелистал до третьей страницы, он зажег сигарету. Затем он продолжил читать. Его руки судорожно мяли газетную бумагу.

Вторая статья была очерком об истории святого копьё и об его значении для габсбургской монархии. Сама по себе она не была особо интересной, если бы не единственная

фраза, заставившая Вайгерт насторожиться: «После присоединения Австрии к Германской империи в 1938 году, святое копьё, вместе с другими предметами сокровищницы, было перевезено в Германию, где оно в самом конце войны снова было конфисковано американскими войсками».

Как человек в кафе называл этот исторический предмет? «Копьё судьбы». Была ли уже однажды борьба за судьбу? Агарты, орден «Туле», Третий Рейх и - копьё. И Шамбала. Как уже десятилетиями раньше... Теперь до Вайгерта начало доходить, что имел в виду человек в кафе.

Все это время Филлигер был спокоен. Когда он увидел, что Вайгерт отложил газету, он посмотрел на свои часы. Было 2 минуты до полуночи. Он прервал тишину.

- Через две минуты начнется 21 декабря. Штайнер говорил тебе, что через несколько дней Агарты захватит власть. До сих пор мы не знали, что тогда произойдет. Теперь мы этого тоже не знаем. Но если правда, что тот тип говорил тебе в кафе, что Агарты стоит за этим похищением, тогда оно как-то связано с этим. Вероятно, именно похищение было тем, что имел в виду Штайнер. Если эти люди действительно верят в силу копья, то нас кое-что еще ждет. Теперь у них есть символ власти. И они сами получают власть. Мы не можем сдаваться, Ганс! Не сейчас, когда речь идет о решении!

- И что же мы должны делать? Мы не догадываемся даже, что и где пройдет. И мы, конечно, не знаем и того, произойдет ли вообще что-то еще или сама кража копья уже была всем!

- Точно вспомни еще раз, что говорил тебе Штайнер! Вдруг мы что-то упустили.

Вайгерт встал и подошел к окну. Копьё судьбы... Мог ли простой предмет изменить историю? Мог ли он быть действительно судьбой? Не в этом мире. Но Агарты и Шамбала происходили из другого мира. Была ли у копья там власть? Но если да, тогда его силы через Агарты и Шамбалу действовали в его, Вайгерта, мире. Однако не достаточно ли было уже даже того, если несколько сумасшедших верили в это, кроме того, если эти сумасшедшие располагали, очевидно, значительным влиянием? Да и были ли они вообще сумасшедшими? Или они делали, по меньшей мере, в принципе, только те же вещи, которые делал также и любой другой верующий? Была ли власть у появлений Марии в Лурде, к примеру? Или у Каабы с черным куском метеорита в Мекке? Или же они получали свою власть только благодаря людям, которые в них верили? Но, вероятно, за ними тоже стояла какая-то правда, которая была могущественнее, чем все другое. Почему бы тогда и не за копьём?

Вайгерт посмотрел из окна. В пяти этажах под ним, мимо отеля, текло римское ночное движение. Облака, которые принесли морозящий дождь, исчезли. Теперь небо было ясным. Несмотря на освещенность, которая исходила из города, можно было узнавать звезды, по меньшей мере, самые яркие среди них. И между ними, владея небом, висел круглый, грязно-желтый диск полнолуния.

Полнолуние. Миллионы лет оно снова и снова наступало с точностью, которой были очарованы люди с их появления на земле. Как и Солнцем.

Полнолуние... Мартен... Вевельсбург... Валгалла! Не эту ли связь он искал? Что рассказывал Мартен? Каждые несколько лет, когда зимнее солнцестояние совпадало с полнолунием, лунный свет падал точно через отверстие в стене в тот подвал, который служил когда-то СС культовым помещением. И завтра - Вайгерт посмотрел на часы - нет, уже сегодня, было зимнее солнцестояние.

Агартти... Штайнер... Копье... Вевельсбург. Событие, о котором говорил Штайнер, должно было происходить там! Перед лицом копья! И с людьми **Агартти**! Вот оно. И только там можно было бы задержать историю.

Внезапно Вайгерт повернулся.

- Нет, Петер. Мы все же можем кое-что сделать. Мы едем в Вевельсбург!

Филлигер понял быстро.

- Ты думаешь, **Агартти** привезет копьё туда?

- Я предполагаю. Мартен рассказал мне, что в этот подвал, ты уже знаешь, каждые несколько лет при полнолунии через отверстие падает лунный свет. И в этом помещении СС якобы проводил какие-то ритуалы.

Филлигер свистнул сквозь зубы.

- Конечно! Штайнер тоже рассказал тебе, что его посвящали в Вевельсбурге! И на компакт-дисках Мартена это тоже отмечено. Вот что могло бы быть этим.

Он сделал короткую паузу, посмотрел на пол, потом опять на Вайгерта.

- Мы не можем оживить Клаудию. Но мы можем, по крайней мере, выполнить наш долг. В этом мы обязаны ей. Поедем.

- Ты все получил от Лучентини?

- Да. Два пистолета и фальшивые документы. Сегодня я арендовал на мой фальшивый паспорт машину. Она стоит внизу. Ты должен только привести свою внешность в соответствие с фотографией в твоём паспорте. Потому что после событий на Пьяцца Навона твою рожу наверняка уже давно отправили всем легавым Европы.

- Мы должны сделать еще кое-что. Никто не знает, что ожидает нас в Вевельсбурге. Может быть, совсем ничего. Может быть, **Агартти**. Может быть, большой отряд агентов секретной службы ООН. Как бы то ни было. Мы должны принять меры предосторож-

ности, чтобы все, что мы узнали за последние недели, сохранилось, если с нами что-то случится.

И как ты это устроишь? Оба компакт-диска со списком спящих лежат в банковском сейфе. Ключ от него у меня. Но все остальное?

- Хилльгрубер.

- Ты хочешь рассказать все твоему шефу отдела?

- Я запишу все и пришлю ему. Есть ли у тебя еще распечатка списка с дисков?

- Да. Я как раз хотел разорвать его на мелкие кусочки и смыть в унитаз, как мы договаривались об этом. И что ты собираешься с ним сделать?

- Мы пошлем Хилльгруберу и список тоже.

- Ты действительно веришь, что можно доверять ему?

- Я надеюсь на это. Времени мало. Что другое нам еще остается?

- Тогда начинай прямо сейчас. Я пока попытаюсь немного поспать. Если я вообще смогу спать теперь...

Вайгерт сел за стол и начал писать. Сначала личное письмо Хилльгруберу. Потом он описал на бумаге еще раз во всех подробностях события последних недель. Когда он дошел до смерти Клаудии, ему пришлось бороться со слезами. С трудом он дописал последние строки. Затем он взял исписанные страницы и вместе с распечаткой списка спящих поместил их в большой конверт. Теперь две дюжины листов бумаги были единственной подстраховкой против кажущегося всемогущим врага.

Рим, 20 декабря

- Как это могло случиться, Томас?

Киплинг был настолько взволнован, что его голос срывался. Пот на лбу выглядел еще обильнее, чем обычно. И не было никакого носового платка, чтобы вытереть его.

- Это была просто неудача, в комбинации с секретным агентом, любителем пострелять.

Этого Олаф Карлссон не захотел проглотить просто так. Его голос стал таким громким, что его можно было слышать даже снаружи в коридоре представительства секретной службы ООН в Риме. - А что другое должен был делать Джиллис в этом случае? Наверное, ничего!?

Теперь Бекетт тоже увеличил громкость своего голоса.

- Почему этот сумасшедший сразу непременно должен был стрелять!? Или вы нанимаете к себе на службу только ковбоев, которые умеют пользоваться своим оружием лучше, чем мозгами!?

Киплинг встрял между ними.

- Почему он вообще попал в такое положение, что стал стрелять?

Бекетту это надоело. Он предоставил Карлссону возможность объясниться.

- Клаудия Аполлонио ждала Вайгерта в машине перед кафе. Насколько мы успели пока установить, один угонщик попытался вытащить женщину из машины и угнать ее. Один из наших людей стрелял в этого мужчину и при этом также попал в Аполлонио.

Киплинг еще не был доволен этим объяснением.

- Уверены ли вы, что не **Агартти** стоит за этим?

- Достаточно уверен.

- Почему?

- Во-первых, личность мужчины смогли идентифицировать. Его неоднократно арестовывали в прошлом за угон машин и другие правонарушения. Правда, его только редко удавалось уличить, но все говорит о том, что он обычный мелкий мошенник. И, во-вторых, если бы **Агартти** стояли за акцией, то это протекало бы не так. Тогда журналист и, возможно, мистер Бекетт тоже остались бы лежать на земле. Нет, это не **Агартти**. Это была просто неудача.

Томас Бекетт опустил на стул и пил глотками кофе из бумажного стаканчика. Он снова стал несколько спокойнее.

- Джо, получили ли вы, по крайней мере, от этого Аньелли что-нибудь? Он что-то знает о копье? Или об **Агартти**?

Киплинг опустил свое массивное тело на кресло.

- Аньелли, естественно. Мы допросили его. Сначала он молчал и совсем ничего не хотел знать. Тогда люди ООН стали очень неприятными. Но он попробовал...

- Мне не нужны детали! Я хочу знать результаты.

- Хорошо. Есть плохая и хорошая новости. О копье он знает не больше, чем мы. Он понятия не имеет, где оно и что должно происходить с ним. Хорошая новость состоит в том, что он выболтал, когда **Агартти** дает сигнал к началу наступления. И это...

Киплинг посмотрел на часы. Было за две минуты до полуночи.

- Это практически уже сегодня, 21 декабря. Зимнее солнцестояние, мы, собственно, сами могли бы сообразить это.

- После того, как я узнал о краже копья прошлой ночью, я почти об этом и подумал. Говорил ли Аньелли, по крайней мере, что или где будет проходить?

Киплинг обнаружил салфетку, с помощью которой он промокнул себе лоб.

- Нет. Так как наркотик, который мы ввели ему, чертовски хорошо действует, можно сделать только один вывод: он сам этого не знает. Либо его участие в акции не было предусмотрено, либо его еще не проинформировали.

- Вы хотя бы устроили наблюдение за его домом, бюро и за его квартирами и прослушку его телефонов?

Карлссон снова вмешался.

- Естественно, мы это сделали. Вы считаете нас полными дилетантами!

- Я этого не говорил. Что еще знал Аньелли об Агартти?

- Едва ли что-то, что помогло бы нам. Что касается количества спящих, то он подтвердил информацию Вайгерта. Их на самом деле 666, то есть, гораздо больше, чем мы когда-нибудь полагали. Как кажется, они организованы в ячейках. На даче Аньелли вблизи Рима пятеро из них встречались дважды в год....

- Мы, конечно, установили и за этим домом тоже самый строгий контроль. Возможно, там можно рассчитывать на встречу.

Олаф Карлссон хотел показать, что секретная служба функционировала очень хорошо. Бекетт просто игнорировал его.

- Что еще, Джо?

- Это и все, собственно. Мы еще продолжим допрос, чтобы разузнать следующие детали о современных организационных структурах Агартти. Но на данный момент это было, пожалуй, самое важное.

- Выболтал ли он еще имена нескольких спящих?

- Только тех пяти, которые регулярно встречались в его доме. Двое из них и так уже были в нашем списке. О наблюдении за остальными тремя, а также всеми другими, о которых мы уже знаем, уже было отдано распоряжение.

Карлссон использовал паузу, которую сделал Киплинг. Он хотел излить всю свою злость, которая накопилась в его душе за последние дни.

- Господа, я должен здесь кое-что заметить. Секретная служба ООН в существенной мере участвует во всех акциях против Агартти. И я ненавижу, когда принимаются решения, касающиеся секретной службы, которые я должен толь-ко лишь исполнять. Я здесь шеф, мистер Бекетт!

Бекетт поднялся, чтобы получить свежий кофе из автомата. В то время как горячая черная жидкость текла в бумажный стаканчик, он обратился к Карлссону.

- Я могу указать вам на то, что вы при вступлении в вашу ложу подчинили себя также иерархии Шамбалы? Я совершенно сознаю, что вы не рассчитывали, что столкнетесь с событиями, подобными тем, что произошли за последние недели. Вы думали, работа Шамбалы прячется только за дверями каких-нибудь лож. И время от времени вы поставите нам несколько досье, чтобы дискредитировать каких-то людей. К сожалению, этим не ограничивается. Мы все в одной упряжке, Карлссон. И в первую очередь у нас, все же, долг перед нашими идеями и только потом перед нашей профессией, не так ли?

Карлссон немного помедлил с ответом. Когда он дал его, он снова заметно успокоился.

- Да, вы правы. Извините. Я был только несколько рассержен, так как секретную службу ООН и вместе с тем также и меня упрекают в том, что она делает не все, чтобы успешно завершить это дело.

Стаканчик Бекетта наполнился. Он снова пошел к его креслу.

- Никто не упрекал вас лично. В конечном счете, что бы вы смогли сделать, если у одного из ваших сотрудников слишком свободный указательный палец. Мы не можем теперь растрчивать также время, чтобы спорить о неудачах. 21 декабря началось. Мы должны остановить Агартти. Все остальное теперь не имеет значения.

- И как?

Бекетт задумчиво поднял взгляд к потолку. Потом он медленно начал разрабатывать свою стратегию.

- У них есть копьё. Это решающий пункт. Следующий шаг - это ритуал, который позволит им использовать силы копьё. Они устроят его будущей ночью. В этом нет никаких сомнений.

- Но где, черт возьми?

Киплинг был совсем развязан, потому что у него больше не было сигарет.

- Да, где? В принципе это могло бы произойти повсюду. Но я очень сильно обманулся бы, если бы Агартти не выбрали для этого одно особенное место.

- Вероятно, в Тибете? В пользу этого говорили бы сведения, которые у нас есть от француза в Вевельсбурге.

Бекетт покачал головой.

- Нет, я не думаю. Копье украли прошлой ночью. Вряд ли хватило бы времени, чтобы привезти его туда.

- А что насчет самого близкого места, а именно самой Вены?

- Возможно. Но с такой же вероятностью это могло бы происходить в Вевельсбурге.

Теперь слово взял Карлссон.

- Я думаю, так мы не продвинемся вперед. У меня есть другое предложение. Мы знали об одиннадцати спящих. Аньелли выдал нам еще троих. Всего четырнадцать. Сам Аньелли исключается, так как он находится несколькими этажами ниже в камере. Остаются тринадцать. За всеми тринадцатью уже наблюдают. Мы могли бы усилить контроль и надеяться, что в числе этих людей находятся те, которые примут участие в ритуале. И они могли бы тогда привести нас туда. Мы же пока остаемся в Риме. Если церемония состоится в Европе, и в пользу этого говорит короткий промежуток времени между кражей копья и ритуалом, тогда мы с нашими людьми могли бы быть там своевременно.

Бекетт отставил свой стаканчик и незаметно кивнул головой.

- Это правильно. Распорядитесь, пожалуйста, о всем необходимом.

21 декабря, Мюнхен

Обе большие установленные на земле свечи погружали помещение в теплый свет. Между ними стояло стройное, голое тело мужчины. Его глаза были направлены на стену перед ним, туда, где было нарисовано черное солнце. Его взгляд погружался в знак и воображал невидимую связь между телом и солнцем.

Мужчина позволил рукам опуститься. Он опустил голову, так что подбородок касался груди. Потом он медленно закрыл глаза и начал дышать глубоко и спокойно. Он концентрировался на том, как воздух входил через рот, устремлялся по трахеям вниз и попадал в его легкие. При выдыхании его дух следовал противоположной дорогой. Семь вдохов подряд.

Карлссон возглавил операцию. Шеф представительства секретной службы ООН в Риме не доставлял уже больше хлопот, как во время акции на Пьяцца Навона. Он отказался от более подробных объяснений. Их, правда, и так бы ему никто не дал. Наконец, не так уж редко случалось, что люди ООН координировали операции вдали от их настоящей базы.

Один из телефонов гудел. Мужчина перед ним взял трубку.

- Командный центр.

Он немного послушал, потом снова повесил трубку. Служащий встал и подошел к столу к Карлссону.

- Группа в Мюнхене как раз сообщила, что объект № 5 находится на автобане в направлении Нюрнберга.

- Спасибо.

Карлссон обратился к Бекетту.

- Это третий. Что вы об этом думаете?

- Сложно сказать. Тот, кто в Лондоне, по дороге в аэропорт Хитроу. На его имя не забронирован ни один билет. Но это мало что значит. Объект из Неаполя едет на машине в Рим. И он все еще там. Остальные из наших тринадцати клиентов сидят либо дома, либо в офисе.

- Или лежит со своей подругой в постели, как тот в Вене.

- Как бы то ни было. До сих пор только трое развивают активность, которая могла бы иметь значение для нас.

Карлссон посмотрел на оцифрованную европейскую карту, которую компьютер проецировал на стену. Он приблизил план изображения Германии.

- Автобан Мюнхен-Нюрнберг... Направление могло бы быть верным, если он хочет в Вевельсбург.

- Могло бы. И также не могло бы. Но если ваши люди его не потеряют, мы скоро будем знать больше. Тот, кто в Лондоне в данный момент доставляет мне большие хлопоты. Он едет к аэропорту, хотя под его именем ничего не забронировано.

- И с ним мы тоже скоро разберемся. Самое позднее тогда, когда его машина взлетит.

- Остается только надеяться, что времени тогда еще хватит чтобы что-то предпринять. Что, если он летит, например, в США?

- Если ритуал должен происходить еще сегодня ночью, то он не успел бы. И если, все же, это должно произойти в США, то я должен буду как раз попросить моих коллег там о поддержке.

- Это ни в коем случае не было бы в наших интересах. Мне уже хватило тех нескольких людей, которые кое-что узнали о делах с Вайгертом и с этим французом. Чем больше людей привлекается, тем больше проблем мы можем получить. Это значит, сначала, прежде всего вы, господин Карлссона. Масса людей могла бы однажды спросить себя, зачем мы мобилизовали так много людей. Нет, до тех пор, пока дела как-нибудь идут, мы постараемся справиться с этим делом с вашей группой, не подключая другие власти. Никакой регулярной полиции, никаких других спецслужб и по возможности меньше людей ООН. Или же вы хотя-те, чтобы общественность узнала о настоящей причине нашего предприятия?

- Нет, ни в коем случае. Но что с людьми, которые наблюдают за нашими тринадцатью объектами?

- А что с ними? Они просто наблюдают за подозреваемыми. Они не знают, в чем дело и что это за люди. Это для них только поручение, как и многие другие тоже.

- А если необходимо будет вмешательство?

- Тогда вы как раз снимете их, как только мы будем там.

- Но что, если мы не сможем своевременно быть там? У нас, правда, есть маленький реактивный самолет, а также мы сможем использовать и вертолет, но все это только тогда нам чем-то поможет, если этот балаган произойдет в Европе.

- В данный момент все, кажется, говорит в пользу этой версии. Объекты в США и Японии ведут себя пока что еще спокойно. И я думаю, они там так и останутся.

- Ну да, через один или два часа мы уже будем знать больше.

Карлссон встал, чтобы взять себе свежий кофе.

Автобан Цюрих-Штутгарт

Цифровой спидометр показывал 135 км/ч. Часы рядом с ним 16 часов и три минуты. Теперь дорога была снова сухой. Никакой снегопад больше не препятствовал скорому продвижению. Филлигер пристально смотрел через ветровое стекло. Два часа назад он сменил Вайгерта за рулем. Его глаза покраснели.

Веки снова и снова падали вниз. Но он каждый раз умудрялся сразу открывать их вновь. Но медленно наступало время, когда необходимо было немного поспать.

Вайгерт и Филлигер еще ночью выехали из Рима. Конверт для Хилльгрубер они отправили еще в первой половине дня. Машина была – что касалось возможно-го полицейского контроля – самым надежным транспортным средством для них. Секретная служба ООН ничего не знала о Филлигере. И еще меньше она знала о некоем Петере Ридле, который вчера показал свой документ в фирме, где взял напрокат автомобиль. Фальшивые документы, которые обеспечил им Лучентини, полностью выполнили свою задачу. И Ганс Вайгерт покрасил волосы, как уже во время его полета в Тибет, «под блондина».

Вайгерт заворочался на сиденье рядом с водителем и раскрыл глаза.

- Где мы?

Он сел ровно.

- Недалеко до Штутгарта.

Три или четыре минуты царило молчание. Филлигер нарушил тишину.

- А что будет, собственно, если мы не ошиблись, и Агарты действительно привезли копье в Вевельсбург?

- Что должно быть тогда? Мы заберем копье, как договорились.

- А что мы будем делать, если нам воспрепятствуют в этом?

Вайгерт все еще не понимал вопроса.

- Конечно, они не отдадут копье добровольно. Для этих людей у него есть огромное значение. Так что же ты имеешь в виду?

- Еще раз открытым текстом: ты еще не понял, что при этом они могут убить нас? Если Агарты готовы шлепнуть высокопоставленных политиков, тогда они точно не побоятся сделать это с нами. И самое мрачное при этом, что они тем самым окажут еще и услугу Шамбале.

Вайгерт посмотрел на дорогу, потом снова повернулся к Филлигеру.

- Штайнер мог бы убить меня еще в Тибете. Я...

- Там он еще хотел кое-чего от тебя. Но ты не выполнил его желания о публикации его легенд. Ты или мы...

Филлигер замолк, потому что подумал о Клаудии. Он сглотнул, прежде чем продолжил.

- Мы не были для него опасностью. Но теперь у нас есть список спящих. И мы хотим стащить у **Агарты** копье. Неужели ты всерьез веришь, что они просто так дадут нам уйти?

- Они ничего не знают о списке спящих.

- А копье?

Вайгерт снова пристально посмотрел на дорогу.

- Ты вошел бы туда только тогда, если бы не нужно было считаться с их сопротивлением?

Филлигер лишь коротко помедлил с ответом.

- Нет. Клаудия мертва. Что бы там ни было в этом копье, но если с его помощью можно посадить в лужу и **Агарты** и **Шамбалу**, то мы получим его.

Он повернул на стоянку и остановил машину, не выключая мотор.

- Так, теперь твоя очередь рулить. А я должен немного поспать.

Они поменялись. Вайгерт сел за руль и поехал. Когда он снова встроился в движение по автобану, его друг заговорил опять.

- Еще один глупый вопрос, Ганс. Предположим, мы заберем копье. Что мы тогда, собственно, сделаем с ним?

Вопрос ни в коем случае не был глуп. Однако Вайгерт сам не знал ответа. Пока не знал, по меньшей мере.

- Я не знаю. Но это копье, кажется, крайне важно для **Агарты** и **Шамбалы**. Этот человек в кафе говорил о «**копье судьбы**». Вероятно, мы можем с ним играть в судьбу.

Филлигер пробурчал еще что-то, что Вайгерт не мог понять. Потом глаза его друга закрылись, и он уснул.

Франкфурт

- **Т**ак, и здесь тоже распишитесь, пожалуйста.

Человек подписался как Карл-Хайнц Эссингер. Именно на это имя было оформлено и его водительское удостоверение. Совсем рядом компьютер напечатал в формуляре дату и время.

21 декабря, 16.58.

Служащая улыбнулась и обнажила при этом два ряда безупречных зубов, белый цвет которых был в волнующем контрасте к красному цвету ее губ. Она указала на один из выходов.

- Вы найдете машину, если выйдете там, сразу слева. Это синий «Форд». Его номер есть в формуляре. Чтобы вы не перепутали.

Мужчина схватил ключ.

- Спасибо.

- До свидания и счастливого пути.

- До свидания.

Это была ложь. Она никогда не увидела бы его вновь. Карл Штайнер знал, что сегодня будет последнее зимнее солнцестояние в его жизни. Пять дней назад, когда он еще сидел в уединенности тибетских гор, его судьба открылась ему. Он не опечалился ни на секунду. Человек был ничто в сравнении с тем миром, которому Штайнер служил. Даже тогда, когда этот человек прошел большой участок пути по дороге к божественному. Теперь нужно исполнить судьбу. Старое должно было пройти, потому что новое уже проявлялось как серебряная полоса на горизонте. Если силу копья сначала удастся вызвать заклинаниями, то никто больше не сможет задержать Агартти. Это было его последним большим заданием, прежде чем он навсегда ушел бы из одного в другой мир. Редко Штайнер чувствовал себя таким свободным.

Рим

- Семь минут шестого. Постепенно приходит время.

Карлссон нервно ходил взад-вперед и курил. Бекетт сидел за столом, погружившись в мысли. Внезапно один из телефонов снова загудел. Мужчина на этом месте как раз встал, чтобы взять сигареты. Карлссон подошел к аппарату и сам снял трубку.

- Командный центр.

- Объект № 3 как раз снова покинул аэропорт. Он забрал женщину, которая прибыла рейсом TWA из Нью-Йорка. Нам продолжать следить?

- Да, естественно. Сообщите снова, как только узнаете, куда они оба едут. Конец.

Бекетт наблюдал за Карлссоном.

- И?

- Мужчина в Лондоне не улетел. Он только забрал кого-то из аэропорта. Женщину.

- Вы можете установить, где находятся оба других?

Карлссон провел две беседы. Тогда у него была информация.

- Тот, кто из Мюнхена проезжает теперь мимо Вюрцбурга в направлении Касселя. Другой из Неаполя только сидит в ресторане в Террачине. Это где-то на полпути в Рим.

- Можете показать мне путь нашего мюнхенского друга на карте?

- Да, здесь.

Карлссон показал путь пальцем.

- Это подошло бы?

- Пока да.

- Мы можем еще своевременно оказаться в замке?

- Реактивным самолетом и вертолетом из аэропорта Кёльна / Бонна могло бы получиться.

- Тогда сообщите вашим людям. Мы стартуем.

Вевельсбург

Что значат десятилетия для сооружения, которое уже четыреста лет смотрело с холмов вниз на долины? Это было так, как будто бы Вевельсбург ждал. Ждал того, что апостолы Агартти когда-то возвратились бы и пробудили его от сна. Теперь наступало это время.

Несколько часов назад сильный северный ветер вымел уже облака с неба и оставил его в девственном синем цвете. Только тогда солнце опустилось за горизонтом. Темнота ночи пришла с востока над землей, чтобы взять ее в его руки.

Но самая долгая ночь года была бы сегодня только короткой. Возрождение нового солнца произошло бы в ее лоне, солнца, которые могли бы увидеть только немногие, черного солнца, которое поднялось бы из первопричины времен. И на следующее утро, которое забрезжило бы, ясное и холодное, ничего больше не было бы таким, каким это было еще сегодня.

Копье судьбы в одно и то же время вызвало бы зачатие и смерть. Его сила вдохнула бы **черному солнцу** дуновение жизни и пробудила бы новое время. И в тот же момент его острие глубоко вонзилось бы в тело старого времени и нанесло бы ему смертельный удар. При этом история остановила бы дыхание, чтобы затем глубоко вдохнуть воздух, изменить свое направление и гигантскими шагами поспешить навстречу новой цели. И люди **Агарты** скакали бы верхом на ее плечах. Час решения настал.

- До сих пор двенадцать человек исчезли в замке, последний примерно двадцать минут назад. Они вошли в башню, которая лежит вне двора замка.

Насколько мы поняли до сих пор, мероприятие должно было проходить совершенно без охраны. Мы нигде не заметили ни каких часовых. Однако, очень возможно, что в помещениях замка или где-нибудь в городке готов комитет для встречи незваных гостей. Нужно ли нам что-то предпринять?

Агент секретной службы прижимал трубку радиотелефона к уху, чтобы лучше понимать, что говорили на другом конце линии связи. Из-за шума, похожего на тарахтение вертолетного двигателя, он мог только неясно слышать слова Карлссона.

- Нет, ни в коем случае. Ждите, пока мы не появимся.

- А что, если за это время кто-то захочет исчезнуть?

На другом конце была короткая пауза. Руководитель операции, кажется, консультировался с кем-то.

- В этом случае бейте сразу. Но будьте осторожны. Нужно считаться с тем, что ваши объекты вооружены. Если появится что-то подозрительное, немедленно сообщите нам.

- Понятно. Когда вы можете здесь быть?

- Через двадцать минут, я думаю.

- Все ясно. Конеч.

Агент положил трубку назад на крепление. Второй мужчина, который еще сидел в машине, слушал разговор. Третий лежал на удалении нескольких сотен метров за стопкой стройматериала и наблюдал за входом в северную башню замка, там, где двенадцать мужчин исчезли во внутренней части каменного строения.

Самый высокий по рангу из трех агентов ООН полез на заднее сидение. Он вытащил легкий кевларовый шлем и надел его себе на голову.

- Ты остаешься в машине, Дитер. Мы держим контакт по радио в шлеме. Ты сообщай мне обо всем, что покажется тебе подозрительным. Джон и я информируем тебя о

положении в замке. Если там что-то произойдет, ты немедленно передашь это руководителю операции.

- Сегодня тут может быть горячо.

- Похоже на то. И поэтому мы распакуем тяжелую артиллерию.

Оба мужчины вышли и направились к багажнику их тщательно спрятанной в тени амбара машины. Тот, кого называли Дитером, открыл крышку и подал своему шефу пояс, на котором были закреплены два подсумка. Каждый содержал два полных магазина для пистолетов-пулеметов, которые тоже лежали в багажнике. Шеф застегнул пояс на себе. Потом он вынул следующий пояс, а также два пистолета-пулемета.

- Я принесу игрушку Джону. Он и так любит эти штуки больше всего в жизни.

- Лишь бы только этот болван не забыл сегодня утром упаковать пуленепробиваемые жилеты и прибор ночного видения. У меня совсем нет желания поймать пулю. Тех, других, как минимум, двенадцать, нас всего трое. Прекрасное несоответствие, не так ли?

- Пусть даже и так. Насколько мы заметили, ни у кого из тех людей нет при себе автоматического оружия. Вероятно, у них даже пистолетов нет. И, кроме то-го, воздушная кавалерия уже в пути.

Человек только непонимающе покачал головой, и надел свой шлем. Он включил радиостанцию.

- Проверка связи. Раз, два, три.

- Все правильно, работает. Так, теперь я иду к Джону.

- Не возьмешь еще шлем и для него? Что, если вам придется разделиться?

- Так много я не могу нести. Я уже должен тащить его оружие и подсумки с магазинами. Я сообщу, когда буду у Джона. Это продлится примерно от пяти до десяти минут.

- Вот оно!

Вайгерт выключил мотор и дал машине доехать до обочины. Контуры замка выделялись над крышами маленького городка. Их можно было видеть более отчетливо, чем он предполагал. Ничего странного. Полнолуние стояло в полном великолепии на безоблачном небе и погружало ландшафт в мягкий свет.

Филлигер открыл бардачок и достал оба пистолета, полученные им от Лучентини. Он передал один из них Вайгерту. Тот помедлил один момент, прежде чем взял его.

- Бери уже! Подумай о Клаудии!

Вайгерт взял. Оба перезарядили их оружие. Вдали выла собака. Вайгерт засунул пистолет в карман его кожаной куртки.

- До замка примерно пятьсот метров. Лучше всего мы пройдем по территории мимо домов, иначе мы еще попадем какому-нибудь полночнику в руки. Где-то там впереди... - Вайгерт указал рукой направление - там впереди мы должны пойти налево. Тогда мы придем прямо к входу северной башни.

- А ты уверен, что башня это правильное место? Не могли ли они быть также в зале, где **черное солнце** вделано в пол?

- Я почти полностью уверен, что они в Валгалле. Если нет, тогда мы пойдем в зал перед нею.

- Тогда хорошо.

Глаза Филлигера излучали его решимость искупить смерть Клаудии. Теперь копье было объектом, с которым связывались его эмоции. С его помощью он сильнее всего мог бы нанести удар **Агарты и Шамбале**. И как раз этого он хотел. Ради Клаудии. Петер ни секунды бы не колебался использовать свое оружие, думал Вайгерт и одновременно очень надеялся, что его друг не найдет повода для этого.

- Ну, тогда пошли.

Оба вышли и отправились в путь, осторожно, стараясь избегать любого шума. Свет полнолуния давал им возможность ориентироваться. Спустя двенадцать минут они опустились рядом на траву. Волнение, которое охватило их, позволяло им не чувствовать холод. Они пристально смотрели вперед на вход в северную башню замка.

- Выглядит довольно спокойно.

Филлигер перешел на шепот.

- Да, даже слишком спокойно. Если бы секретная служба ООН добралась сюда, то она уже давно бы атаковала замок. Потому нам придется иметь дело только с **Агарты**.

- Если там вообще кто-то есть. Что теперь?

- Мы должны войти внутрь.

- Это я и сам знаю. Но как? Или ты хочешь просто войти через ворота и любезно поприветствовать этих господ? Что, если они вооружены?

Вайгерт опустил взгляд к земле и рассматривал пучок засохших соломинок, который возвышался над землей. Он размышлял. Филлигер прервал его.

- Ты боишься?

Вайгерт медлил с ответом. Потом совсем тихо сорвалось с его губ.

- Да.

- Я тоже.

Они замолчали. Прошло полминуты. Потом Филлигер заговорил снова.

- Ну и пусть. Что всегда говорил Эггер? Если ты уже решился прыгать, тогда прыгай.

Вайгерт снова вспомнил маленького мускулистого инструктора с веселыми усами. Он учил их бороться в армии. Тогда оба друга рассматривали все это еще в качестве удовольствия. Но сегодня...

Там лежало оно. Копье судьбы. Лежало оно точно посередине Валгаллы на каменном кубе, на котором люди **Агарты** разложили дорожку из бархатного, кроваво-красного материала.

Судьба была длиной точно пятьдесят сантиметров и семь миллиметров. Когда-то она была просто острием копья, сидевшего на деревянном древке. Из железного листа кузнец где-то около 1000 года выдолбил среднее ребро остро-овальной формы и в это место поставил гвоздь креста, на котором убили Иисуса Христа. При этом копьё распалось в середине.

Затем кузнец поместил несколько крепких медных проволок, которые должны были удерживать обе части. Следующими проволоками закрепили два маленьких лезвия ножа - справа, слева - в нижнем конце копья. Несколько десятилетий спустя, при Генрихе IV, серебряная муфта была установлена в середине. Еще примерно через триста лет, при Карле IV Богемском, серебряную муфту сменили на золотую. Теперь на ней была надпись «**LANCEA ET CLAVVS DOMINI**» - копьё и гвоздь Господа. Так выглядело копьё судьбы еще сегодня.

Когда-то римский легионер Лонгин вонзил копьё в тело Иисуса. Тогда, когда в Иерусалиме кровь Сына Божьего увлажнила металл оружия, сила другого мира перескочила в этот мир. Ее фокусом было копьё, которое должно было в будущем определять судьбу человечества. И так оно протянуло свой след через историю.

Маврикий, командир Фиваидского легиона и непосредственный потомок Лонгина, держал его в руке, когда сделал свой последний вдох. 666 солдат заплатили до того смертью за верность их предводителю и их вере. Легион получил от императора Максимиана приказ подавить восстание христиан. Когда Маврикий и его солдаты отказались исполнить приказ и бороться против их братьев по вере, Максимиан решил преподать наглядный урок. Он отнял у мертвого Маврикия копьё.

Константин Великий, женившийся на дочери Максимиана, получил копьё как свадебный подарок. Константин взял копьё, когда скакал в битве у Мильвийского моста под Римом, где решалось, кто будет в будущем господствовать в Римской Империи.

Король гуннов Атила, орды которого, придя с Востока, грабя и убивая, прокатились по Европе, в своем походе пощадил город Константинополь. Но ценой за это было золото и – святое копьё. Но Атила не сумел употребить его силу. Захват Рима не удался. И потому он проскакал перед воротами города и бросил римским офицерам под ноги священное оружие со словами «заберите его снова назад!».

Карл Мартелл направлялся копьём, когда завоевал свою победу против арабов при Пуатье. Карл Великий в доверии к силе копья провел 47 успешных походов.

Король Генрих Птицелов передал копьё английскому королю Этельстану. Когда его сестра Эдит вышла замуж за Оттона Великого, символ власти снова вернулся в Германию. С его помощью Оттону удалось добиться победы над венграми на реке Лех. Он передал святое копьё своему сыну, который в свою очередь снова завещал его своему сыну Оттону III. После Генриха II, а также его сына и внука копьё, наконец, оказалось у Фридриха Барбароссы.

Когда он с огромной армией крестоносцев по дороге в Иерусалим утонул в турецкой реке, Леопольд Австрийский забрал копьё себе. Он привез его в Палестину, через тысячу лет после того, как копьё покинуло это место, где сила другого мира перескочила в этот мир. Там рыцарский Тевтонский орден взял на себя заботу о святыне. В его свите копьё было привезено из Палестины в Восточную Европу.

Когда во времена Фридриха II монголы угрожали этому региону, было решено перевезти копьё Германии. Там она находилась – абсолютно незаметно – следующие 550 лет. Теперь скипетр был символом империи.

В 1806 году, когда войска Наполеона затоптали большую часть Европы и победили Первую Германскую империю, святое копьё спрятали в туннеле под Нюрнбергским замком. Все же, это место казалось недостаточно надёжным. И тогда его перевезли в Вену, где оно перешло во владение дома Габсбургов.

В ночь с 14 на 15 марта 1938 года, наконец, в венской сокровищнице новый человек овладел этим символом, которому он подчинил себя на 18 лет раньше. Адольфу Гитлеру и людям Агарты оставалось семь лет, чтобы пользоваться силой копья. 30 апреля 1945 года судьба перешла к Шамбале. До последних двух ночей. Так как теперь она снова возвратилась в Вевельсбург.

Двенадцать каменных площадок прижимались к стенам куполообразного подвала. На одиннадцати стояли, погруженные в транс, избранные Агарты. Двенадцатая площадка была свободна. Карл Штайнер должен был вступить на нее, когда закончил бы свою медитацию перед копьём. На секунды позже луч полнолуния упал бы через отверстие

в стене и погрузил бы копье в бледный свет. Тогда наступил бы момент для возрождения Агарты в этом мире.

- Ну, наконец!

Агент ООН схватил пистолет-пулемет и подсумки с магазинами. Пока он застегивал пояс на себе, другой стоял на коленях за штабелем досок и смотрел в направлении башни. Потом он пододвинул маленький микрофон встроенного в шлем радио поближе ко рту.

- Ты меня слышишь, Дитер?

Ответ последовал немедленно.

- Да, нет проблем.

- Я сейчас у Джона. Здесь все еще ничего не происходит. Конец.

- Все ясно, конец.

Джон перезарядил пистолет-пулемет. На его лице отражалось радостное ожидание палача перед казнью.

- Когда мы туда войдем?

- Пока еще нет. Команда летит сюда. Они придут через несколько минут. Я предполагаю, что это тогда и начнется.

- Надо надеяться. У меня есть это...

Джон покрутил пистолет-пулемет и привел его в боевую готовность. Ствол теперь был направлен на кустарник за обоими.

- Ты слышал?

- Что?

Ответ утонул в неистовом стакато выстрелов. Первые пули ударили в землю в метре перед двумя мужчинами. Тогда, через доли секунды, очередь подобралась ближе. Последний шум, который услышал Джон, были шлепки, которые вызывали куски свинца, когда они вонзались в древесину досок. Еще раньше они пронзили тело агента ООН.

- Давай я пойду вперед.

Ганс Вайгерт как раз хотел подняться, когда в холодном ночном воздухе раздались выстрелы. Инстинктивно он бросился вниз и прижал лицо к земле. Тело было как парализовано. Ежеминутно он ожидал, что в него попадут.

Филлигер прокатился по земле и держал свой пистолет обеими руками. Там! Впереди справа примерно в двухстах метрах он увидел вспышки дульного пламени в ночи. Он прицелился в место, где они сверкали снова и снова. В его горле образовался комок. Казалось, что по его животу бегали муравьи. Его сердце билось неистово быстро. Он боялся.

Когда он, наконец, заметил, что огонь был направлен не на него и не на Вайгерта, он на короткий момент взглянул на своего друга. Вайгерт поворачивался совсем медленно и осторожно, его тело было тесно прижато к земле. Теперь он тоже держал свой пистолет в руке. Стрельба прекратилась. Стало таинственно тихо. Все же, ночь, кажется, только выжидала правильного момента для следующей неожиданности.

- Черт! Откуда это было!?

Хотя Вайгерт смягчил свой голос до шепота, можно было почувствовать волнение и страх, которые были в нем.

- Вон оттуда.

Филлигер указал пистолетом направление.

- Это было не против нас.

Вайгерт издал глубокий вздох, вздох одновременно облегчения и отчаяния. Его мысли ходили по кругу. Сейчас! Сейчас они должны были идти в замок! Еще до того, как люди **Агарты** снова исчезнут в ночи. Они должны были услышать выстрелы. Выстрелы... Шум смерти... Почему именно он, черт побери!? Вайгерт с гораздо большим удовольствием убежал бы. Но что тогда? Там внутри лежала судьба! И нигде больше! Если он не будет действовать теперь, тогда никогда больше. Он должен был исполнить судьбу, и никто не помог бы ему в этом. Кроме Филлигера.

- Вперед! Мы должны идти внутрь! Сейчас!

- Ты с ума сошел!?

Филлигер хотел удержать Вайгерта. Но он уже вскочил и продвигался вперед под защитой кустов в направлении северной башни. Клаудия была мертва. И его друг как раз выбрал лучший путь, чтобы последовать за нею. Нет! Он не мог оставить его одного. Не из-за **Агарты**, не из-за **Шамбалы**, а также не из-за копья. Единственное, что в настоящий момент имело значение, было их дружбой. Сейчас или никогда! В борьбе за судьбу нужно было доказать, чего она стоила.

Когда Филлигер вскочил, выстрелы ударили снова. Но они все еще не предназначались для обоих друзей. Где был Вайгерт? Теперь он увидел его. В двадцати метрах впереди он сидел в тени куста. Филлигер побежал. Проклятье! Что делал теперь Ганс? Он мог увидеть, как Вайгерт поднялся и вскочил на маленькую пешеходную дорожку, которая вела к входу в башню. До того места у друга было еще десять, вероятно, даже пятнадцать метров.

Там он увидел это. Какая-то фигура выходила из стенной ниши возле ворот. Она испуганно остановилась, когда заметила Вайгерта, который как раз на полном ходу неся по дорожке. Теперь он тоже заметил опасность. Он упал и покатился в сторону. Фигура подняла руки. Филлигер узнал в лунном свете контуры пистолета-пулемета. Его смертельное содержимое прямо сейчас полилось бы в направлении Вайгерта.

Филлигер внезапно остановился, слегка присел на колени и прицелился. Никакая мысль не омрачала его инстинкты. Указательный палец согнулся. Один, два, три раза. Фигуру отбросило, она ударилась о тяжелые деревянные ворота входа в башню и медленно скользнула вниз. Пистолет-пулемет с шумом упал на землю. Когда Вайгерт обернулся, Филлигер уже побежал. Он оттащил мертвое тело в сторону и схватил оружие, которое мертвец как раз еще держал в своих руках. Его друг раскрыл ворота. Вход в Валгаллу был свободен.

- Дитер, пожалуйста, подойди!

- Что там случилось у вас? Кто стрелял!?

- Понятия не имею. Я здесь застрял! В Джона попали!

Пока агент ООН выкрикивал слова, он пытался разглядеть своих противников. Их должно было быть, по меньшей мере, двое. Внезапно послышался треск трех выстрелов подряд. Башня! Он быстро повернулся и увидел, как двое мужчин бежали в направлении входа. Перед ним, спиной против двери, кто-то лежал. Теперь его оттащили.

- Быстрее, Дитер! Кто-то пытается проникнуть в замок! Сообщи руководителю операции! А потом помоги мне! Пожалуйста!

Мужчина в машине схватил трубку радиотелефона.

- Группа 5 вызывает руководителя операции!

Кажется, прошла целая вечность, пока кто-то ответил.

- Руководитель операции слушает. Что случилось?

- Кто-то как раз пытается проникнуть в замок! Тут стреляют. В одного из нас попали. Что мы должны делать?

- Пока объекты не выйдут из замка, совсем ничего. Мы скоро будем у вас. Конец.

Карлссон посмотрел на Бекетта, который сидел рядом с ним в вертолете.

- Кто бы это мог быть?

Бекетт пристально посмотрел на землю с вертолета. Потом медленно поднял голову.

- Это Вайгерт, собака! Он сумел.

- Быстрее! Вниз!

Вайгерт и Филлигер по лестницам неслись вниз в Валгаллу, с оружием наготове. Филлигер первым ворвался в подвал, Вайгерт последовал за ним спустя десятую долю секунды.

- Руки вверх! Никому не двигаться!

Только теперь Вайгерт увидел, что в помещении находились двенадцать мужчин. Одиннадцать из них стояли на площадках, которые прижимались по кругу к стене. Их взгляд был неподвижно направлен к центру подвала. Они должны были быть в трансе. Один мужчина как раз шел к последней свободной площадке. Вайгерт видел только его спину.

- Остановитесь и повернитесь!

Мужчина и не подумал повиноваться приказу. Филлигер выстрелил в воздух. Выстрел был оглушительным, неоднократно усиленный подвалом. Никакой реакции. Мужчина продвигался и дошел до площадки. Только тогда он повернулся. Вайгерт испугался, хотя он и предвидел это.

- Штайнер!

- Я уже ждал вас, господин Вайгерт.

Вайгерт прыгнул в круглое углубление, в середине которого стоял покрытый кроваво-красным бархатом каменный куб с копьём. Он схватил святое копьё и высоко поднял его. В этот момент лунный свет упал снизу через маленькое отверстие в стене высоко наверху. Луч точно попал в то место, где как раз только что еще лежало копьё. Было совершенно тихо. Взгляды Вайгерта и Штайнера встретились.

Штайнер предостерегающе поднял руку. Лицо его оставалось неподвижным.

- И что теперь, господин Вайгерт? Что вы хотите сделать с копьём? Ваша жизнь исчисляется годами. Но **Агарты** живет вечно. Придут другие, чтобы взять в свои руки судьбу. Вы не можете остановить историю.

- Я могу, Штайнер! Я могу, потому что я хочу!

Вайгерт засунул копье в карман своей куртки. Почти наполовину копье высывалось из него.

- Ганс! Ты слышишь!?

Филлигер отошел ко входу в подвал и внимательно слушал.

- Похоже на вертолет! Пора убегать!

Вайгерт медленно отходил назад, ни на мгновение не упуская Штайнера из виду.

- Прощайте, Штайнер!

Он повернулся и побежал вверх по узкой винтовой лестнице. Филлигер следовал за ним, прикрывая их отход пистолетом-пулеметом. Прибежав наверх, Филлигер захлопнул тяжелую дубовую дверь. Он схватил кусок дерева, который лежал на земле, и засунул его в щель под дверью. Вайгерт посмотрел наверх.

- Там! Вертолет!

- Они там, внизу! Быстрей, вниз!

Карлссон орал на пилота. Бекетт судорожно схватился за свое сиденье, когда вертолет внезапно стал спускаться. Карлссон кричал все еще громче.

- Огонь!

Уже несколько минут назад агенты ООН открыли выдвигающие двери с боков вертолета. По одному из них пристегнулись в проемах. Теперь у обоих мужчины были их пистолеты-пулеметы в руках. Пока остальные четыре агента приготвились, чтобы еще до посадки как можно быстрее выпрыгнуть из вертолета, эти двое мужчин открыли огонь из открытых дверей.

Вайгерт уже пробежал несколько шагов вперед. Теперь он обернулся и закричал Филлигеру.

- Да оставь ты эту дверь! Нам нужно сматываться!

Друг как раз хотел повернуться, когда первая очередь ударила над ним по крепостной стене. Вайгерт бросился на землю. Краем глаза он увидел, как Филлигер тоже упал и пополз до кустарника. Вертолет был всего лишь в десяти метрах от земли. Через две или три секунды он должен был сесть.

Пули впивались в замерзшую почву рядом с Вайгертом и вырывали комья земли. Бессильный от ярости, он обеими руками направил свой пистолет в направлении вертолета и нажал на крючок.

В пяти метрах от него Филлигер прижал пистолет-пулемет к плечу и чуть-чуть приподнялся. Когда он как раз хотел согнуть указательный палец, мощный удар оттолкнул его назад. Он упал. Когда он увидел кровь на своей груди, его сразу охватила уверенность: он исполнил судьбу.

Мужчина в правой двери вертолета вырвал пустой магазин из оружия, просто бросил его и выдернул новый из пояса. Когда он хотел одним толчком задвинуть его в отверстие, стекло кабины пилота разбилось. Человек за стеклом закричал и бросил руль. В тот же момент вертолет рухнул. Четыре метра свободного падения, потом он ударился о землю. Лыжи под давлением распались, корпус с треском упал на землю и погреб под собой ноги агента, который как раз собирался перезарядить свое оружие.

Бекетт ошеломленно сидел, скорчившись, на своем сиденье. Один из агентов выпал из открытой двери и упал одновременно с вертолетом. Пилот висел мертвым на своем ремне. Второй пилот держался за правую ногу, из бедра которой пробивалась кровь. Карлссон и другие агенты еще смогли своевременно крепко ухватиться. Теперь они выпрыгивали из машины.

Филлигер увидел, как вертолет ударился о землю. Еще раз он схватил пистолет-пулемет, собрал свои последние силы и встал на ноги. Теперь люди выпрыгивали из поврежденного вертолета. Он встал, широко расставил ноги и начал стрелять. Пули трещали об обшивку вертолета и пробивали ее. Агенты открыли ответный огонь.

В Филлигера попали снова - сначала в плечо, потом в ногу и, наконец, в живот. Он упал. Когда тело ударилось о землю, бак вертолета взорвался с громким хлопком. Как раз когда огонь охватил Томаса Бекетта, чтобы пожрать его плоть, Петер Филлигер сделал свой последний вдох. Рот его исказился в подобие улыбки. Он и Вайгерт: они победили! Он ждал этого момента на протяжении всей жизни. Затем он пожелал, чтобы его впустили в другой мир.

Австрия, 25 декабря

Зима милостиво раскинула свое белое покрывало над землей. Скрывшись под ним, природа собирала новые силы, чтобы начать свое возрождение весной в полном расцвете. Но до той поры она лежала в глубоком сне. Небо было покрыто низкими облаками, которые уже часами пытались облегчиться, непрерывно опуская на землю плотную пелену из снежинок. Ветви елей уже сгибались под тяжелым грузом, который обрушило на них небо.

Однако между ними, посреди уединенности лесов, стоял кто-то, у которого было еще гораздо более тяжелое бремя. Ганс Вайгерт смотрел на гладкую поверхность маленького озера. Влажные волосы спускались ему на лоб, в глазах стояли слезы.

Вокруг царил размытый полумрак. Он выглядел так, как это и должно было быть, пожалуй, в месте, отмечавшем переход из одного мира в другой. Свет, который предостерегал путника, говоря ему: здесь граница, перейти которую могут только немногие. Многим лучше повернуть назад.

Три часа утомительного пешего перехода лежали за Вайгертом. По темным лесам, через крутые горные хребты, до маленького озера. Оно лежало посреди скрытой котловины, которая давала скоплению воды как раз достаточно места, чтобы его вообще можно было назвать «озером». Прямо на его берегу круто поднимались заросшие лесом склоны. Здесь не было ни одного дома, ни одна дорога не блуждала в этом месте. Единственной возможностью доступа, которая не вела напрямик через горы, была короткая поездка на лодке. Потому что маленькое озеро было последним в ряду из трех водоемов. Первый из них был самым большим. Летом там царила оживленная деятельность, когда туристы наполняли многие нарядные дома, чтобы провести тут свой отпуск, и зажиточные гости, главным образом из Вены, меняли тут свои сшитые на заказ костюмы на традиционные кожаные брюки.

Второй водоем из трех лежал примерно на удалении пятнадцати минут пешком от первого, связанного с ним маленькой речкой, в холодных волнах которой летом можно было видеть узкие тела плывущей туда-сюда форели. Если прийти туда по песчаной дорожке, частично идущей параллельно течению маленькой речки, то натолкнешься на единственное здесь здание: маленький деревянный дом, в котором размещался ресторан, а также прокат лодок во время теплого сезона. И отсюда тогда можно было грести – по темным, глубоким водам – почти до того третьего водоема, который был последним в ряду, отделенным от второго только несколькими сотнями метров земли, но все же снова связанным с ним бодро шумящим над камнями маленьким ручьем.

Теперь, когда была зима, деревянный дом с прокатом лодок был, конечно, закрыт. И потому Вайгерт выбрал тяжелую дорогу через горы, как отверженный, который тайком пробирается в места своей юности, чтобы посмотреть, изменилось ли там что-то. В данном случае это было и так тоже. Потому что Вайгерт впервые был тут, когда ему было пятнадцать лет, вместе со своим отцом. Тогда это было чудесное, неотягченное время. Тогда, когда он был еще молод. Но это давно прошло.

Вайгерт осторожно опустился на опрокинутый ствол дерева. Его ноги болели от долгой ходьбы. Он уперся локтями в свои бедра, опустил голову в ладони и пристально смотрел на озеро. В последние дни тут было не очень холодно. Поэтому тонкий ледяной покров смог образоваться только у берега, самое большее в одном – двух метрах от него. И, все же, он породил, так же как и снег вокруг, впечатление глубокого холода.

Клаудия была мертва. Петер был мертв. Хилльгрубер тоже. Вчера, на Рождество, он узнал из «Листка» о смерти его начальника отдела. «Машина съехала с дороги под укатанным снегом, несколько раз перевернулась и, наконец, упала с двадцатиметрового склона. Потом она загорелась. Хилльгрубер был найден уже мертвым». За этим следовал длинный некролог заслуженному редактору «Листка», хранившему верность своей газете более двух десятилетий. Теперь его не было, и с ним умерла единственная надежда, которая еще была у Вайгерта. Результатов его поисков, списка спящих Агарты, все, что он послал своему шефу отдела, больше не было. Либо сгорели с Хилльгрубером, либо в чужих руках. Никто не смог бы убедить Вайгерта, что смерть Хилльгрубера была обычной аварией. Его так же принесли в жертву на алтаре другого мира, как Петера и Клаудию.

Он, Ганс Вайгерт, был единственным, который еще не попал в число жертв. Облава на него уже началась. Только благодаря большой удаче ему удалось беспрепятственно добраться сюда из Вевельсбурга. Однако у него не было никаких иллюзий. Они достали бы его, завтра, через неделю, через месяц, когда-нибудь. Потому что он владел кое-чем, что было чрезвычайно важным для его охотников. Он уже поставил крест на своей жизни. Теперь ему лишь нужно было довести до конца последний акт.

Он расстегнул немного молнию своего анорака, нащупал водонепроницаемый металлический ящик, который лежал под курткой и вытащил его. Там находился ключ к сейфу, в котором лежали оба лазерных диска, которые он нашел у Пьера Мартена, копия его записанных для Хилльгрубера результатов поиска и - копье.

Хранило ли это старое оружие действительно тайну, тайну, недоступную тому миру, в котором он, Вайгерт, - пока еще - жил? Существовал ли действительно другой мир, как рассказали ему это Штайнер в тибетских горах или неизвестный в римском кафе? И определял ли этот другой мир на самом деле, что происходило в мире Вайгерта? Были ли Агарты и Шамбала только кучкой сумасшедших, поднявших их эзотерику до политической основной нормы?

Гаракин, Фолькер, Гринспэн, Мартен, его жена, все погибшие в Вевельсбурге, и, прежде всего, Клаудия и Петер: их смерть, во всяком случае, была кровавой реальностью. И если они доберутся до Вайгерта, то он ни в коем случае не будет последним в этом списке, так же как Гаракин, пожалуй, не был в нем первым. Агарты и Шамбала, они продолжили бы жить. Будь то в этом мире или в другом. Однако копье судьбы исчезло бы навсегда. Возможно, это смогло бы сломать их власть. Но возможно, что с ним не исчезло бы ничего, кроме старого куска металла.

Вайгерт знал, что дно маленького озера круто опускается сразу после берега. Вода была очень глубокой, гораздо глубже, чем можно было представить, исходя из размеров водоема. Здесь копье, спустя две тысячи лет после того, как оно, согласно легенде, пронзило тело Христа, найдет свое последнее, достойное пристанище.

Вайгерт приготовился и бросил металлический ящик как можно дальше. Он пролетел сквозь плотную снежную завесу, несколько раз перевернулся в воздухе и ударился о воду. Считанные доли секунды он продержался на поверхности, потом он утонул. И с ним утонула судьба.

Вайгерт пристально смотрел на это место, пока круги на воде снова не исчезли. Потом он повернулся и ушел. Он сделал все, что мог. Пусть теперь охотники найдут свою жертву. Они могут отобрать у него жизнь, но его тайну – никогда.

Примечания

1

Из архивов разведки США: «*Report on Recovery of Imperial German Insignia of Holy Roman Empire*», MGO, Detachment E-203, Company C, 3rd Military Government Regiment, AP 403, USA

2

Я родился не там, но, может быть, я умру здесь (англ.)

3

Мировая разведывательная служба (англ.)

4

Добрый день, господи (итал.)

Оглавление

- [Рассел Макклауд ЧЕРНОЕ СОЛНЦЕ ТАШИ ЛУНТТО](#)
- [Вена, 14 марта 1938](#)
- [Нюрнберг, 30 апреля 1945](#)
- [Вена, 18 ноября](#)
- [Вена, 18 ноября](#)
- [Вена, 18 ноября](#)
- [Вена, 18 ноября](#)
- [Сан-Франциско, 19 ноября](#)
- [Вена, 20 ноября](#)
- [Вена, 20 ноября](#)
- [Вевельсбург, 21 ноября](#)
- [Сан-Франциско, 22 ноября](#)
- [Вена, 25 ноября](#)
- [Вевельсбург, 26 ноября](#)

- [Вена, 27 ноября](#)
- [Вена, 28 ноября](#)
- [Вена, 29 ноября](#)
- [Боцен, 1 декабря](#)
- [Боцен, 3 декабря](#)
- [Тибет, 7 декабря](#)
- [Боцен, 11 декабря](#)
- [Вена, 12 декабря](#)
- [Вена, 13 декабря](#)
- [Боцен, 13 декабря](#)
- [Сан-Диего, 14 декабря](#)
- [Боцен, 15 декабря](#)
- [Боцен, 16 декабря](#)
- [Рим, 16 декабря](#)
- [Боцен, 17 декабря](#)
- [Вена, 18 декабря](#)
- [Рим, 19 декабря](#)
- [Рим, 20 декабря](#)
- [Рим, 20 декабря](#)
- [Рим, 20 декабря](#)
- [21 декабря, Мюнхен](#)
- [Рим](#)
- [Автобан Цюрих-Штутгарт](#)
- [Франкфурт](#)
- [Рим](#)
- [Вевельсбург](#)
- [Австрия, 25 декабря](#)

